VISIT…

Мартин Гарднер

“Когда ты была рыбкой, головастиком – я...”

и другие размышления о всякой всячине

Издательство “КоЛибри”

MARTIN GARDNER

When You Were a Tadpole And I Was a Fish

And Other Speculations About This and That

Мартин Гарднер

“Когда ты была рыбкой, головастиком – я...”

и другие размышления о всякой всячине

КоЛибри

Москва

УДК 001
ББК 1
Г20

Перевод с английского
Алексея Капанадзе
Художественное оформление и макет серии
Андрея Бондаренко
Ведущий редактор серии
Ирина Опимах

М. Гарднер

Г20 "Когда ты была рыбкой, головастиком — я..." и другие размышления о всякой всячине / Мартин Гарднер: пер. с англ. А. Капанадзе. — М.: КоЛибри, 2010. — 368 с. — (Galileo)
ISBN 978-5-389-00971-4

Имя Мартина Гарднера (р. 1914) хорошо известно в России. За свою долгую жизнь он написал более 70 книг, ставших популярными во всем мире, многие из них издавались и на русском языке. Гарднер — автор огромного количества статей, посвященных математике (на протяжении 25 лет он вел колонку математических игр и фокусов в журнале "Scientific America"), а также фантастических рассказов и эссе на самые разные темы.

В сборник "Когда ты была рыбкой, головастиком — я..." вошли статьи, посвященные вопросам, явлениям или событиям, особенно взволновавшим писателя в последние годы. И о чем бы ни говорил со своими читателями Мартин Гарднер — о науке или о религии, о Честертоне или Санта-Клаусе, о гибели "Титаника" или о политике, — он демонстрирует глубочайший интеллект, мудрость и добрый, тонкий юмор.

УДК 001
ББК 1

ISBN 978-5-389-00971-4

Copyright © Martin Gardner, 2009
Published by arrangement with Hill and Wang,
a division of Farrar, Straus and Giroux, LLC, New York.
© А. Капанадзе, перевод на русский язык, 2010
© А. Бондаренко, оформление, 2010
© ООО "Издательская Группа Аттикус", 2010
КоЛибри®

Содержание

От издательства 9
От автора 12

Часть I. *Наука*
Глава 1. Энн Коултер бросает вызов Дарвину 15
Глава 2. Исаак Ньютон и его безбрежный океан истины 24
Глава 3. Выстрелы в яблочко и знаменитые промахи .. 31
Глава 4. "Мистер Беллок возражает" 40
Глава 5. "Мистер Беллок по-прежнему возражает" ... 46

Часть II. *Лженаука*
Глава 6. Почему я не сторонник паранормального ... 55
Глава 7. "Новое мышление", "Единство" и Элла Уилер-Уилкокс 90
Глава 8. Была ли предсказана гибель "Титаника"? ... 129

Часть III. *Математика*
Глава 9. Дракула готовит мартини 173
Глава 10. Ряд Фибоначчи 178

Глава 11. Покрытие "изуродованных" шахматных досок с помощью L-тримино 191
Глава 12. Ау, мистер Херш, вы "здесь"? 205

Часть IV. *Логика*
Глава 13. Взрыв Оракула Бреддиджа 215
Глава 14. Казнь Филберта-Фальсификатора 219

Часть V. *Литература*
Глава 15. "Удивительный волшебник из Страны Оз" 227
Глава 16. "Жизнь и приключения Санта-Клауса" 234
Глава 17: "Охотничьи рассказы" 248
Глава 18. "Когда ты была рыбкой, головастиком — я..." 264

Часть VI. *Религия*
Глава 19. Занимательный случай Фрэнка Типлера ... 287
Глава 20. Комический номер: падение Ричарда Робертса 296
Глава 21. Почему я не атеист 302
Глава 22. "Разноцветные земли" 330
Глава 23. Цена, которую мы платим 337

Часть VII. *Политика*
Глава 24. "Социализм" — бранное слово? 351

Примечания 357

От издательства

Мартин Гарднер — удивительный человек. Вот уже несколько десятилетий он пробуждает в читателях самых разных стран интерес к науке, и теперь, когда ему исполнилось 95 лет, можно только позавидовать широте его интересов, глубине знаний, здравости ума и свободе мысли. О чем бы он ни говорил — о математике, литературе, религии или политике, это всегда интересно, увлекательно, глубоко.

Выдающийся популяризатор науки, писатель, философ, Мартин Гарднер родился 21 октября 1914 года в Оклахоме, в городке Талса. Закончив в 1936 году Чикагский университет, стал дипломированным философом. Затем ему пришлось провести четыре года на военном флоте, после чего он зарабатывал на жизнь, публикуя небольшие рассказы в чикагских газетах. В середине 40-х Гарднер переехал в Нью-Йорк, где писал истории для

популярного детского журнала. Однако его всегда интересовала наука, а особенно — математика, и в 1957 году он предложил журналу "Scientific America" ("В мире науки") вести колонку математических игр и развлечений. Так началась его просветительская карьера. Статьи Гарднера, печатавшиеся в "Scientific America" на протяжении более 25 лет, имели огромный успех. А потом последовали книги по занимательной математике, с головоломками, математическими фокусами и задачками на сообразительность, а также философские эссе, очерки по истории математики, научно-популярные этюды и даже научно-фантастические рассказы. Гарднер создал свой собственный стиль, который отличается доходчивостью, яркостью и убедительностью изложения. В его текстах всегда присутствует блеск и парадоксальность мысли, новизна и глубина идей. В 2002 году Гарднер вернулся в свою родную Оклахому — ныне он живет в городке Нормане, где в местном университете работает его сын.

Сегодня Гарднер — автор более 70 популярных во всем мире книг, многие из них хорошо известны и в России (например, "Теория относительности для миллионов", "Этот левый, правый мир", "Математические головоломки и развлечения"). В них он учит своих читателей не только постигать науку, но и мыслить — свободно, отринув всяческие шоры и ограничения. Сам-то он умеет это делать блестяще, вот почему его статьи часто посвящены разоблачению ошибок, суеверий и лжи как в науке, так и в жизни вообще.

Этот сборник, последняя по времени книга выдающегося мыслителя, — коллекция очерков и эссе, посвященных вопросам, явлениям или событиям, особенно взволновавшим его и общество в последние годы. В книге семь частей: "Наука", "Лженаука", "Математика", "Логика", "Литература", "Религия" и "Политика". И в каждом эссе, пишет ли он о соотношении науки и религии, о новейших достижениях математики или паранормальных явлениях, о Санта-Клаусе, рассказах Честертона или о классике американской поэзии Л. Смите, Гарднер демонстрирует потрясающую эрудицию, мудрость и добрый, тонкий юмор. Все то, за что уже много лет его любят читатели во всем мире.

От автора

Перед вами очередной сборник статей, рецензий, предисловий к моим и чужим текстам; сюда же входит несколько разрозненных фрагментов из моих собственных полузабытых книг. Эти почеркушки объединяет лишь одно: все их написал я.

Благодарю д-ра Сида Дойча за его каторжный труд по вычитке корректуры.

Мартин Гарднер
г. Норман, штат Оклахома

Посвящаю Джеймсу Рэнди, верховному волшебнику, моему давнему другу, самому выдающемуся в мире разоблачителю лженауки и всякого рода шарлатанов, заявляющих, будто они обладают сверхъестественными способностями

Часть I
Наука

Глава 1
Энн Коултер бросает вызов Дарвину

Энн Коултер заработала целое состояние, сочиняя книги, смертельно оскорбляющие либералов, а также защищая свои ультраконсервативные взгляды в телевизионных ток-шоу и гастролируя по стране с язвительными лекциями. Кто-то из моих друзей недавно описал ее одним-единственным словом: "кобра".

Я не принимал Энн всерьез, пока не прочел ее пятую книгу — "Безбожие: церковь либерализма". Мне хотелось выяснить, что она думает по поводу эволюции и теории разумного замысла. Моя заметка о том, как Коултер выступила в новой для себя роли автора, пишущего на научные темы, впервые появилась в журнале "Skeptical Inquirer" (май–июнь 2008).

Писательница Энн Коултер — привлекательная блондинка с зелеными глазами и длинными асимметрично подстриженными волосами. Ее фирменный прием — оскорбление либералов всякого рода замечаниями, настолько возмутительными, что даже Раш Лимбо* в сравнении с ней начинает походить на смиренного учителя воскресной

1 Раш Лимбо (р. 1951) — американский радиоведущий, политический комментатор консервативного толка. (Здесь и далее — *примеч. перев.*)

школы. Вот почему все шесть ее книг попали в список бестселлеров "New York Times" и принесли ей славу и богатство.

"Безбожие: церковь либерализма", пятую книгу Коултер, только что переиздали в мягкой обложке: пусть данное событие и станет поводом для нашей рецензии. В этом произведении наносится множество подлых ударов ниже пояса. Например таких:

Моника Левински — "жирная евреечка" (с. 4).

Джулия Робертс и Джордж Клуни — "недоумки" (с. 8).

Тед Кеннеди — "сенатор Джин Вискеннеди" (с. 90).

Четыре джерсийские "хнычущие вдовы" (с. 289), скорбящие по мужьям, погибшим во время терактов 11 сентября, "страдают бешенством" (с. 103), "помешаны на самих себе" (с. 103) и "вечно ноют одно и то же" (с. 112). "Никогда не видела, чтобы кто-нибудь получал такое удовольствие от смерти собственного мужа" (с. 103).

Дипломат Джозеф Уилсон, чью жену изгнали из ЦРУ, — "чокнутый враль" (с. 119), а также "надутое ничтожество" (с. 121). Автор сравнивает его с "безумной тетушкой, проживающей на чердаке" (с. 295).

Синди Шихен, активистка, известная своими громкими антивоенными кампаниями, — "жалкая слабоумная" (с. 102) с "писклявым голосочком" (с. 103).

Кэти Курик* — "потасканная цыпочка" (с. 295).

* Кэтрин Курик (р. 1957) — американская тележурналистка, ведущая новостных программ.

Либералов Коултер постоянно обзывает безнадежными сумасбродами и психами. "[Их] больше расстраивает, когда рубят дерево, чем когда делают аборт и избавляются от ребенка" (с. 5). Очевидно, Коултер искренне рассчитывает, что Господь отправит большинство либералов в преисподнюю, поскольку признаётся: "Меня ужасно огорчит, если я обнаружу в аду хоть одного либерала" (с. 22).

У Коултер нет в запасе ни единого доброго слова о представителях демократической партии. Все они — сумасшедшие либералы и тайные социалисты. Самая свежая ее книга озаглавлена так: "Если бы у демократов имелись мозги, они были бы республиканцами". Вот еще несколько групп населения, получающих в "Безбожии" на всю катушку:

Все сторонники абортов.

Все сторонники однополых браков, а также все, кто полагает, что гомосексуализм — генетическая особенность.

"Истеричные" и "уродливые" феминистки.

Ученые, отрицающие существование тонких различий между умственными способностями мужчин и женщин, а также между расами.

Преподаватели колледжей, обучающие студентов ненавидеть Бога и Америку.

Противники смертной казни.

Ученые, опасающиеся глобального потепления.

Ученые, которые некогда боялись, что СПИД распространится и на людей с традиционной сексуальной ориентацией.

Просветители, которые стремятся обучать маленьких детей пользоваться презервативами и заниматься оральным и анальным сексом.

Противники атомной энергии.

Сотрудники газеты "New York Times".

Те, кто поддерживает исследования эмбриональных стволовых клеток.

Сенатор Джон Эдвардс. Между прочим, Коултер так и не подумала извиниться за свои наветы. В частности, выступая на одной политической конференции, она (разумеется, без всяких на то оснований) назвала Эдвардса "педиком".

И так далее.

В последних же четырех главах "Безбожия" Коултер внезапно обращается в автора, специализирующегося на проблемах науки. Эти главы представляют собой яростную атаку на дарвиновскую эволюцию — то есть на теорию, согласно которой жизнь на Земле постепенно развивалась от простых одноклеточных существ к человеку, и процесс этого развития сочетал в себе случайные мутации и выживание наиболее приспособленных. Дарвин-то, конечно, ничего о мутациях не знал, но Коултер озабочена современным дарвинизмом, в рамках которого, как она убеждена, необходимо ввести понятие некоего высшего разума, направляющего ход эволюции.

Короче говоря, Коултер страстно верит в разумный замысел (сокращенно — РЗ). Среди защитников теории РЗ излюбленные герои Коултер — баптист Уильям Дембски и католик Михаэль Бехе. Заметим, что Дембски, получивший теологическую

степень в Принстонской семинарии, стал главным консультантом Коултер при написании этих четырех глав.

Как и все сторонники РЗ, Коултер не делает ни малейшего намека на то, каким образом Бог или некий пантеистический Разум направлял эволюцию. Две основные возможности тут следующие:

1. Бог манипулировал мутациями, стремясь, чтобы возникали новые виды и кульминацией процесса стало появление человека.

2. Бог, возможно, "разрешил" мутации и выживание самых приспособленных, тем самым допустив возникновение различных групп видов (скажем, кошек или собак), однако новые виды были сотворены готовыми, "цельнокроеными", в точности как сказано в Книге Бытия. Подобно Бехе и другим адептам РЗ, Коултер умалчивает о том, как Бог направлял эволюцию и какого рода доказательства могли бы подтвердить или опровергнуть роль "разумного замысла".

Здесь не место приводить подробную аргументацию в защиту тех, кого Коултер именует "свихнувшимися дарвиноидами". Это блистательно проделано в множестве книг ведущих ученых (всех их Коултер полагает свихнувшимися). Обратимся лучше к проблеме перехода от обезьяноподобных млекопитающих к людям. Коултер постоянно упрекает "свихнувшихся дарвиноидов" в том, что их смущает недостаточное количество ископаемых остатков, соответствующих промежуточным фор-

мам между одним видом и другим. Но такой пробел легко объяснить: слишком редко возникают подходящие условия для образования окаменелостей, способных сохраняться достаточно долго; к тому же переходные формы могут эволюционировать сравнительно быстро. (Под словом "быстро" геологи понимают десятки тысяч лет.) Более того, количество таких переходных окаменелостей постоянно растет по мере их поиска.

В особенном изобилии переходные формы встречаются среди окаменелых костей, принадлежавших скелетам первых людей и их обезьяноподобных предков. Возьмите хотя бы сотни ископаемых остатков неандертальцев. Г.Дж. Уэллс в своей забытой книжке под названием "Мистер Беллок возражает" (см. главу 4 этой моей книги) защищает эволюцию от невежественных наскоков католического писателя Хилейра Беллока. В четвертой главе своей работы Уэллс находит нужным высказаться и по поводу неандертальцев:

> Когда я услышал, что мистер Беллок намеревается обсудить мои "Очерки истории цивилизации" и откликнуться на них, мои мысли сразу же обратились к неандертальцу. Что-то скажет о нем м-р Беллок? Куда он его поместит — до или после Грехопадения? Исправит ли он его анатомию согласно чудесной новой науке, извлеченной им из собственных кладовых? И как он к нему отнесется — как к брату, чье бытие поддерживается вдохновеннейшим монотеизмом, или же как к чудовищу, которое смастерили, дабы сбивать нечестивцев с пути истинного?

Он ничего об этом не говорит! Он проходит мимо этого вопроса всякий раз, когда на него натыкается.

Но я уверен, что это создание его не покидает. По ночам, а то и днем оно наверняка вопрошает его: "Неужели нет у меня души, которую можно было бы спасти, мистер Беллок? Скажите, мистер Беллок, эта челюсть, которую нашли в Гейдельберге, принадлежала одному из нас? Вы забыли меня, мистер Беллок. Четыре пятых палеолита я был "человеком". Другого не было. Да, я хожу неуклюже, я не могу выпрямиться и посмотреть в небеса, как вы, но неужели вы осмелитесь сопричесть меня к псам?"

Ответа нет.

Коултер, как и м-р Беллок, молчит насчет неандертальцев и даже насчет более ранних скелетов, чье сходство с человекообразными обезьянами еще больше. Не думаю, чтобы они тревожили ее сон; вообще не думаю, чтобы хоть что-нибудь тревожило сон Коултер. Считает ли она, что происходил медленный, постепенный переход от обезьяноподобных созданий к кроманьонцам и другим людям? Или же она верит, что существовала некая изначальная пара людей?

Ну хорошо, предположим, имелась первая пара. Коултер думает, что Господь сотворил Адама из горстки праха, как описано в Книге Бытия, а затем сконструировал Еву из Адамова ребра? Или же она признаёт тот факт, что первые люди появились в результате медленных, незначительных изменений, накапливавшихся на протяжении многих столетий? Если этот переход был внезапным, значит,

Адама и Еву воспитала и вскормила грудью мать, которая представляла собой животное, лишенное души!

Эта дилемма раздражает всех христиан, верящих, что некогда произошел четкий переход через тонкую черту, отделяющую зверя от человека. Об этой дилемме я как-то написал в рассказе "Жуткие рога". Если вам интересно, можете найти его в моей книге "Нульсторонний профессор и другие истории из области фантастики, юмора, мистики и философии".

Из сноски на третьей странице "Безбожия" мы узнаём, что Коултер считает себя христианкой. Но какой именно? Само понятие успело стать чрезвычайно расплывчатым. В наши дни у тех, кто числит себя христианами, взгляды могут быть самые разные — от фундаментализма проповедников-евангелистов Джерри Фолуэлла и Билли Грэма до либеральных воззрений протестантских священников и католиков-либералов, таких, как Ганс Кюнг или Гэри Уиллс, и до атеизма Пола Тиллиха. Тиллих не верил в персонифицированного Бога и в жизнь после смерти (эти две идеи входят в число основополагающих принципов учения Христа), однако многие протестанты считают его одним из величайших христианских теологов в мире!

В статье "Википедии", посвященной Коултер, можно прочесть такие, например, ее высказывания: "Христос умер за мои грехи... Христианство — топливо, питающее собой всё, что я пишу". Так мог бы выразиться протестант-евангелист. С другой стороны, в "Безбожии" Коултер приводит замечание

Г.К. Честертона (с. 10), которого в наши дни цитируют разве что католики. Так кто же Коултер — протестантка или католичка? Или же она принадлежит к какому-то другому направлению христианства?

Хоть я и не католик, позвольте мне привести здесь знаменитый пассаж Честертона из предисловия к его книге "Еретики":

> Тем не менее есть люди — и я один из них, — которые считают, что даже с практической точки зрения самым важным для человека является его видение Вселенной. Мы полагаем, что домовладелице, которая принимает жильца, важно знать о его доходах, но еще важнее знать о его мировоззрении. Мы полагаем, что генералу перед схваткой с врагом важно знать, каковы силы противника, но еще важнее знать, каковы его убеждения. Мы полагаем, что вопрос не в том, как теория мироздания влияет на деяния людей, а в том, влияет ли на них в целом что-нибудь еще*.

Коултер, вы безжалостно громите либералов и атеистов, но, *пожалуйста*, сообщите нам, в какую церковь вы ходите. Это разрядит атмосферу и прольет свет на особенности вашей личности и на то, что стоит за всеми вашими нападками, особенно за вашими яростными атаками против дарвинистов.

А пока вот вам еще один простой вопрос, чтобы поразмыслить на досуге: как вы полагаете, почему Господь снабдил мужчин сосками на груди?

* Перевод Н. Трауберг и А. Сергеева.

Глава 2
Исаак Ньютон и его безбрежный океан истины

Профессиональный путь Ньютона впечатляет по двум причинам: благодаря его ошеломительным открытиям в области математики и физики — и столь же ошеломляющей глупости его теологии. Моя рецензия на "Ньютона" Питера Акройда (2008) опубликована в журнале "New Criterion" (апрель 2008). Более подробно мое мнение о Ньютоне изложено в статье "Исаак Ньютон, алхимик и фундаменталист" ("Skeptical Inquirer", сентябрь/октябрь 1996), переизданной в книге "Имелись ли пупки у Адама и Евы?" (Нью-Йорк: "Norton", 2000).

Питер Акройд — прославленный и весьма плодовитый британский романист, поэт, драматург и биограф. Ему принадлежат жизнеописания Уильяма Шекспира, Чарльза Диккенса, Уильяма Блейка, Томаса Мора, Оскара Уайльда, Эдгара Аллана По, Эзры Паунда и Т.С. Элиота. Его история Лондона стала в свое время бестселлером. После книг о жизни Джеффри Чосера и Дж.М.У. Тёрнера он выпустил биографию Исаака Ньютона.

В последние годы биографии Ньютона выходят буквально одна за другой; особенно известна среди них работа Ричарда Вестфолла "Неугомонный". Зачем же понадобилось писать еще одну? Ответ:

краткое жизнеописание Ньютона по-прежнему весьма широко востребовано. Пространные биографии обычно сообщают вам о той или иной личности больше, нежели вам хочется узнать. Акройд не предоставляет в своей книге каких-то новых или поразительных сведений, однако приводимые им факты точны, суждения здравы, что, несомненно, доставляет читателю огромное удовольствие.

Исаак Ньютон (1643–1727) являл собой странную, неправдоподобную смесь: этого великого математика и физика, одного из величайших в истории, отягощали предрассудки, скорее свойственные невежественному и наивному религиозному фанатику. Будучи приверженцем англиканства, он ни разу не усомнился в том, что Бог создал весь мир в буквальном смысле за шесть дней; что некогда Он утопил всех людей и тварей земных, кроме Ноя и его спутников; что Еву сделали из ребра Адама; что Лотова жена обратилась в соляной столп; что по велению Моисея расступились воды Красного моря; что Книга пророка Даниила и Апокалипсис дарованы непосредственно Всевышним и непременно должны в точности исполниться.

Ньютон пытался вычислить дату Второго пришествия Христа. Он установил точный год творения — на полвека позже знаменитого 4004 года до н.э. епископа Ушера*. При этом Ньютон был убежден, что Римско-католическая церковь — это и есть Антихрист из Откровения Иоанна Богослова. Как сообщает Акройд, после смерти ученого осталась

* Джеймс Ушер (1581–1656) — ирландский протестантский богослов, историк и библеист.

850-страничная рукопись, посвященная библейским пророчествам.

Единственным серьезным отступлением Ньютона от ортодоксального англиканства стало его непризнание Троицы. Иисус, по его мнению, действительно являлся Сыном Божьим, но он не был Богом. "Не следует молиться двум богам", — писал Ньютон. Идею о том, что Иисус был Богом, облеченным в человеческую плоть, он считал ересью, насаждаемой Римом. Ньютон тщательно скрывал свое отрицание Троицы, чтобы его не изгнали из Кембриджского университета, где он десятилетиями служил профессором — по иронии судьбы, как раз в Тринити-колледже*.

Еще одна сторона запутанной и весьма любопытной жизни Ньютона — его страстное увлечение алхимией. Он приобретал и изучал все алхимические труды, какие мог достать, и бессчетные дни проводил в лаборатории, тщетно пытаясь превратить недрагоценные цветные металлы в золото. В его неопубликованных текстах по алхимии — свыше миллиона слов: это меньше, чем в его толкованиях библейских пророчеств, однако значительно больше суммарного объема всех его трудов по физике и астрономии. Акройд цитирует знаменитую кембриджскую лекцию Джона Мейнарда Кейнса, посвященную тайным алхимическим записям Ньютона, и отмечает, что Кейнс не нашел в этих заметках ничего, что представляло бы хоть малейшую научную ценность.

* Trinity — Троица *(англ.)*.

В конце жизни Ньютон пережил нервный срыв, длившийся больше года. Предполагают, что причиной стало отравление ртутью, которую он использовал в своих алхимических опытах. А иные считают, что Ньютон страдал каким-то биполярным расстройством*, спровоцировавшим глубокую депрессию.

Сейчас нам трудно примириться с мыслью, что лишь небольшую часть своей долгой жизни Ньютон посвятил собственно изучению дарованных свыше законов природы. В течение нескольких лет, между двадцатью и тридцатью годами, он разработал методы дифференциального и интегрального исчисления, обнаружил, что белый свет представляет собой смесь цветов, впервые в истории объяснил возникновение радуги и сконструировал один из первых зеркальных телескопов. Но, конечно, величайшим его открытием стал закон всемирного тяготения, согласно которому гравитация, удерживающая нас на поверхности Земли и заставляющая падать яблоки, — это та же самая сила, что управляет движением Луны, а также ближайших к нам планет и комет. Сколько еще он мог бы открыть, если бы не транжирил энергию и талант на алхимию и толкование библейских текстов!

Ньютон ошибочно полагал, что гравитация даже на расстоянии действует мгновенно. Ее природа оставалась тогда полнейшей загадкой. Ньютон знал, что ее сила находится в прямой зависимости от произведения масс двух объектов гравитацион-

* Политкорректное название маниакально-депрессивного психоза.

ного взаимодействия и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними, однако по поводу ее причины он высказывался так: "Не стремлюсь делать вид, будто понимаю". Лишь с созданием эйнштейновской теории искривленного пространства-времени удалось частично объяснить это явление.

Свет, по мнению Ньютона, имеет корпускулярную природу, то есть состоит из мельчайших частиц. В этом он оказался прав лишь наполовину. Сегодня известно, что свет — одновременно и частицы и волны.

Акройду хорошо удается описать сложную личность Ньютона, столь же причудливую, как и его воззрения. По словам Акройда, ученый отличался "скрытностью и подозрительностью" и в нем таились "огромные запасы гнева и агрессивности". Остались свидетельства людей, которые видели его улыбающимся, и лишь одно — о том, как он смеялся: это произошло, когда кто-то спросил его, какая польза от изучения Евклида.

В молодые годы Ньютон частенько спал не раздеваясь. Даже не будучи поглощен работой, он подолгу обходился без еды или же принимал пищу стоя. Он никогда не делал никаких физических упражнений, и у него не было ни единого хобби. Выходя из дома, он нередко забывал причесаться или подтянуть чулки. В более зрелом возрасте, будучи смотрителем Королевского монетного двора, он без всякой жалости наблюдал, как вешали фальшивомонетчиков.

Ньютона практически не интересовали изобразительные искусства, музыка, литература, жен-

щины. Вот его рассказ о первом, и единственном, посещении оперы: "Первое действие слушал с удовольствием, второе стало испытанием для моего терпения, а на третьем я удрал". Однажды он пренебрежительно отмахнулся от поэзии, назвав ее "изобретательной, но вздорной болтовней".

В период депрессии Ньютон написал философу Джону Локку следующее забавное письмо:

> Сэр, придерживаясь мнения, что вы прилагали всевозможные старания, дабы поссорить меня с женщинами [woemen — странное, но свойственное ему написание], и иные подобные усилия, я был весьма впечатлен этим, и когда некто сообщил мне, что вы больны и не оправитесь, я заметил, что было бы лучше, если бы вы и вовсе умерли. Заклинаю вас простить мне такую недоброжелательность.

Озадаченный Локк ответил, что конечно же прощает его, и они остались друзьями.

Ньютон всегда гордился своими открытиями и приходил в ярость, когда кто-то другой заявлял, что дошел до этого раньше, чем он. Самая простая перебранка произошла у него с немецким философом и математиком Лейбницем — по поводу создания дифференциального и интегрального исчисления. Первым, вне всякого сомнения, опубликовал свои результаты Лейбниц, и его способ записи оказался лучше, нежели у Ньютона. В наши дни полагают, что каждый из них совершил это открытие независимо, не зная о работах другого.

Кое-кто утверждает, будто Ньютон был геем. Акройд считает доказательства, приводимые в пользу этой гипотезы, весьма шаткими. В ее основе — лишь тот факт, что Ньютон мало интересовался женщинами и что в конце жизни он сдружился с юным швейцарским математиком, обожествлявшим его. Когда-то они даже мечтали поселиться под одним кровом, сняв у кого-нибудь жилье, но из этого плана ничего не вышло.

Если бы Ньютон оказался сейчас с нами, он бы, конечно, поразился достижениям физики и астрономии. Подозреваю, что его меньше, чем нам кажется, изумили бы автомобили, поезда, самолеты, даже электрические огни, однако настольный калькулятор или телеэкран он воспринял бы как настоящее волшебство. И он наверняка питал бы презрение к ученым-дилетантам, свято верящим: физика вот-вот откроет всё, что еще не открыто.

Существует знаменитое высказывание Ньютона, где он замечает, как мало знает наука — и как мало она, судя по всему, вообще способна узнать. Этот пассаж и без меня часто цитируют, но он заслуживает того, чтобы его твердили вновь и вновь. Вот как излагает его Акройд в предпоследней главе:

> Уж не знаю, каким я представляюсь миру, но для самого себя я — словно мальчишка, играющий на морском берегу, развлекаясь поиском необычно гладких камушков или необычайно красивых ракушек, между тем как великий океан истины лежит предо мною, совершенно неизученный.

Глава 3
Выстрелы в яблочко и знаменитые промахи

Почти десять лет я вел раздел загадок в "Isaac Azimov's Science Fiction Magazine" ("Азимовском научно-фантастическом журнале"). Данная глава — перепечатка моей колонки за декабрь 1985 года. В ней я сообщал о некоторых выдающихся примерах изумительно точных предсказаний, касающихся будущего науки, и о прогнозах, которые попали совсем уж в "молоко".

Если учесть, что каждый год в научной фантастике (НФ), издающейся по всему миру, появляются тысячи предсказаний, неудивительно, что иногда случаются невероятно точные попадания — как при меткой стрельбе из ружья по мишени. Но, конечно, встречаются и оглушительные промахи, причем их куда больше. А бывает, что попадания в десятку и в "молоко" сочетаются друг с другом. Так, Жюль Верн сделал поразительно точный выстрел, описав первый космический корабль, запущенный из Флориды и совершивший оборот вокруг Луны, но его аппарат отправляют в небеса при помощи гигантской подземной пушки. Сотни историй в жанре НФ предвосхитили будущие прогулки человека по Луне. Но, насколько мне известно, лишь в одной из них предугадали, что первую такую прогулку будут

наблюдать на Земле по телевизору: это "Прелюдия к космосу", повесть Артура Ч. Кларка. Впервые ее опубликовали в "Galaxy" (февраль 1951); позже эту вещь переиздавали под другими названиями.

Нелегкая задача — составить полный список попаданий и промахов Г.Дж. Уэллса. Самого впечатляющего успеха в прогнозировании он достиг в главе, с которой начинается "Мир освобожденный" (1914) и в которой рассказывается о том, как впервые был расщеплен атом. Кроме того, в романе описана Вторая мировая война, разразившаяся в сороковые годы, и ярко изображена сбрасываемая на противника "атомная бомба" (да, Уэллс уже использовал этот термин!). Впрочем, бомбу держит человек, кидающий ее вниз через отверстие в днище самолета.

В своем сборнике пророческих эссе ("Прозрения", 1902) Уэллс верно предсказал появление широких асфальтовых автострад, петляющих на перекрестках, проходя друг над другом, и снабженных барьером, разделяющим полосы, по которым идет движение в противоположных направлениях. Глава, посвященная воинскому искусству XX века, во многом поразительно точна, однако авиационные сражения ведутся у него на воздушных шарах, а о подводных лодках Уэллс заявляет следующее: "Должен признаться, мое воображение, при всей его пылкости, отказывается представить субмарины делающими что-то еще кроме удушения собственного изобретателя и экипажа где-нибудь в морской пучине". Справедливо отмечают, что Уэллс куда чаще попадал в яблочко в своей НФ, нежели в доку-

ментальных произведениях. В "Социальных силах Англии и Америки", вышедших в том же году, что и "Мир освобожденный", он говорит про "обуздание атомной энергии", но считает, что "на это уйдут еще две тысячи лет".

На протяжении нескольких десятилетий я пытался собрать все вышедшие номера "Science and Invention" ("Науки и изобретений") — замечательного журнала Хьюго Гернсбека*. Особенно меня увлекал период расцвета этого издания — двадцатые годы XX века. Броские обложки журнала являют собой великолепную смесь попаданий и промахов. Среди попаданий: вертолеты, доставляющие наверх балки при строительстве небоскребов; применение огнеметов в военных целях; а также (моя любимая обложка) обнимающиеся мужчина и женщина, оба — с проводами, прикрепленными к различным частям тела, дабы измерять параметры их пульса, дыхания, потоотделения и т.п. Картинка эта иллюстрировала статью Гернсбека, посвященную научным исследованиям секса. Среди промахов: гигантский робот-полисмен и изображение предполагаемого облика марсианина. Гернсбеков "Ральф 124C 41+" — вероятно, худший НФ-роман из всех когда-либо публиковавшихся (он кончается чудовищно неуклюжим каламбуром, обыгрывающим имя героя: "one to foresee for one"**), однако в нем содержится ряд про-

* Хьюго Гернсбек (1884–1967) — американский бизнесмен, изобретатель, писатель и издатель.

** "Тот, кто ради кого-то будет это предвидеть" *(англ.)*. Фраза "one to foresee for one" звучит примерно так же, как "фамилия" Ральфа — 124C 41 (one two four C four one).

гнозов, которые можно считать точнейшими из всех, когда-либо сделанных фантастами.

Если вас интересуют диковинные ошибки в предсказаниях будущего, рекомендую вам книгу Кристофера Серфа и Виктора Наваски "Говорят эксперты: полное собрание достоверной дезинформации". О точных выстрелах авторов НФ читайте в статье "Предсказания", которая помещена в "Энциклопедии научной фантастики", вышедшей под редакцией Питера Николса. А вот кое-что из моей собственной коллекции: несколько ярких примеров необычайных предвидений, принадлежащих авторам-нефантастам. Удастся ли вам определить, кто это писал и в каком веке?

1. "Платье, вывешенное на морском берегу, о который бьются волны, делается влажным, а затем высыхает, будучи расправлено и выставлено на солнце. Однако не видно, каким образом впитывается в него вода, а равно и каким образом ее изгоняет жар солнца. Следовательно, влага здесь собирается в малые частицы, какие глаз не способен разглядеть".

2. "Первоэлементы материи, как я полагаю, являются абсолютно неделимыми точками, не имеющими протяженности; они настолько рассеяны в необъятном вакууме, что всякие две из них отделяет друг от друга значительный промежуток".

3. "...две маленькие звезды или два спутника, обращающихся около Марса, из которых ближайший к Марсу удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, а более отда-

лечный находится от нее на расстоянии пяти таких же диаметров. Первый совершает свое обращение в течение десяти часов, а второй в течение двадцати одного с половиной"*.

4. "Когда м-р Б. выпьет изрядное количество воды, желчь, разъедающая его кишки, растворится, и он причина лишь в этой желчи; подозреваю, однако, что дизентерии вызываются некими мельчайшими существами, а как их убить, мне неизвестно".

5. "Знаю простой способ, который позволяет легко слышать беседу, происходящую за стеной толщиною в ярд... Могу заверить читателя, что посредством некоего протяженного провода мне удалось распространить звук на значительное расстояние — мгновенно или же со скоростью, по всей видимости, близкой к скорости света... и не только по прямой линии, но и по линии, многократно изогнутой под различными углами".

6. "Мне представляется, что подобные изменения, происходящие на поверхности нашей планеты, едва ли стали бы возможны, обладай Земля твердым центром. Поэтому я вообразил, что глубинные области ее могут состоять из жидкости более плотной и обладающей более высоким удельным весом, нежели какое бы то ни было из твердых веществ, какие нам известны и какие, следовательно, могли бы плавать по этой жидкости или же в ее толще. Таким образом, поверхность земного шара, быть может, являет собой оболочку, которую способны

* Перевод А. Франковского.

прорвать и разрушить мощные движения жидкости, на которой она покоится".

7. "Не слишком ли смело будет вообразить, что по прошествии огромного промежутка времени после того, как начал существовать мир, и, возможно, за миллионы поколений до зарождения человечества со всей его историей, — не слишком ли смело будет вообразить, что все теплокровные животные произошли от одного *живого волокна*, которое Великая Первопричина Всего Сущего наделила живым началом, способным обретать новые части и новые склонности, могущие возникать под влиянием тех или иных раздражений, ощущений, волеизъявлений и связей, а значит, возможность и дальше совершенствоваться посредством собственной деятельности и передачи этих усовершенствований потомству, — а следовательно, мироздание не имеет конца?"

8. Да и сам я, дерзновенный взор в грядущее вперив,
Созерцал Виденье мира и без счета дивных див!

Караван судов торговых плыл среди небесных круч,
Приземлялись с ценным грузом лоцманы багровых туч.

Воздух задрожал от гула, пала страшная роса:
Бились в вышине армады, сотрясая небеса.

Из конца в конец над миром южный ветер пролетал,
В клочья рвал знамена наций громовой ревущий шквал.

Вот умолкли барабаны, стяги ратные легли
Пред Парламентом Народов, Федерацией Земли...*

Ответы

1. Лукреций, "De Rerum Natura" ("О природе вещей"), ок. 99 г. до н.э. Изложенное им точное описание процесса испарения показывает, что корпускулярная теория древних греков и римлян содержала больше эмпирических доказательств, чем нравится думать некоторым историкам науки.

2. Руджер Иосип Бошкович, "Theoria Philosophiae Naturalis" ("Теория натурфилософии"), 1758. По современной корпускулярной теории, материя состоит из шести видов лептонов и шести видов кварков; все они в известном смысле подобны точкам, и внутренней структуры у них не обнаружено.

3. Джонатан Свифт, "Путешествие в Лапуту", в книге "Путешествия Гулливера", 1726. Два спутника Марса были открыты лишь в 1887 г. Ближний, Фобос, совершает полный оборот вокруг планеты за семь часов с небольшим; дальний, Деймос, — примерно за тридцать один час. То, что у Марса имеются два спутника, еще раньше предсказал Кеплер. Видимо, его работой и воспользовался Свифт.

4. Сэмюэл Джонсон, письмо к миссис Трейл, 11 ноября 1791 г.

* Перевод Д. Катара.

5. Роберт Гук, британский физик, "Микрография", 1664.

6. Бенджамин Франклин, письмо аббату Сюлави, 22 сентября 1782 г.

7. Эразм Дарвин (дед Чарльза), "Зоономия", 1794.

8. Альфред Теннисон, "Локсли-холл", 1886.

А теперь посмотрим, сумеете ли вы назвать ученого, которому принадлежат все нижеследующие промахи:

"Говорящее кино не заменит обычного немого кино... В кинопантомиму вкладывают такие колоссальные средства, что этот порядок вещей было бы абсурдно пытаться разрушить" (1913).

"Мне совершенно очевидно, что сейчас уже истощены возможности аэроплана, который два-три года назад считался решением проблемы [летательных аппаратов], так что нам следует обратиться к чему-то еще" (1895).

"Не пройдет и пятнадцати лет, как электричество будет продаваться для электрического транспорта чаще и больше, чем для освещения" (1910).

"Не существует никаких доводов в пользу применения высокого напряжения и переменного тока в научных или коммерческих целях... Будь моя воля, я бы полностью запретил использование переменного тока. Это и не нужно, и опасно" (1889).

Вы не поверите, но все эти замечания принадлежат Томасу Эдисону. Первые три я отыскал

в книге “Говорят эксперты” (цит. ранее), а четвертый почерпнул из книги “Случайные пути в науке”, составленной Р.Л. Вебером (1973), в разделе, посвященном предсказаниям.

Глава 4
"Мистер Беллок возражает"

Сегодня лишь немногим почитателям Герберта Дж. Уэллса и католического писателя Хилейра Беллока известно, что эти двое некогда ожесточенно спорили друг с другом по поводу эволюции. Все началось с нападок Беллока на уэллсовские "Очерки истории цивилизации" — в серии статей, позже изданных отдельной книгой под названием "Справочник по "Очеркам истории цивилизации" Уэллса". Разгневанный Уэллс расквитался со своим критиком, опубликовав книгу "Мистер Беллок возражает" (теперь она уже стала библиографической редкостью). Это побудило Беллока нанести ответный удар, явив публике произведение "Мистер Беллок по-прежнему возражает" (оно тоже давно перешло в разряд раритетов).

Канадское издательство "Battered Silicon Dispatch Box" выпустило обе книги под одной обложкой. Перед вами мое предисловие к этому изданию.

Монография Уэллса кое в чем устарела. Так, Уэллс не мог знать, что знаменитый пилтдаунский череп — подделка. Тем не менее "Мистер Беллок возражает" остается своего рода введением к дарвиновской теории эволюции, весьма примечательным и очень смешным. Жалкий*

* В 1912 г. Чарльз Доусон, британский археолог-любитель, продемонстрировал Лондонскому географическому обществу ископаемый череп, якобы обнаруженный на раскопках в английской деревне Пилтдаун и принадлежавший существу, которое являлось промежуточным звеном между обезьяной и человеком. Позже палеонтологи и анатомы выяснили, что "находка" представляет собой человеческий череп с искусно подогнанной к нему обезьяньей челюстью, у которой были подпилены зубы.

и неубедительный ответ Беллока — классический пример столь свойственной многим христианам неспособности понять, каким образом эволюция стала Господним методом творения. Это противоречие сгладится не скоро.

Небольшая книжка Герберта Дж. Уэллса "Мистер Беллок возражает" в наши дни сделалась редкостью; похоже, о ней забыли все, кроме разве что библиофилов, собирающих произведения Уэллса. В 1926 году, незадолго до того, как вышла эта книга, Уэллс сорвал банк благодаря своим "Очеркам истории цивилизации", которые стали всемирным бестселлером и принесли автору немалые деньги.

Историю мира писали и раньше, но Уэллсовы "Очерки" отличались от работ его предшественников двумя особенностями: во-первых, охват был шире, а во-вторых, они открывались рассказом о доисторическом человечестве, из которого явствовало, что автор убежден в справедливости дарвиновской эволюционной теории. Хилейр Беллок, известный британский писатель и ультраконсервативный католик, выпустил серию статей с нападками на "Очерки" Уэллса, в особенности за его поддержку Дарвина. Статьи Беллока широко публиковались в католической печати, а позже вышли отдельной книгой, озаглавленной "Справочник по "Очеркам истории цивилизации" Уэллса".

Уэллс пришел в бешенство. Не только потому, что в этих статьях эволюцию отвергали как "плохую науку", но и потому, что Беллок яростно обрушился на него лично. В первый и последний раз Уэллса спровоцировали на то, чтобы ответить на персо-

нальный выпад, отплатив оппоненту той же монетой. Получилась очень смешная книжка, ставшая при этом одним из убедительнейших памфлетов, когда-либо написанных в защиту эволюции и против той разновидности креационизма, которую называют ныне теорией разумного замысла (РЗ).

Креационизм, защищаемый Беллоком, разумеется, отличался от вульгарного фундаментализма протестантских сторонников "теории молодой Земли", убежденных, что Бог сотворил весь мир в буквальном смысле за шесть двадцатичетырехчасовых суток. Беллок не принадлежал к адептам теории "молодой Земли". В известном смысле он признавал эволюцию, однако настаивал, что каждый вид — это плод нового, отдельного акта творения. Каким образом это "новое творение" происходит, Беллок не уточняет. Подобно нынешним сторонникам РЗ, Беллок оставляет эти подробности безнадежно-туманными. Создал ли Господь первых свиней "цельнокроеными"? Или же он просто направлял мутации таким образом, чтобы свиньи вдруг в один прекрасный денек родились у своих папы и мамы, которые свиньями не являлись?

Сегодняшние адепты РЗ тоже хранят молчание по этому поводу. Как снова и снова твердит юрист Филип Джонсон в своих книгах, отстаивающих РЗ, оппоненты Дарвина и не должны подробно объяснять, каким образом Бог управляет эволюцией. Необходимо лишь ясно показать несостоятельность теории, объясняющей происхождение видов случайными мутациями, за которыми следует процесс выживания наиболее приспособленных.

Этот вопрос начинает особенно беспокоить умы, когда речь заходит о происхождении человека. Как блистательно замечает Уэллс в последней главе, пропагандистов РЗ вечно преследует призрак неандертальских костей. Кто были эти существа — подлинные люди, обладающие бессмертной душой, или же всего лишь высшие обезьяны?

И как все-таки произошел этот фундаментальный переход от обезьяны к человеку? Разумеется, Беллок не верил в то, что Господь сотворил Адама из горстки праха, а затем сделал Еву из Адамова ребра. Но если в Книге Бытия изложен лишь миф, тогда как же осуществилась эта трансформация? Быть может, первых людей кормила грудью и воспитывала мать, *являвшаяся животным?* Беллок не отвечает на этот вопрос — как и современные сторонники РЗ.

И в то самое время, когда Беллок разносил Уэллса, католическая церковь в общем-то отвергала все формы эволюции. Возьмем хотя бы трагическую историю Сент-Джорджа Джексона Майварта (1827–1904), ученого-зоолога, вызывавшего восхищение современников, автора многих книг (в числе которых — огромный том под названием "Кошка"), ученика великого Томаса Хаксли. Он также был ревностным католиком, но католиком с ультралиберальными взглядами. В научных статьях и в своей книге "О происхождении видов" Майварт выступал в защиту эволюции всех форм жизни, включая людей. Однако, по его мнению, этот процесс направлял Бог, с той оговоркой, что в первых мужчин и женщин Господь еще и вдохнул бессмертную душу.

Майварт неустанно предупреждал церковь, что она, упорно отрицая эволюцию, совершает глупейшую ошибку — схожую с той, которую она совершила, казнив Галилея за его заявление о том, что Земля вращается вокруг Солнца. По сути, взгляды Майварта на эволюцию совпадали с взглядами почти всех современных католических философов и теологов. Бедняга Майварт! Он слишком опередил свое время. Церковь заклеймила его, назвав еретиком, подвергла отлучению, а позже отказала ему в христианском погребении*.

В наши дни почти все либерально настроенные христиане, будь то протестанты или католики, считают эволюцию Господним методом творения, нуждающимся в попутных чудесах не больше, чем Солнечная система, которая, как верил Ньютон, поначалу частенько требовала толчков со стороны ее Создателя, дабы планеты не сошли со своих орбит.

Практически все нынешние адепты РЗ — христиане-консерваторы. Филип Джонсон — пресвитерианин евангелического толка. Дэвид Берлински — консервативный баптист. Михаэль Бехе, выступающий убедительнее прочих, — католик. Недавно Берлински помог Энн Коултер написать ту часть ее книги "Безбожие", в которой она обрушивается на Дарвина.

* О Майварте см. гл. 9 моей книги "В стране сумасбродства" (Амхерст, штат Нью-Йорк: "Prometheus", 1992), а также превосходную биографию Якоба Грубера "Совесть и сомнения" (Нью-Йорк: "Columbia University Press", 1960). *(Прим. автора).*

Как Беллок отреагировал на контратаку Уэллса? Он быстренько накатал книгу, озаглавленную "Мистер Беллок по-прежнему возражает".

А как сейчас обстоят дела с католической церковью? Я рад сообщить, что Папа Римский Иоанн Павел II провозгласил: эволюция — это больше чем просто теория, и ее стоит преподавать во всех католических школах. Медленно и осторожно католическая церковь движется к либерализму, то есть в направлении, которое поддерживают такие католические мыслители, как Ганс Кюнг (в Германии), Гэри Уиллс, отец Эндрю Грили и многие другие (в Соединенных Штатах). Надеюсь, она будет и дальше дрейфовать в эту сторону. Если же будет наоборот — тем хуже и для Церкви, и для мира.

Глава 5
"Мистер Беллок по-прежнему возражает"

После текста "Мистер Беллок по-прежнему возражает", изданного "Battered Silicon" под одной обложкой с книгой Уэллса, я поместил краткий эпилог к данному творению Беллока:

Атака Уэллса не научила Беллока ничему. Его контрвыпад — всё такие же нападки, всё такие же удары ниже пояса. Как и в его статьях по поводу "Очерков истории цивилизации" Уэллса, невежество Беллока в вопросах биологии и геологии особенно ясно видно не столько в том, о чем он говорит, сколько в том, о чем он умалчивает.

А умалчивает он о том, как возникли "устойчивые разновидности". Может быть, Господь каким-то образом манипулировал генетической информацией, заложенной в мужских и женских половых клетках, с тем чтобы матери производили на свет разнообразнейшие формы жизни? А может быть, Всевышний сотворил первые устойчивые разновидности из ничего — или же, как в случае с Адамом, из пригоршни праха? У нынешних сторонников РЗ тоже отнимается язык, когда речь заходит об этой фундаментальной проблеме.

Беллок, похоже, не в состоянии понять, что биологические разновидности лишь *кажутся* устойчивыми, поскольку являются своего рода конечными точками на ветвях эволюционного древа. Все промежуточные формы остались в прошлом. Образование окаменелостей — событие редкостное. До нас доходят лишь разрозненные и немногочисленные свидетельства существования вымерших организмов — недостающих звеньев эволюции. Видимо, Беллок считает, что, поскольку конь не может спариваться с коровой таким же образом, каким лев может спариться с тигрицей, кони всегда были конями, а коровы — коровами.

Я предполагал, что Беллок — не из числа католических фундаменталистов, принявших два стиха из Книги Бытия за буквальный отчет о сотворении мира, и что он понимает: "день" здесь, разумеется, означает период во много миллионов, а то и в миллиарды лет. Но теперь я уже не так в этом уверен. Меня поразила фраза на с. 88 книги "Мистер Беллок по-прежнему возражает", где автор преспокойно заявляет, что Грехопадение имело место 5930 лет назад "в окрестностях Багдада". Я не в состоянии понять, каким образом Беллок добыл точную дату и место. Уэллс наверняка покатывался со смеху, читая это! Очевидно, Беллок полагал, что Грехопадение — это некое конкретное событие, в ходе которого Адам с Евой в буквальном смысле жевали запретный плод, сорванный с Древа познания добра и зла. Трудно примириться с тем, что Беллок сумел в это поверить (в том числе — принять роль говорящего змея во всей этой истории), но, по всей

вероятности, он поверил. А иначе — *что же такое* библейское Грехопадение, по-вашему?

Беллок великодушно признаёт правоту Уэллса в некоторых тривиальных вопросах и обещает внести исправления в свои статьи перед тем, как они выйдут отдельным изданием. Некоторые стрелы, выпущенные Беллоком против Уэллса, попадают точно в цель. То, что Уэллс являлся атеистом, не подлежит сомнению, пусть он и не всегда им был: в ранние годы он верил в "ограниченного", или "конечного", Бога, в Бога, развивающегося с течением времени, как изображают его в своих философских теориях такие "теологи развития", как Сэмюэл Александер или Чарльз Хартсхорн. Уэллс выступал в защиту концепции такого божества в своем военном романе "Проницательность господина Бритлинга" и в работе "Бог — невидимый король". А позже он решил, что все-таки он атеист.

Беллок прав и когда обвиняет Уэллса в том, что писатель придерживается невысокого мнения о Римско-католической церкви. Однажды тот уподобил церковь громадному динозавру, который бродит по Земле и отказывается вымирать. Незадолго до собственной смерти Уэллс написал "Египетский крест" — яростный памфлет против католичества. Беллок даже уличает Уэллса в чудовищной ошибке (ее часто допускают некатолики): Уэллс путает Девственное Рождение Иисуса с Непорочным Зачатием Девы Марии!

Между тем Беллок обильно цитирует ученых, подвергающих дарвинизм сомнению. Как с этим быть? Мне кажется, большинство специалистов,

на которых он ссылается, находили погрешности в дарвиновских взглядах на *процесс* эволюции, а не на сам ее факт. Следует помнить, что Дарвин ничего не знал о мутациях. Он был последователем Жана Батиста Ламарка, французского биолога, полагавшего, что борьба животных за повышение своих шансов на выживание приводит к благоприятным генетическим изменениям. К примеру, усилия жирафов, тянущихся к листьям, которые растут на верхушках деревьев, каким-то образом передаются сперматозоидам и яйцеклеткам, и в результате шея у их ближайших потомков оказывается чуть длиннее. Подобным же образом и неиспользование того или иного органа может привести к тому, что он ослабнет и, вероятно, в конце концов отомрет и исчезнет. Во времена Беллока ламаркизм отвергли за недостаточностью доказательств. А в наши дни уже никто не верит в теорию наследования приобретенных признаков.

Разумеется, "дарвинизм" — термин расплывчатый. Строго говоря, дарвиновский ламаркизм так основательно опровергли, что кто-нибудь может счесть устаревшим и сам дарвинизм. Но если посмотреть шире, окажется, что дарвинизм жив и прекрасно себя чувствует. В наше время все геологи и биологи (за весьма редкими исключениями) согласны с тем, что жизнь на Земле началась с одноклеточных организмов, которые медленно изменялись путем случайных мутаций, являвшихся либо благотворными, либо губительными, либо ни теми ни другими — нейтральными. Существа, претерпевшие положительные мутации, имели тенденцию

выживать, а те, что испытали негативные мутации, — вымирать. Подозреваю, что большинство цитируемых Беллоком ученых, если не все, твердо верили в эволюцию, но расходились с Дарвином в вопросе о том, как именно происходила эта эволюция.

Нелишне вспомнить замечание Уильяма Бейтсона, знаменитого британского генетика. Бейтсон не отвергает эволюцию. Он просто выражает уверенность, что доминирующую роль в этом процессе играл не естественный отбор, а другие факторы. Во времена Бейтсона среди ученых шли горячие дискуссии относительно механизмов эволюции, и эти дискуссии продолжаются до сих пор.

Немецкий биолог Ганс Дриш — еще один твердый сторонник эволюции, чьи взгляды отличались от дарвиновских лишь в технических подробностях. А Эберхард Деннерт, еще один упоминаемый Беллоком эксперт, явно был сумасшедшим. О его книге "Смертное ложе дарвинизма" (1904) Стивен Джей Гулд* писал в своем "Большом пальце панды", что в ней излагаются идеи, ничем не отличающиеся от заявлений, что "шмели не могут летать" и "ракеты в вакууме не сработают". Деннерт предсказывал, что к 1910 году эволюционная теория полностью отомрет!

Очень раздражает, что Беллок ни разу не приводит имен своих экспертов, только фамилии. Поэтому я не сумел ничего найти о человеке по фамилии Дуайт (Dwight). Судя по его высказываниям,

* Стивен Джей Гулд (1941–2002) — американский палеонтолог, эволюционный биолог, историк науки.

что был простодушный креационист. Существует множество ученых по фамилии Морган. Не знаю, которого из них цитирует Беллок, но разногласия этого Моргана с Дарвином явно касаются процесса эволюции, а не самого ее факта. Беллок ничего не сообщает нам о книге 1909 года, принадлежащей, судя по всему, перу некоего Ф. ле Данре (F. le Dantec), за исключением того, что она стала "сокрушительным ударом" по эволюции.

Сидя в своей квартире, расположенной в доме социальной помощи (мне девяносто четыре), и имея под рукой в качестве исследовательского инструмента лишь компьютер, я не сумел ничего узнать и об Эдварде Доусоне Коупе (Cope), американском палеонтологе, — вероятно, том самом Коупе, которого имел в виду Беллок. Не много сведений я смог найти и об Иве Деларже (Delarge), французском зоологе, или о Карле Вильгельме Нагели (Nägeli), швейцарском ботанике. Кроме того, я получил нулевой результат, пытаясь отыскать следы хотя бы одного ученого с фамилией Корчински. Возможно, кому-нибудь, более сведущему в истории раннего этапа эволюционной теории, удастся сообщить нам, каковы на самом деле были взгляды человека, которого цитирует Беллок.

Даже в наши дни ученые ожесточенно спорят о механизмах эволюции. Так, Гулд проповедовал довольно противоречивое воззрение — идею "прерывистого равновесия". В его теории особо подчеркивается тот факт, что некоторые виды (например, трилобиты) сохраняли свои черты на протяжении миллионов лет, тогда как другие резко меня-

лись за несколько тысячелетий. Гулд, безусловно, являлся последовательным дарвинистом, однако его взгляды теперь встречают серьезную критику со стороны Ричарда Докинза и других ученых.

Насколько мне известно, Уэллс не пытался отвечать на книгу, в которой Беллок "по-прежнему возражает". Несмотря на все эти возражения, Беллока наверняка по-прежнему преследовал призрак неандертальца. Кто были эти существа — обезьяноподобные люди или человекообразные обезьяны? Существовал ли в истории некий поворотный момент (по Беллоку — около шести тысяч лет назад), когда первые люди внезапно появились на старой Земле, словно красотка фокусника, выходящая из якобы пустого ящика? Возможно, какой-нибудь специалист по изучению Беллоковых взглядов когда-нибудь сумеет поведать человечеству то, что Беллоку не удалось открыть нам в своем давно забытом томике.

Часть II
Лженаука

Глава 6
Почему я не сторонник паранормального

Когда выдающийся ученый Карл Саган на заседании Американской ассоциации содействия развитию науки атаковал дикие, невежественные воззрения Иммануила Великовского, ему учинили разнос собственные коллеги! У астрономов, заявили они, имеются более важные задачи, и незачем тратить время на развенчание всяких завиральных идей. Но я не думаю, чтобы Саган зря тратил чье-нибудь время. Не зря он его тратил и потом, когда писал целые книги о псевдонауке.

Наша страна слабеет из-за того, что большое количество ее граждан (в том числе конгрессменов и даже президентов) неграмотны в научном смысле. Недавно у нас были президент и первая леди (Рональд Рейган и его жена Нэнси), которые страстно верили в астрологию! А бывший президент Джордж У. Буш, как известно, всячески способствовал преподаванию креационизма в общеобразовательных средних школах — наряду с тем, что он называет дарвиновской сомнительной "теорией" эволюции!

Значительную часть своей писательской деятельности я посвятил разоблачению лженауки. В следующей главе, извлеченной из моей программной книги "Всевозможные "почему" философического писаки", я всеми силами стараюсь объяснить, почему я скептически отношусь к разного рода паранормальным утверждениям, касающимся "пси-феноменов" — парапсихологических явлений или сил.

Никакое воспринимаемое явление, каким бы оно ни было необычным, не является невозможным, а следовательно, если под термином "чудеса" мы подразумеваем лишь "необычайно удивительные события", нет веских оснований для того, чтобы отрицать саму возможность их осуществления.

Томас Генри Хаксли. Юм

Наука есть поиск достоверного знания о мире, то есть знания о том, как устроена Вселенная (в том числе живые существа) и как она действует. Этот поиск начался, когда ум первобытного человека впервые стал осознавать такие очевидные повседневные явления, как смену дня и ночи, сердцебиение, падение роняемых предметов. На протяжении тысячелетий поиск конкретизировался и систематизировался, поначалу — благодаря все более точным наблюдениям, затем — посредством экспериментов и путем создания теорий, а также новых инструментов наблюдения.

Грубо говоря, всю научную информацию можно разделить на три группы: факты, законы и теории. Эти сферы не имеют четких разграничений между собой, но если бы мы не назвали части целого, мы бы не смогли продолжать наш разговор. "День" и "ночь" — полезные термины, несмотря на их размытые границы (а может быть, как раз благодаря этому). Если женщина скажет вам, что вы ей всю ночь снились, вы вряд ли станете уточнять: "А что ты понимаешь под словом "ночь"?"

В качестве примера типичного факта можно привести утверждение "У Марса два спутника". А вот типичный закон: планеты вращаются по

эллиптическим орбитам. Типичная теория: общая теория относительности. Первое является фактом, так как описывает некий уникальный случай. Второе является законом, поскольку обобщает индивидуальные случаи — поведение всех планет, движущихся вокруг одиночной звезды. Третье является теорией, ибо имеет дело с ненаблюдаемыми сущностями (такими, как физические поля) и объясняет как факты, так и законы.

Во всех этих трех сферах (факты, законы, теории) научное знание никогда не обладает полной достоверностью. Возможно, у Марса имеется третья луна, настолько маленькая, что ее пока не обнаружили. Возможно, тот или иной закон — лишь грубое первое приближение. Возможно, та или иная теория окажется ошибочной. Никакие суждения о мире не являются абсолютно достоверными, хотя некоторые из них могут заслужить той степени доверия, при которой с ними согласен каждый, а это практически неотличимо от полной достоверности. Кто станет отрицать, что у слонов есть бивни или что вы, читатель, не таракан?

Лишь в чистой логике и математике утверждения можно считать абсолютно достоверными, но за такого рода истины приходится платить колоссальную цену. Цена эта — то, что подобные утверждения ничего не говорят нам о мире. Чтобы применить абстрактную математику для описания физических объектов, мы вынуждены делать всевозможные допущения, которые Рудольф Карнап* назвал

* Рудольф Карнап (1891–1970) — немецко-американский философ, представитель логического позитивизма.

"правилами соответствия". Почему два слона плюс два слона равняются четырем слонам? Потому что у нас есть четкие эмпирические основания для "правила соответствия", гласящего: слоны суммируются как положительные целые числа. Однако две капли воды плюс еще две капли могут составить одну большую каплю. Прикладная математика никогда не сообщает абсолютно достоверных истин, ибо всегда есть вероятность (пусть иногда и самая небольшая), что та или иная математическая модель не является абсолютно точной.

Из расплывчатости собственно научного метода и связанных с этим противоречий еще не следует, что наука, по сути, не развивается и что для сравнения конкурирующих теорий нет рациональных оснований. Всякий согласится, что науку продвигает вперед постоянная проверка новых гипотез, большинство из которых приходится рано или поздно отвергать. Этот процесс сравнивают с эволюцией в живой природе. Генетические мутации — это ошибки при копировании, которые почти всегда снижают вероятность выживания того или иного вида. Организмы с неблагоприятными мутациями имеют тенденцию вымирать, а организмы с благоприятными — выживать. Подобным же образом для научного прогресса необходимо, чтобы постоянно выдвигались необычные теории, в большинстве из которых позже обнаруживаются погрешности. Влиятельные научные журналы, вопреки мнению некоторых, буквально набиты как раз такими дикими рассуждениями и предположениями, а самая верная дорога к славе — придумать

безумную теорию, которая в конце концов подтвердится, часто — после упорного сопротивления скептиков. Такое сопротивление и понятно, и необходимо. В науке царил бы полнейший хаос, если бы специалисты быстро принимали или с порога отвергали каждую появляющуюся эксцентричную теорию[1*].

Почему я настаиваю на столь прозаических воззрениях? Потому что меня как скептика, отвергающего паранормальные идеи, всякого рода парапсихологи постоянно обвиняют в том, что я упрямо отрицаю саму возможность существования таких паранормальных сил, как ЭСВ (экстрасенсорное восприятие: телепатия, прорицание, ясновидение) и ТК (телекинез). Это дурацкое обвинение. Среди знакомых мне критиков паранормального никто не исключает саму возможность паранормального. Всякие законы или теории могут оказаться верными, если в них нет логических противоречий. Возможно, Вильгельм Райх действительно открыл прежде неизвестную силу — "оргонную энергию". Возможно (как уверяют сайентологи), человеческий эмбрион однодневного возраста фиксирует все слова, которые говорит его мать и которые говорят ей. Возможно, у нас с вами была некая предыдущая жизнь. Возможно, Солнце замерло на месте, вняв повелению Иисуса Навина; возможно, Иисус ходил по воде, обращал воду в вино и воскрешал мертвых. Возможно, Господь сотворил Еву из ребра Адама. Возможно, Земля — полый шар, на

* Цифрами обозначены авторские примечания, вынесенные в конец книги.

внутренней поверхности которого мы обитаем. Все утверждения относительно реального мира имеют различные степени достоверности, от единицы до нуля, причем 1 и 0 — недостижимые пределы, хотя иногда мы можем подобраться к этим границам на бесконечно малое расстояние.

Очевидно (по крайней мере для меня), что наука лишь начала раскрывать тайны Вселенной. Если под "паранормальным" подразумевать вообще все законы и теории, которые пока не открыты, тогда получится, что в паранормальное верят все ученые. Если бы нам каким-то образом удалось заполучить учебник физики XXV века, в нем почти наверняка обнаружилась бы масса информации, которую никто из современных физиков не смог бы ни заранее представить себе, ни даже понять. У всякой области науки есть свой передний край, фронтир, где она пробивается вперед, в бескрайние неисследованные джунгли, кишащие паранормальными сюрпризами. В этом смысле я радикальнейший "паранормалист". Я твердо убежден, что существуют истины о мироздании, лежащие настолько же за пределами нашего нынешнего знания, насколько наше современное знание природы недоступно пониманию рыб.

Когда я говорю, что не являюсь паранормалистом, я использую это слово так, как его используют в обычном сегодняшнем дискурсе. Мы живем во времена, когда среди несведущих людей растет интерес к самым причудливым идеям и верованиям, достоверность которых, по мнению всего научного сообщества, стремится к нулю. Именно эту весьма

туманно очерченную область безумной науки писатели и телеведущие имеют в виду, произнося термин "паранормальное".

Надо ли мне кратко перечислять хотя бы некоторые из тех вещей, какие вы, скорее всего, увидите в любом псевдодокументальном фильме, посвященном паранормальным явлениям? Всякого рода НЛО с инопланетянами; загадочные смертоносные силы, царящие в Бермудском треугольнике; способность формы Великой пирамиды предохранять пищу от порчи и затачивать бритвенные лезвия; реальность одержимости демонами, психохирургии, лозоходческих талантов, астрологии, хиромантии, нумерологии, биоритмов; а еще — заверения адептов трансцендентальной медитации, что человек может научиться левитировать, становиться невидимым или проходить сквозь стены; аура человека; путешествия астрального тела; полтергейст; спиритизм; телефонные звонки от покойников; плачущие и кровоточащие изваяния Девы Марии; восприимчивость растений к мыслям; а также (на более достоверном уровне) ЭСВ и ТК.

В нашем обществе, где царит конкуренция, хозяева печатных и электронных СМИ всегда угождают вкусам публики, и в защиту подобного угождения произносится немало слов. Если большое количество людей обожает скверную живопись, скверную музыку и скверную литературу, скверные фильмы и телешоу, а также псевдонауку, кто посмеет заявить, что им не следует предоставлять возможность читать, слышать и видеть то, что им нравится? В открытом обществе любая попытка цен-

зуры, пусть даже касающаяся самой вопиющей порнографии, всегда становится занятием весьма рискованным. Никто из приверженцев свободы и демократии не желает (кроме разве что самых исключительных и чрезвычайных случаев) государственного законодательного регулирования, запрещающего СМИ что-либо делать.

Однако (по крайней мере, я так считаю) существует много ситуаций, в которых руководители медиа оказываются перед моральным выбором. Рассмотрим три примера. Если Эн-би-си сделает документальный фильм о тайных супружеских изменах недавних президентов, усомнится ли кто-то, что телерейтинги подобного творения взлетят на немыслимую высоту? Почему же Эн-би-си вряд ли станет вкладывать деньги в такую программу? Не потому, что это запрещает закон или факты могут оказаться недостоверными, а из-за того, что такой фильм стал бы проявлением чудовищно дурного вкуса. И в конечном счете эта программа, вероятно, нанесла бы ущерб имиджу телекомпании.

А теперь — другой мысленный эксперимент. Допустим, несколько ученых заявляют, что черные чуть отстают от белых по генетически предопределенному уровню интеллекта. Эн-би-си могла бы выпустить программу, где эту идею позволили бы защитить ее адептам, и им бы не мешали оппоненты, потому что оппонентам не предоставили бы равного времени для ответа. В конце концов, в свободном обществе разрешено излагать в эфире любую точку зрения, разве не так? И это заинтересует миллионы

зрителей, не правда ли? Разумеется, перед началом фильма дадут титры, где предупредят, что мнения, которые вы сейчас услышите, не разделяет компания Эн-би-си, как и большинство ученых.

Почему же Эн-би-си не показывает такой фильм? Не думаю, что из-за возможных низких рейтингов; и не думаю, что единственный фактор тут — опасения, что имиджу Эн-би-си будет нанесен ущерб (хотя ущерб, без сомнения, стал бы огромным). Это может показаться невероятным, но я убежден: руководство Эн-би-си сочтет такую документальную работу проявлением не только дурновкусия, но и безнравственности.

Наш третий пример, увы, вовсе не относится к мысленным экспериментам. Речь идет о программе, которую Эн-би-си в 1977 году действительно спонсировала. Эта девяностоминутная передача под названием "Исследуя неведомое" вышла вне всяких рубрик и циклов; текст читал Берт Ланкастер*. Фильм открывается коротеньким закадровым сообщением, объявляющим, что, хотя все факты, о которых будет рассказано, считаются достоверными, они не получили "убедительного доказательства" — странное предупреждение, если учесть, что наука никогда ничего не доказывает со стопроцентной убедительностью. Из всех зрителей программы, с которыми я говорил, никто не вспомнил этого предупреждения. А запомнили они девяносто минут потрясающих откровений о том, что

* Берт Ланкастер (1913–1994) — известный американский актер, звезда многих вестернов и мелодрам; снимался в фильмах Висконти и Бертолуччи.

Ланкастер именовал величайшими прорывами на переднем крае современной науки.

Они увидели французского иллюзиониста, переквалифицировавшегося в экстрасенсы и сгибавшего алюминиевый брусок силой мысли. Они увидели японского мальчика, глядящего в объектив поляроида, а когда снимок проявляли, на нем — вот те на! — обнаруживалась Эйфелева башня. Один экстрасенс подпрыгивал лежа на спине, а британский парапсихолог с пресерьезным видом заключал, что это, по всей видимости, случай левитации. Психохирурги, филиппинские хилеры, оперировали пациентов голыми руками, без инструментов, хотя из волшебным образом возникавших надрезов обильно сочилась кровь и извлекались ткани и органы. Один управлял лазерным лучом посредством телекинеза. Другой писал живописные полотна, руководствуясь указаниями давно почивших художников. Демонстрировались хитроумные изобретения, якобы вдохновленные духами, блуждающими вне телесной оболочки (как сообщалось зрителям). И при этом в фильме не проскользнуло ни малейшего намека на то, что мировое научное сообщество считает всё показанное полным бредом.

На мой взгляд, этот омерзительный фильм, как и десятки таких же (за последние несколько лет их частенько показывали в прайм-тайм), являет собой пример и дурновкусия, и моральной безответственности — не только потому, что побуждает некоторых тяжелобольных зрителей устремляться на Филиппины ради бессмысленной "операции", которая убьет их, если они пренебрегут помощью

традиционной медицины; и не только потому, что такие фильмы потакают публике, жаждущей паранормального, но и потому, что они вносят свой вклад в растущую неспособность наших граждан отличать хорошую науку от плохой.

Эту тенденцию хорошо отражают законодатели и правительственные чиновники, столь же невежественные в вопросах науки, как наши телепродюсеры и режиссеры. В результате общественные средства частенько перенаправляются с полезных проектов на бесполезные. В книге Сэмюэла Гаудсмита "АЛСОС" (кодовое название секретного проекта, который он в свое время возглавлял и целью которого было выяснить, насколько далеко нацисты зашли в своих атомных исследованиях во время Второй мировой) есть печальный эпизод: Гаудсмит спорит со своим давним другом Вернером Гейзенбергом, одним из немногих ведущих немецких физиков, сотрудничавших с Гитлером. Тогда фашистскую Германию только что разгромили, и Гаудсмит терпеливо выслушивал гордые рассказы Гейзенберга о том, каких высот он вместе с несколькими помощниками достиг в области разработки атомного оружия. Гаудсмит тогда не решился сказать ему, насколько тривиальны все их результаты. Они оказались тривиальными отчасти потому, что тупоумные нацистские власти транжирили деньги на бессмысленные проекты, отчасти же потому, что великие физики бежали из фатерлянда[2].

Подъем нацистского движения пришелся на времена необычайного интереса немцев к паранормальным явлениям. Астрология переживала беспре-

цедентный взлет. Многие буквально помешались на собственном здоровье. Повсюду вспыхивали увлечения странными диетами и причудливыми псевдонаучными сектами. Небезосновательным представляется мнение, согласно которому такой расцвет всякого рода безумных учений в Германии позволил ее населению с большей легкостью попасться на удочку сумасбродной антропологии, ставшей основой гитлеровского "окончательного решения еврейского вопроса". В подобных тенденциях мы, к счастью, далеко ушли от нацистской Германии, однако тревожные сходства слишком уж бросаются в глаза.

Как и для всех подобных маний, причин тут несколько: ослабление традиционных религиозных верований среди более образованных слоев[3], возрождение протестантского фундаментализма, разочарование в науке (создающей технологии, которые вредят окружающей среде и порождают чудовищные виды оружия), неуклонно снижающийся уровень преподавания наук на всех стадиях обучения, а также многие другие факторы. Пытаясь объяснить массовые психозы современности, часто пренебрегают еще одним фактором — ролью СМИ как средства обратной связи. Такая роль имелась у них всегда, однако фантастически мощное влияние телевидения и кино на общественное мнение сделало эту обратную связь силой, которая в наши дни значительно ускоряет развитие каждой из перечисленных мною тенденций. Продюсеры телепрограмм, как и издатели книг и журналов, не кривят душой, заявляя, что они скорее отвечают на запросы

публики, нежели инициируют их. Но мягкое порно стимулирует потребность в "более порнографическом" порно, а мягкое насилие — в "более насильственном" насилии; точно так же и безумная наука создает потребность в науке еще более безумной.

Много десятилетий назад в своей книге "Причуды и заблуждения во имя науки" я написал о некоторых самых вопиющих примерах паранауки 50-х — как раз перед тем, как началась оккультная революция[4]. Какое-то представление о более современном состоянии дел в этой области я попытался дать в сборнике статей и рецензий "Наука хорошая, плохая и фальшивая"[5]. Здесь же я намерен ограничиться замечаниями, касающимися менее радикальных притязаний парапсихологии.

Как я вполне ясно дал понять в "Причудах и заблуждениях", я верю, что заверения серьезных и ответственных парапсихологов заслуживают того, чтобы к ним отнеслись серьезнее, нежели к любой из других вышеназванных тем, популярных в нынешнем обществе из-за всплеска интереса к различным сектам. Авторы неубедительных книжонок о паранормальных явлениях обычно не проводят различия между парапсихологией и, скажем, астрологией по степени их полезности. Даже ведущие парапсихологи лишь усугубляют эту путаницу, публикуя статьи в изданиях наподобие "Fate" ("Судьба") или "New Realities" ("Новая реальность"), хотя эти издания они сами же презирают. Разумеется, целое поле простирается между нетрадиционной, но уважаемой наукой и той же астрологией. Всякий согласится: иногда не существует

четкого критерия, разграничивающего хорошую и плохую науку. Но незачем повторять то, что я и другие неоднократно писали о зыбкой грани, не позволяющей легко определить безумца[6]. Предпочитаю особо подчеркнуть здесь более простую мысль, которую я высказывал ранее: трудность в очерчивании четких границ вокруг определенных областей какого-то континуума не означает, что бесполезно давать определения его областям, отстоящим далеко друг от друга.

Проиллюстрируем это на ярком примере. В некоторых регионах нашей планеты (к примеру, в Калифорнии: где же еще, правда?) до сих пор сохранились общества сторонников теории плоской Земли. Если предводитель такой группы серьезно высказывает свои взгляды, найдется ли кто-нибудь (кроме верящих в плоскую Землю), кто не решится назвать его полоумным? Справедливость этого слова ничуть не ослабляется тем, что безумная наука находится на одном конце некоего спектра, постепенно переходящего в науку респектабельную (на другом его конце). Эта ситуация напоминает старый анекдот, в котором богач спрашивает женщину, переспит ли она с ним за миллион. Она соглашается, и он тут же предлагает ей пять долларов. Женщина обижена: "Кто я по-вашему — шлюха?" "Это-то мы выяснили, — отвечает мужчина. — А теперь торгуемся о цене".

Никто не станет делать вид, будто полоумных (или проституток) не существует, однако попытки поместить отдельно взятое чудаковатое воззрение на шкалу, простирающуюся от "хорошей науки" до

полного сумасбродства, означают, по сути, такую же торговлю — спор о степени достоверности. Четких критериев тут нет, и даже согласие между ведущими учеными может стать отражением разного рода культурных веяний, искажающих суждения. Иоганна Кеплера часто называют великим ученым, чьи взгляды представляли собой смесь астрологии и эксцентричных рассуждений, тогда как воззрения Галилея кажутся куда убедительнее. Однако даже Галилей не сумел принять верную теорию Кеплера об эллиптических орбитах или его заявление, что Луна вызывает приливы. В наши дни для оценки научных теорий существуют сложнейшие методики, неведомые Галилею и Кеплеру, но и эти инструменты по-прежнему отнюдь не свободны от личностных пристрастий или культурных влияний. И всегда есть вероятность, что какая-то новая точка зрения, которая сейчас представляется большинству ученых диковинной и нелепой, в итоге окажется справедливой.

Меня часто упрекают за то, что я включил в "Причуды и заблуждения" главу о Джозефе Бэнксе Райне. Многие из тех, кто меня в этом обвиняет, забыли, что на первой же странице этой главы я пишу:

> Необходимо сразу же отметить, что по сравнению с большинством людей, чьи взгляды обсуждаются в этой книге, Райн совершенно точно не является псевдоученым и не идет с ними ни в какое сравнение. Он человек необыкновенно честный и искренний и свою работу выполнял с тщательностью и компе-

тентностью, которые нам сегодня не следует недооценивать и которые заслуживают куда более подробного анализа, нежели позволяют нам рамки краткого исследования. Его фигура обсуждается здесь лишь в связи с огромным интересом к его открытиям со стороны новых "нетрадиционных" течений в современной психологии, а также благодаря тому, что он являет собой великолепный пример ученого, трудившегося в пограничных областях науки — его работы нельзя назвать безумными, однако они лежат на далеких окраинах науки традиционной[7].

Я по-прежнему убежден в искренности Райна, однако чем больше узнаю о его первых работах, тем меньше уверен в его тщательности и компетентности. Мое отношение к другим ведущим парапсихологам — во многом такое же. Мне представляется, что их заявления так и не поднялись над весьма невысоким уровнем достоверности, и порой я нахожу этих людей чрезвычайно легковерными, однако не считаю большинство из них глупцами или мошенниками. Давайте я постараюсь как следует прояснить, что я думаю об их работе и почему я не паранормалист даже в узком смысле слова, допускающем веру в парапсихологические явления.

Первым делом следует подчеркнуть: притязания парапсихологии — это научные притязания. Они не обязательно напрямую связаны с какими-то религиозными либо философскими взглядами. При этом я не отрицаю, что нередко они все-таки неким образом соединяются с такими верованиями или воззрениями. Так, в наши дни модно объяснять

исцеления, совершавшиеся Иисусом, и успешную практику целителей, основанную на вере, называя это формой парапсихологического лечения; а в защиту левитации приводят библейский рассказ о том, как Иисус вознесся на небеса, или католическую концепцию Успения Девы Марии. Этим я лишь хочу показать, что идеи парапсихологии выдвигаются как основанные на эмпирических доказательствах и что человек, придерживающийся тех или иных метафизических или религиозных взглядов, может принять или отвергнуть парапсихологические явления исключительно по научным причинам.

Меня неизменно веселят письма разных благонамеренных душ, предполагающих, что я скептически отношусь к парапсихологии из-за своего атеизма. Да, я действительно являюсь одним из основателей Комиссии по научным исследованиям паранормальных теорий, поначалу получавшей финансовую поддержку Американской гуманистической ассоциации, но не в этом дело. В последних главах книги, которую вы держите в руках, вас ждет признание в том, что я не только в некотором роде деист, но еще и мистик-платоник. Но какое отношение Бог или божества имеют к вопросу о том, позволяет ли ТК согнуть ложку? Большинство из знакомых мне ярых приверженцев парапсихологии — атеисты. В связи с этим сразу приходят в голову Зигмунд Фрейд и Марк Твен: оба верили в телепатию и оба являлись при этом атеистами. Между тем существовало и существует множество верующих, относящихся к заявлениям парапси-

хологов с тем же скепсисом, что и я. Вопрос о том, имеют ли место парапсихологические силы, — это вопрос научный, и на него столь же мало должны влиять философские или религиозные воззрения, как на вопрос о том, существуют ли гравитационные волны.

Скептики иногда говорят, что они не верят в парапсихологические силы, но что мир был бы интереснее, если бы такие силы существовали. Возможно. В каком-то смысле было бы интереснее, если бы, скажем, действие силы тяжести удавалось бы приостановить усилием мысли (лидеры движения трансцендентальной медитации настаивают, что это достижимо), но во всех прочих отношениях это привело бы к большой сумятице. Иисус заметил как-то, что мысль не поможет ни единому человеку вырасти хотя бы на локоть. Забавно читать, как Алиса то растет, то съеживается, отщипывая кусочки с разных сторон гриба Синей Гусеницы, но в реальном мире подобные паранормальные явления не показались бы нам такими уж забавными.

Кроме того, я высоко ценю возможность хранить свои мысли в тайне. Я не желаю жить в мире, где другие благодаря телепатическим способностям сумеют проникать в мои потаенные думы или же благодаря ясновидению узнавать, что я делаю. Пожалуй, это одна из милостей Господних — то, что мы, смертные, способны общаться друг с другом лишь посредством сознательно издаваемых слов или иных знаков. Одно из неоконченных стихотворений Эмили Дикинсон начинается строчками, которые мне всегда нравились:

Письмо — земная радость,
С ним боги не нужны.

Райн как-то написал о ЭСВ, что если человек когда-нибудь уверенно овладеет этими способностями, то они станут мощным инструментом, позволяющим достичь мира и обуздать преступность:

> Последствия для мировой политики стали бы, без преувеличения, колоссальными. За вынашиваемыми кем-либо на Земле военными планами и хитроумными замыслами можно было бы наблюдать, вовремя их обнаруживая, и поэтому война едва ли когда-нибудь случилась бы вновь. Все были бы лишены преимущества внезапности. Всякое тайное оружие, всякая тонкая стратегия — все стало бы заблаговременно видно всем. Народы с облегчением перестали бы вечно подозревать друг друга в закулисных махинациях.
>
> Преступность какого бы то ни было масштаба едва ли существовала бы после того, как с нее сдернули бы покров невидимости. Взятки, эксплуатация, притеснения неминуемо прекратились бы, если бы темные затеи негодяев заранее обнажались бы перед всеми[8].

Похоже, Райну не приходило в голову, что эти устрашающие силы с такой же легкостью может использовать полицейское государство, в котором они стали бы инструментом для куда более широкого спектра репрессий и террора, нежели обычное

прослушивание телефона, перлюстрация писем или перехват электронных сообщений.

Способность к предсказаниям? Ее преимущества и недостатки настолько очевидны, что я ограничусь цитированием одного индуистского мифа и еще одним анекдотом.

Вот вам этот миф. На лбу у индуистского бога Шивы имелся третий глаз, которым он мог прозревать будущее. Его жену Парвати всегда раздражала эта его способность (что вполне понятно), ибо когда они играли в кости, Шива жульничал, поскольку заранее знал, как они лягут.

А вот анекдот. Один ревностный христианин, подобно Сэмюэлу Джонсону на склоне лет, невероятно обеспокоился тем, куда он попадет — в рай или в ад. Он помолился об откровении, и в комнате перед ним появился ангел.

— У меня, — сообщил ангел, — есть для тебя хорошая новость и плохая. Сначала хорошая. Ты отправишься в рай.

Бедняга пришел в неописуемый восторг.

— Ну а плохая новость? — спросил он.

— Это будет в ближайший вторник.

ТК открывает еще более ужасающие перспективы. В меня не вселяет энтузиазма мысль о том, что кто-нибудь из моих недругов может обладать способностью на расстоянии причинить мне вред. Оборотная сторона белой магии — черная, и не важно, чья это чернота — демонов или парапсихологических сил. Несколько лет назад я посетил конференцию по парапсихологии, проходившую в Нью-Йоркском университете. После каждой лек-

ции, которые читали видные парапсихологи, было отведено время для вопросов из зала. Встревоженные молодые дамы поднимались и заявляли, что у них есть враги, которые используют ТК, чтобы навлекать на этих дам всякие ужасные происшествия. Как это предотвратить? Ораторы явно смущались, и на меня произвела впечатление уклончивость их ответов.

Парапсихологи, жаждущие получить для своих исследований финансовую поддержку правительства, резонно утверждают, что если бы ТК существовал, то его можно было бы применять в террористических целях. Экстрасенс, способный на расстоянии согнуть ключ, зажатый в чьем-нибудь кулаке, наверняка сумел бы использовать ту же силу, чтобы включить взрывное устройство или повредить компьютерную сеть. Именно из-за таких опасений (на мой взгляд, беспочвенных) военные в России и Соединенных Штатах финансируют секретные исследования пси-явлений. И опять же — не Божья ли это милость, что мы лишены способности одной лишь силой мысли обращать одно вещество в другое?

А представьте, какую смуту ТК посеял бы в науке! Эксперименты часто зависят от точнейшего считывания показаний чувствительных приборов. Если экспериментатор сможет неосознанно влиять на эти инструменты, побуждая их реагировать на собственные надежды или страхи, тогда придется усомниться в результатах десятков тысяч опытов. Это вносит неясности даже в парапсихологию как таковую. Многие видные парапсихологи убеждены,

что ТК может оказывать воздействие на генераторы случайных чисел или импульсов (рэндомайзеры), широко используемые при парапсихологическом тестировании. Как удостовериться, что в эксперименте, где определяется, скажем, сила ясновидения испытуемого, на самом деле измеряется не сила ТК экспериментатора, соединенная с его же силой предвидения и воздействующая на рэндомайзер, используемый при выборе объектов?

Парафизик Гельмут Шмидт в свое время провел знаменитый эксперимент, который, как представлялось, доказывал, что тараканы обладают паранормальной способностью получать больше электрических ударов, нежели позволяют возможности, предоставляемые им в рамках эксперимента. Поскольку логично предположить, что тараканам хочется *избегать* электрических разрядов, Шмидт заподозрил, что, поскольку он, Шмидт, ненавидит тараканов, на генератор случайных импульсов воздействовала *его собственная* сила ТК![9] Парапсихологи часто утверждают, что присутствие скептиков при проведении такого рода экспериментов ослабляет действие парапсихологических сил. Вероятно, бывает и наоборот. Как нам убедиться, что успех пси-экспериментов определяется не пси-способностями испытуемого, а телекинетическим влиянием сторонников парапсихологии, наблюдающих за экспериментом?

Поскольку и без меня легко вообразить те блага, какие могли бы принести человечеству парапсихологические силы (например, "пси-лечение"), я попытался уравновесить их, особо под

черкнув некоторые пороки таких сил. Но, как я уже сказал, мои собственные ощущения в этом смысле нейтральны. Мои надежды и опасения, связанные с возможной реальностью парапсихологических явлений, ничуть не сильнее надежд и опасений, связанных с существованием кварков. Я не верю в парапсихологические силы лишь потому, что считаю доказательства неубедительными.

Большинство людей, подвергающихся неустанной промывке мозгов со стороны адептов парапсихологии (которые утверждают при этом, что обычный человек не в состоянии дать оценку этим явлениям), поражаются, узнав о том, что подавляющее большинство психологов (особенно психологов-экспериментаторов) не верят в парапсихологические явления. Откуда общественности узнать, что в нашей стране количество пси-исследователей, занимающихся своим делом полный рабочий день, чрезвычайно мало? В 1978 году Чарльз Тарт, парапсихолог с мировым именем, прикинул их число: получилось, что таких специалистов около дюжины. Он добавил, что большинство из них — самоучки, имеющие ничтожную финансовую поддержку. Некоторые из них — неутомимые пропагандисты. Они пекут популярные книжки как блины, вечно мелькают в ток-шоу, где производят великолепное впечатление — умные, непредвзятые ученые, отважно гребущие против течения косной ортодоксальной науки. Наемные писаки коршунами налетают на их творения, создавая непрерывную лавину неубедительной халтуры, часто приносящей целые

состояния и им самим, и их бессовестным издателям.

Откуда общественности узнать, что скептически настроенные психологи больше пятидесяти лет всеми силами пытаются воспроизвести классические пси-эксперименты — и, что примечательно, так и не добились никакого успеха? Этот факт сильнее прочих повлиял на погружение парапсихологии в состояние вечного застоя. Положительные свидетельства тоненькой струйкой текут от крошечной группки энтузиастов, тогда как отрицательные свидетельства поступают мощным потоком от куда более крупной группы скептиков. Уильям Джеймс в своих "Воспоминаниях и опытах" выражает недоумение: четверть века он следил за публикациями по парапсихологии и в итоге обнаружил, что пребывает в тех же сомнениях, что и в самом начале. Более близкий к нам по времени философ Энтони Флю признавался в сходных чувствах. В 1953 году в своем "Новом подходе к парапсихологическим исследованиям" Флю заявлял, что парапсихологических явлений слишком много, чтобы их игнорировать, однако так и не удалось показать воспроизводимость экспериментов, что окончательно прояснило бы вопрос. В 1976 году он писал:

> Очень печально признавать, что общая ситуация по прошествии более чем двадцати двух лет представляется мне, по сути, прежней. При этом проделана огромная работа. Возможно, за указанный период было сделано больше, чем за всю предшествующую историю изучения данного вопроса. Тем не менее

так и не удалось надежно зафиксировать ни одного воспроизводимого явления подобного рода, ни одного совершенно достоверного случая. Однако по-прежнему существует слишком много данных, не позволяющих нам окончательно отвергнуть все эти построения[10].

Как на это отвечают парапсихологи? Я уже упоминал о восхитительном оправдании — по сути, это их "уловка 22"*. Они настаивают: если экспериментатор — скептик, то (даже если скептики присутствуют при опыте лишь в качестве наблюдателей) их скептицизм гасит робкие проявления пси-энергии. (Поскольку парапсихологические силы провозглашаются *не зависящими от времени и пространства*, удивительно, что парапсихологи еще не додумались сваливать неудачи при воспроизведении экспериментов на какого-нибудь неизвестного, сидящего за тысячу миль и неделю назад усомнившегося в успехе опыта.) "Уловка 22" помещает скептиков в особое положение, какого не упомнят анналы науки. Скептик *никак* не сможет опровергнуть ЭСВ или ТК так, чтобы его аргументация удовлетворила адепта парапсихологии. А значит, перед нами невеселая перспектива: еще полвека столь же безысходных исследований пси-явлений.

* "Уловка 22" — роман американского писателя Джозефа Хеллера (позже по нему был снят знаменитый фильм). Собственно "уловка 22" там — пример бессмысленной бюрократической логики, загадочное правительственное постановление, согласно которому, к примеру, каждый, кто объявляет себя сумасшедшим, на самом деле им не является, т.к. подобное умозаключение способен сделать лишь человек в здравом уме.

"Уловка 22" — лишь одно из неизменных оправданий, которыми пытаются объяснить неудачи при воспроизведении экспериментов. У испытуемого болела голова или же он был расстроен, в лаборатории создали недостаточно комфортные условия, мешавшие достигнуть должной расслабленности, между испытуемым и экспериментатором существовали личные трения, исследовательский прибор издавал шум и отвлекал, сам эксперимент оказался слишком сложным, погода — чересчур холодной или излишне жаркой, испытуемый (по каким-то загадочным причинам такое происходит довольно часто) вдруг утратил свои способности, — и прочее, и прочее.

Оглядывая безбрежное море литературы по парапсихологии, я поражаюсь отсутствию корректно выполненных контрольных опытов, необходимых для подтверждения всякого рода экстраординарных заявлений. Если кто-то провозглашает, что благодаря ясновидению может воспринимать происходящее на расстоянии десяти тысяч миль, узнав всего лишь координаты искомой точки на карте[11], столь фантастическое утверждение требует проведения контрольных опытов — куда более строгих, чем нужно для того, чтобы определить, умеет ли он жонглировать пятью шариками или исполнять джаз, стуча по голове костяшками пальцев. Пока парапсихологи не предъявят скептикам какие-нибудь эксперименты, которые те смогут с должной достоверностью воспроизвести, получаемые пси-специалистами результаты по-прежнему будут оказывать лишь очень слабое влияние на "респектабельную" психологию.

Рассуждение Дэвида Юма о чудесах (см. раздел 10 его "Исследования о человеческом познании") — обязательное чтение для всякого, кто озабочен оценкой значимости разного рода волшебных явлений, изучаемых парапсихологией. Юм пишет главным образом о библейских чудесах, но если подставить вместо них современные чудеса парапсихологии, вам покажется, что этот очерк Юма написан буквально вчера. "Мошенничество и людские причуды — явление обыденное, — заявляет он, — и я скорее поверю, что самые необыкновенные события происходят благодаря совместному их действию, нежели допущу, что передо мною свидетельство нарушения законов природы".

Среди многих ценных комментариев к очерку Юма я особенно рекомендую наблюдения Чарльза Пирса, помещенные в шестом томе его "Избранных статей", и главу 7 книги Томаса Хаксли "Юм", откуда я взял эпиграф к этой моей главе. После вышеприведенного утверждения Юма (с которым я полностью солидарен) Хаксли ясно высказывается по поводу того, что имеется в виду, когда говорят: "Необыкновенные научные утверждения требуют необыкновенных доказательств". Он пишет:

> Но когда мы обращаемся от вопроса о возможности чудес (как бы их ни определять на абстрактном уровне) к вопросу о причинах, на основании которых мы можем поверить в то или иное отдельное чудо, аргументы Юма обретают совершенно иную значимость, поскольку превращаются в простые утверждения о требованиях здравого смысла. Это

можно выразить следующей максимой: чем больше утверждение о каком-либо факте противоречит предшествующему опыту, тем полнее должно быть доказательство, чтобы мы имели основания поверить данному утверждению. Именно таков принцип, управляющий нашими занятиями в повседневной жизни. Если кто-нибудь сообщит мне, что видел на Пикадилли пегую лошадь, я поверю ему без колебаний. Само это явление достаточно вероятно, к тому же я не могу представить, какие мотивы побудили бы моего собеседника меня обманывать. Но если тот же человек заявит, что наблюдал там зебру, я немного помедлю, прежде чем принять его свидетельство: для этого мне нужно будет не только удостовериться, что он и раньше встречал зебр, но и понять, что у него имелась способность и возможность наблюдать таковую в данном конкретном случае. Однако если мой свидетель станет уверять меня, что созерцал кентавра, рысцой трусящего по знаменитой лондонской улице, я решительно откажусь доверять его заявлению, даже если мне сообщит это самый праведный из людей, готовый принять мученическую смерть за свои убеждения. В подобном случае я конечно же не усомнюсь в честности очевидца: мне придется с осторожностью отнестись лишь к его компетентности, которая, к несчастью, имеет очень мало общего с честностью или с силой убежденности.

Откровенно говоря, мне трудно вообразить, какое доказательство убедило бы меня в существовании живых кентавров. Давайте заострим вопрос до предела: допустим, покойный берлинец Иоганнес Мюллер, величайший анатом и физиолог среди

моих современников, прямо заявил бы, что лицезрел живого кентавра. Разумеется, я бы пошатнулся под давлением столь авторитетного свидетельства. Но я бы лишь воздержался от суждения, не более. Ведь куда вероятнее здесь была бы ошибка при интерпретации наблюдаемых фактов (на какую способен даже он), нежели реальное существование такого животного, как кентавр. И потребовалась бы ни больше ни меньше как подробная и тщательно сделанная монография, написанная весьма компетентным исследователем, с цифрами и параметрами обмеров всех важнейших частей кентавра, каковые обмеры были бы выполнены при обстоятельствах, исключающих возможность фальсификации или неверной интерпретации, — только такая монография, быть может, убедила бы человека науки, что наблюдавший кентавра действовал сознательно и выражал свою уверенность в существовании этого животного на основании доказательств.

Те, кто колеблется, не решаясь признать существование такого зверя, как кентавр (если бы его действительно наблюдали), заслуживают не упреков в скептицизме, а скорее некоторых похвал — за простую научную добросовестность. Полагаю, незачем привлекать сюда какие-либо априорные гипотезы о том, что кентавр — невозможное животное, или о том, что его существование (если бы он существовал) нарушало бы законы природы. Бесспорно, строение кентавра принесло бы множество практических затруднений для анатома и физиолога, и весьма многие обобщения нашего предшествующего опыта, которые мы с таким удовольствием именуем зако-

нами природы, были бы поколеблены появлением такого создания, так что нам пришлось бы вывести новые законы, которые объяли бы этот наш расширившийся опыт. Всякий мудрец согласится, что возможности природы неисчерпаемы и включают в себя кентавров; но при этом он будет считать своей обязанностью до поры до времени придерживаться указания Лукреция: "Nam certe ex vivo Centauri non fit imago" ["Ибо определенно нет возможности изобразить кентавра с натуры"], возлагая бремя доказательств существования кентавров на плечи тех, кто предлагает ему поверить в это утверждение.

Защитники паранауки частенько называют ее сенсационные открытия "белыми воронами". Образ неудачный: белые вороны встречаются ничуть не реже, чем черные лебеди или голубые яблоки. Кентавр, выбранный Хаксли, служит более подходящей метафорой. По степени достоверности нет большой разницы между кентавром и феями с полупрозрачными крылышками, каковых (в этом был уверен Конан Дойль) две девушки некогда сфотографировали в английской лесистой долине. Сгибание металлов Ури Геллером, перемещение предметов Ниной Кулагиной (в России) и Фелисией Пэрис (в Соединенных Штатах), утверждения Гарольда Путхоффа и Рассела Тарга, что существует простой способ использовать предсказателей для рулеточного выигрыша[12], "мыслеграфия" Теда Сириоса, доклады о близких контактах третьего рода с НЛО, а также тысячи иных чудес, возбуждавших воображение не только наемных писак, но и многих выдающихся

парапсихологов, — все эти заявления куда ближе к античным рассказам о кентаврах, нежели к сообщениям о белых воронах.

В чем же именно, как мне кажется, парапсихологи идут по неверному пути? Однозначного ответа нет. Полагаю, в большинстве случаев их результаты — следствие ненамеренных погрешностей в постановке эксперимента и анализе первичных данных. Во всех видах исследований, существенно зависящих от статистики, экспериментаторам нетрудно получить то, что они так отчаянно стремятся найти. Уже много раз подчеркивали, что по мере того, как Райн все больше узнавал о контрольных опытах, его результаты делались все менее впечатляющими. Он так никогда и не сумел найти объект, который сравнился бы с Хьюбертом Пирсом, однажды сумевшим в ходе опыта по ЭСВ угадать двадцать пять карт подряд. Он не смог найти замену лошади по кличке Леди Чудо, умевшей читать его мысли. Первые номера его журнала заполнены статьями, где описаны столь примитивные контрольные опыты, что в наши дни тот же самый журнал наверняка отказался бы их печатать. Увы, многие сегодняшние парапсихологи продолжают превозносить эти ранние эксперименты, при всех их серьезных погрешностях.

Еще одно объяснение многих классических пситестов — всего-навсего умное (иногда, впрочем, даже не очень умное) жульничество со стороны испытуемого. Как я люблю повторять, электроны и лабораторные мыши не мошенничают, и это отличает их от людей. В истории парапсихологи-

ческих исследований весьма часто встречается тип людей, движимых не финансовыми, а мощными эмоциональными побуждениями. Их возбуждает, когда родители, друзья, парапсихологи и публика считают их экстрасенсами. Нередко это юные школьники или студенты, у которых есть дополнительный стимул — порадовать преподавателя и получить хорошие оценки. Во многих случаях они сами твердо уверены, что обладают паранормальными способностями. И чтобы укрепить и усилить то, что они считают своими врожденными талантами, они решаются на обман.

История спиритизма буквально кишит медиумами, у которых был именно такой извращенный ум. Длинная поэма Роберта Браунинга "Мистер Сладж*, медиум" — как раз о подобном человеке. Прототипом героя послужил некий Д.Д. Хоум. Привлекательный, умный, утонченный, Хоум считался величайшим медиумом своего времени — а может быть, и всех времен. Уж не знаю, что Хоум на самом деле в глубине души думал о мертвых, но, полагаю, Гудини верно описал его, назвав "самым закоренелым лицемером". У Хоума даже хватило наглости выпустить книгу о жульнических уловках других медиумов — разумеется, аккуратно обойдя молчанием собственные методы. Однако большинство нынешних самозваных обладателей сверхъестественных способностей влачат унылое существование, и для развлечения публики им попросту не хватает таланта. Они могут привлечь к себе внима-

* Sludge — грязь, слякоть *(англ.)*.

ние единственным способом — проделывая скучные фокусы и утверждая, что на самом деле это никакие не фокусы. Иные становятся виртуозными артистами, играющими роль честных и недалеких ребят, которые совершенно не в состоянии постичь природу своего уникального "дара".

Часто ли Конан Дойль и другие спиритуалисты провозглашали, что миссис Такая-то вряд ли мошенничала, когда ее трубные возгласы наполняли затемненную комнату, — потому что она же такая милая и невинная старушка, явно ничего не знающая о магии? Милая и невинная, каково! У хитрой старушенции обычно уже имелись за плечами полвека сомнительного опыта профессионального жулика. Никакой преуспевающий карточный шулер не станет вести себя по-шулерски, когда садится играть с незнакомыми людьми. Никакой лекарь-шарлатан не ведет себя как шарлатан, и разговаривает он иначе. То же самое касается и шарлатанов от парапсихологии.

И наконец, бывают редкие случаи, когда мухлюет сам парапсихолог. Недавний печальный пример — случай Уолтера Дж. Леви-младшего, руководителя лаборатории Райна, которого сам Райн избрал своим преемником. Когда "Time" посвятил главную статью номера (4 марта 1974) всплеску оккультизма, Леон Джарофф, научный редактор журнала, рассказал мне, что самое здравое письмо протеста им прислал Леви. А спустя несколько месяцев того же Леви поймали на возмутительном обмане: он дергал за провод регистрирующего устройства, заставляя прибор фиксировать

аномально высокое количество положительных результатов[13]. Мне известно из достоверных источников, что его преступление раскрыли не благодаря тщательно проводимым в лаборатории Райна контрольным опытам, а из-за того, что его заподозрили молодые сотрудники и подстроили ему ловушку.

А позже вскрылся и другой случай мошенничества — со стороны Сэмюэла Дж. Соула, еще более выдающегося парапсихолога. Поначалу Соул весьма пренебрежительно относился к работам Райна, особенно к экспериментам с игральными костями. И вдруг он сам начал получать положительные результаты в опытах по ЭСВ и быстро сделался самым знаменитым английским пси-экспериментатором. "Труды Соула — важнейшая веха на пути исследования ЭСВ, — замечал Райн. — Если даже не принимать во внимание Невероятной ценности его работы, уже одно то, что полученные им выводы заставили его кардинально изменить свои взгляды на ЭСВ, придают его находкам дополнительное значение". Теперь уже получены неопровержимые доказательства, демонстрирующие, что Соул подделал результаты одного из своих самых известных и общепризнанных опытов[14].

Итак, на мой взгляд, есть три основных источника погрешностей при классических пси-экспериментах: неосознанные промахи экспериментатора, сознательное мошенничество со стороны испытуемого, а время от времени — жульничество самих исследователей. Разумеется, не исключено, что мир стоит на пороге новой Коперниканской революции — в области сознания. Я не

могу сказать, что парапсихологические силы не существуют. Я говорю лишь, что доказательства их существования слабы и неубедительны. Необычайные утверждения требуют куда более необычайных свидетельств, нежели до сих пор удавалось наскрести парапсихологам. Когда их эксперименты смогут с должной степенью надежности воспроизводить скептики, когда станет очевидно, что данные контрольных опытов соответствуют смелости притязаний, а в разработке этих экспериментов и наблюдении за ними примут участие квалифицированные фокусники, — вот тогда я не замедлю переменить свое мнение.

Глава 7
"Новое мышление", "Единство" и Элла Уилер-Уилкокс

В наши дни Эллу Уилер-Уилкокс практически забыли, если не считать нескольких стихотворных строк, которые часто цитируют, не зная имени автора. А ведь при жизни эта женщина являлась, вероятно, самым популярным и любимым поэтом в Америке. Она была страстной пропагандисткой движения "Новое мышление", весьма сходного с более поздним движением "нью-эйдж". "Новое мышление" было тесно связано с "Христианской наукой", вот почему я посвятил Уилкокс отдельную главу в своих "Целительных откровениях Мэри Бейкер Эдди" (Амхерст, штат Нью-Йорк: "Prometheus Books", 1993), критической биографии основательницы "Христианской науки".*

Я ставлю Уилкокс значительно выше Эдгара Геста, приверженца "Христианской науки". Хотя ее религиозные воззрения не менее сумасбродны, некоторые из ее стихов, на мой взгляд, стоит прочесть и в наше время.

Поскольку я намерен сосредоточиться на той поддержке, которую оказывала "Новому мышлению" поэт Элла Уилер-Уилкокс (1850–1919), я предприму попытку вкратце обобщить невероятно запутанную историю этого движения. Его провозвестниками

* Новая эпоха, новая эра *(англ.)*.

стали трансценденталисты Новой Англии (в этом смысле особенно значимы сочинения Эмерсона), непосредственно же у его истоков стоят учения Финеаса Паркхерста Куимби и Мэри Бейкер Эдди. Сотни знаменитых мужчин и женщин увлекались "Новым мышлением" (НМ). Этому движению посвящались тысячи книг, десятки тысяч журнальных статей*.

Движение это зарождалось постепенно, начинаясь с разрозненных групп, появлявшихся там и тут; обычно их создавали энергичные лидеры вроде миссис М.Е. Крамер, сформировавшей в Сан-Франциско одно из первых таких обществ — под названием "Ассоциация божественной науки". В 1890 году в Хартфорде, штат Коннектикут, прошла конференция сторонников "Нового мышления", в результате чего они основали свою первую крупную общенациональную организацию — Международный альянс Нового мышления (МАНМ).

Готовя материалы для данной главы, я думал, что МАНМ давно угасла, однако выясняется, что эта организация (с штаб-квартирой в городке Меса, штат Аризона) жива и здорова. Она издает "New

* Лучше и точнее всего история "Нового мышления" изложена в 571-страничном труде Чарльза С. Брейдена "Восставшие духи: подъем и развитие "Нового мышления"" ("Southern Methodist University Press", 1963). Его девятое издание (1984), в мягкой обложке, продается до сих пор. В конце своей книги Брейден перечисляет более сотни периодических изданий по "Новому мышлению", то возникавших, то исчезавших; причем, по его оценкам, этот список содержит лишь третью их часть. *(Прим. автора).*

Thought" ("Новое мышление"), симпатичный ежеквартальный журнал, чей первый номер вышел в 1914 году. Его главный редактор в настоящее время — Блейн С. Мейс. В 44-страничном номере, появившемся летом 1992 года, объявлено, что семьдесят седьмой конгресс МАНМ пройдет в июле в Лас-Вегасе, в отеле "Ривьера". В нем же помещена реклама несметного множества книг и кассет по "Новому мышлению"; кроме того, читателя приглашают в НМ-круиз по Карибскому морю. Церкви, рекламируемые в этом выпуске журнала, носят, к примеру, такие названия: Хиллсайдский международный центр истины, штат Атланта; Первая церковь религиозной науки, Манхэттен; Первая церковь понимания, Розвилл, штат Мичиган; Церковь универсального Христа, Балтимор; Первая церковь божественной науки, Милуоки; Объединенная церковь христианства, Хьюстон; Церковь религиозной науки в Хантингтон-Бич, штат Калифорния; Святилище истины, Альгамбра, штат Калифорния; Церковь единства, Хаммонд, штат Индиана. На четырех страницах мелким шрифтом перечисляются еще почти две сотни НМ-церквей и НМ-центров по всей стране. Можно даже приобрести футболки, где спереди написано "Только любовь реальна", а сзади — "Только любовь исцеляет".

Поначалу "Новое мышление" ограничивалось главным образом пантеистическим подчеркиванием того, что Бог пронизывает собой всю природу и обитает внутри каждого человека. Настраиваясь "в тон бесконечному" (так именовалась одна из первых и явно самая популярная из всех НМ-книг; она

принадлежала перу Ральфа Уолдо Трайна), можно не только без всяких лекарств избавиться от болезней, но и стать необычайно счастливым и зарабатывать кучу денег. Хотя первые адепты НМ разделяли отказ сторонников "Христианской науки" принимать медицинскую помощь, позже они откололись от учения Эдди, признав физическую природу недугов и став гораздо терпимее по отношению к врачам.

Иисус всегда считался пророком "Нового мышления", но само это движение, как и "Христианская наука", являлось, по сути, нехристианским, отвергая концепцию первородного греха и потому заключая, что нет необходимости ни в кровавом Христовом искуплении, ни в наличии ада как вечного наказания для тех, кто не спасется. В НМ-литературе (как и в книгах сторонников "Христианской науки" и сегодняшних трудах адептов "нью-эйдж") термин "искупление" (atonement) снова и снова повторяется как "at-one-ment" (искупление-для-каждого): этим подчеркивается, что каждый из нас является частью Бога и соединен со всем существующим во Вселенной. Помните, как Ширли Маклейн* в фильме, снятом по одной из ее многочисленных автобиографий, распевает на пляже: "Я — Бог"?

На протяжении первых десятилетий XX века, после того как в дело вступил Чарльз Брейден, "Новое мышление" постепенно стало все больше напоминать генерала, который вскочил на коня

* Ширли Маклейн (р. 1934) — американская актриса и писательница, автор эзотерических и автобиографических книг.

и пытается мчаться во всех направлениях одновременно. Стало уже не так просто определить убеждения адептов НМ — точно так же, как сегодня трудно в точности сказать, во что верят ньюэйджеры. "Новое мышление" начало впитывать все оккультные элементы, которые ныне являются частью "нью-эйдж". Лидеры движения принялись заимствовать религиозные доктрины с Востока — особенно идею реинкарнации. В учении Иисуса, равно как и в текстах Куимби, ничего не сказано про реинкарнацию, однако Чарльз и Мёртл Филморы, основавшие НМ-церковь Единства, с энтузиазмом приняли эту концепцию. О "Единстве" у нас еще пойдет речь. В наши дни большинство членов этой по-прежнему процветающей секты верят в переселение душ.

"Новое мышление" стало также активно привлекать внимание ко всем формам парапсихологических явлений (ЭСВ, ТК), к нумерологии, астрологии, а также (в некоторых случаях) к чудесам Великой пирамиды. Чикагская "Psychic Research Company" ("Компания парапсихологических исследований") стала одним из многих издательств, специализирующихся на НМ-книгах. Она же основала журнал "New Thought", в котором поэт Элла Уилкокс работала заместителем главного редактора. Как и современных ньюэйджеров, адептов НМ зачаровывали такие нетрадиционные методы лечения, как гомеопатия и натуропатия.

Вот типичное рекламное объявление от "Psychic Research Company". Оно посвящено НМ-книге Уильяма Уокера Аткинсона.

Эта замечательно яркая книга ответит на вопросы: Могу ли я сделать свою жизнь более счастливой и успешной благодаря ментальному контролю? Как мне улучшить свои жизненные обстоятельства умственным усилием? Как избавиться от депрессии, неудач, робости, слабости и забот? Как повлиять на более могущественных людей, благосклонности которых я жажду добиться? Как научиться распознавать причины моих промахов, а значит, и избегать их?

Могу ли я обрести более активное, позитивное, энергичное, уверенное отношение к жизни? Как черпать бодрость духа и тела из невидимого источника? Как привлекать друзей и завоевывать дружбу? Как влиять на людей при помощи ментальных воздействий? Как влиять на людей телепатически, одной лишь силой мысли? Как задержать приход старости, сохранить здоровье и всегда хорошо выглядеть? Как исцелять себя от болезней, дурных привычек, нервозности и т.п.? (Элла Уилер-Уилкокс, "Сердце "Нового мышления"", с. 94).

А вот что говорится об одном произведении Сидни Флауэра:

Хотя это последняя книга в данной серии, она во многих отношениях — самая важная. За целую жизнь, полную исследований и практических занятий, не вычерпать кладезей знания, содержащихся в этой книге. В ней обсуждаются психометрия, френология, хиромантия, астрология, спиритизм и сомнопатия. Последнее — новый термин, предло-

женный автором, Сидни Флауэром, для описания разработанного им нового метода обучения детей во время естественного сна. По поводу этого метода одна дама недавно написала в газету "Washington Post": "Я никогда не наказываю моих малышей, я просто жду, пока они уснут, и тогда я разговариваю с ними, как вы понимаете — негромко, чтобы их не разбудить. Я снова и снова повторяю им, что они должны вести себя хорошо, я внушаю им доброту, поскольку считаю, что ум так же восприимчив к такому внушению во сне, как и когда он работает наяву. Я сосредоточиваю на этом собственный ум, и я убеждена, что скоро все матери освоят мой метод. Это лучший способ воспитания детей среди всех мне известных". Данный метод исчерпывающе описан в этой работе его создателем; полностью приведены одобрительные отзывы ряда выдающихся психиатров (Элла Уилер-Уилкокс, "Сердце "Нового мышления", с. 96.).

Именно "Psychic Research Company" опубликовала первую книгу Уилкокс об этом движении — "Сердце "Нового мышления" (1902). На моем экземпляре указано, что это двадцатое издание! Затем она выпустила "Здравый смысл "Нового мышления" — и что такое для меня жизнь" (1908), "Искусство быть живым: как достигнуть успеха благодаря "Новому мышлению"" (1914), а также ""Новое мышление": этюды в пастельных тонах" (1907) — сборник стихов, написанных в духе НМ.

Перед вами типичное стихотворение из "Этюдов" (все они легко забываются):

Грех — добродетель, что не развилась,
Пусть плоть над ангелом утратит власть,
Он там, у нас внутри, он ближних учит нас любить.

Великой этой троицы не отрицай,
И вечное сияющее Я признай, признай.

Когда весь мир из ничего
К могуществу стремился ввысь,
Творящей силой была —
Мысль.

Первая книга Уилкокс, посвященная "Новому мышлению", состоит главным образом из поучений и банальностей. Они даже скучнее, чем всякого рода наставления и общие места в книгах либеральных протестантских священников — таких, как Норман Винсент Пил или Роберт Шуллер (оба — продолжатели традиций "Нового мышления"). Их проповеди "силы позитивного мышления", их объяснения, как подобное мышление приводит к счастью и процветанию, взяты непосредственно из идеологии НМ, пусть и облачены в христианские термины.

Вот несколько перлов из творения Уилкокс "Сердце "Нового мышления":

Возраст — лишь плод вашего воображения. Не обращайте внимания на годы, и они не станут обращать внимание на вас.

Будьте умеренны в еде и почаще купайтесь в воде, прохладной, как обычный дождь. [Гидротерапия

(водолечение) пользовалась в то время популярностью среди адептов НМ.]

Будьте живыми, от макушки до пят.

Относитесь к каждому физическому недомоганию как к временному неудобству, не более.

Даже на мгновение не допускайте мысли, что вы навсегда заболели или стали инвалидом. Считайте, что вы стоите на пороге неслыханного успеха. Перед вами целый год — чистый, ясный, победоносный! За год вы сумеете вновь обрести здоровье, богатство, спокойствие, счастье!

Добивайтесь же цели, добивайтесь! Вперед!

По сути, НМ, как сообщает нам Уилкокс, — это просто "наука о том, как правильно думать". Если вы настроитесь в тон бесконечному Богу, который находится при этом и внутри вас, "физические страдания ослабят хватку, и бедность сменится богатством". Эта вера в то, что правильные мысли приносят финансовое вознаграждение, про-

ходит красной нитью через всю НМ-литературу — с самого ее начала и вплоть до вдохновенных книг Шуллера и Пила. Сущность НМ удачно выражает "Притязание", стихотворение из книги Уилкокс "Строки силы" (с. 18), где под "силой" понимается способность настраиваться и "зазвучать" в унисон с Богом.

Я есть спокойствие. Бьют страсти в сердце мне,
Как волны, и от них защиты нет,
Но знаю, что под ними, в глубине,
Царит спокойствие: терпи — и будет свет.
А если гнев в груди моей завоет,
"Покой, покой, — молю я, — будь со мною".

Я есть здоровье. Злой недуг терзает мозг,
И хвори страшные день ото дня сильней,
Но знаю я: растает боль, как воск,
Придет пора — я рассчитаюсь с ней.
И в мрачный день, и ночью я бессонной своенравно
Твержу: "Здоровье — ты мое по праву".

Я есть успех. О да, сквозь глад и хлад
Пока бреду я — но с улыбкой говорю:
"Всё это ненадолго. Средь отрад
Судьбу я завтра возблагодарю.
Господь — отец мой и невидимой рукой
Здоровье дарит мне, богатство и покой".

Подобно всем адептам НМ и ньюэйджерам, Уилкокс обрушивается на традиционное христианство, чьи ключевые понятия — грех, ад, воздаяние, —

кажутся ей кощунством против истинного учения Христа о любящем Боге. Прочь, прочь — не от Иисуса, а от этого устаревшего и гнетущего набора доктрин, порождения святого Павла! "Цельная и священная религия, — пишет Уилкокс в "Сердце "Нового мышления", — обретает место среди просвещенных и прогрессивных умов современности. Это религия, которая говорит: "Я — воплощение доброты, любви, истины, милосердия, здоровья... Я — божественная душа, и от меня может проистечь только добро, и только добро может течь ко мне..." Да, это "новая" религия, но она древнее Вселенной. Это собственная мысль Господа, облеченная в практическую форму" (с. 34).

Из "Повседневных мыслей" (с. 104) я выбрал следующее стихотворение:

В душе твоей пусть много будет окон,
Чтоб их вся слава мира украшала:
Проемам узким веры тесной, скудной
Не уловить сияющих лучей,
Бессчетны их источники. Сорви
Все шторы предрассудков, и пусть свет
Струится, точно истина сама
И словно Бог. Зачем взирает дух
Сквозь дырочку, что поп нам просверлил,
Зачем блуждает мрачным коридором
Сомнений, если целые моря
Пространств открыты нам, и можем мы
Купаться в золотых волнах Любви?
И, верованья ветхие стряхнув,
Смети же паутину старых истин

И смело душу свету подставляй
Разумности и Знания. Ушами
Учись ловить напев небесных звезд
И глас Природы; сердце обрати
Ты к правде и добру, как всякий злак
Стремится к солнцу. Мириады рук
Невидимых тебе помочь готовы
Достичь спокойной этой высоты,
И укрепит тебя сонм вышних сил.
Отбросить полуправду не страшись
И целостную истину объемли.

Подобно Эдди, Уилкокс убеждена, что правильное мышление — лучший способ сбросить вес. Однако она рекомендует при этом сократить количество приемов пищи до двух в день, а при сидячей жизни хватит и одного. Следует запастись терпением. Чудеса редко случаются мгновенно. Для них требуется время.

Ближе к финалу "Сердца "Нового мышления" Уилкокс признаёт, что не все несчастья вызваны неправильным мышлением или же могут быть устранены путем мышления правильного. Она приводит в пример "карапуза, ковыляющего перед трамваем и теряющего ножку" или человека, родившегося слепым, глухим или с какими-то уродствами. Чтобы объяснить такие беды, "необходимо заглянуть назад, в предыдущие жизни, чтобы отыскать первопричину подобных несчастий" (с. 79). В "Повседневных мыслях", одной из ее более ранних книг (1901), Уилкокс так же уверенно говорит о реинкарнации: "Я убеждена, что

дух человека всегда существовал и всегда будет существовать; что он проходит через бесчисленные формы и фазы жизни, а то, что осталось несделанным в одном воплощении, должно быть довершено в другом".

Как важное подспорье при медитации Уилкокс рекомендует упражнения по глубокому дыханию. Следует выполнять их, сидя в кресле, обратившись лицом на восток (утром) или на запад (вечером), "поскольку мощные магнетические силы приходят со стороны солнца".

Дородовые впечатления считаются чем-то само собой разумеющимся. Уилкокс вопрошает: ведь мать Наполеона читала римскую историю, когда он пребывал у нее во чреве, не так ли? В связи с этим Уилкокс сожалеет о непросвещенности молодых женщин, не ведающих о том, как важны радостные мысли во время беременности: иначе страхи и тревоги могут нанести вред мозгу младенца. Правильное мышление способно даже "размолоть камень" опасных склонностей, передающихся на генетическом уровне.

Я избавлю читателя от цитат из более поздних книг Уилкокс и из ее колонок, каждая из которых нередко появлялась сразу в целой сети газет, принадлежащих Уильяму Рэндольфу Херсту. Но я не могу удержаться и все-таки полностью приведу здесь объявление с последних страниц "Сердца "Нового мышления" (с. 93):

> Многочисленным друзьям и почитателям Эллы Уилер-Уилкокс будет интересно узнать, что этот ода-

ренный писатель и мыслитель недавно связал свою судьбу, в качестве заместителя главного редактора, с журналом "New Thought"* и что впредь ее произведения будут регулярно печататься в этом ярком издании, чья цель — помочь читателям взрастить в себе те силы сознания, что позволяют достичь успеха в жизни. Творения миссис Уилкокс вдохновляют огромное количество молодых мужчин и женщин. Ее взгляды на жизнь, полные надежды, практичности и уверенности, вселяют в читателя ощущение невиданной смелости уже в процессе самого чтения, давая благотворный толчок тем, чья воля ослабла. Она с горячим сочувствием относится к миссии журнала "New Thought". Этот журнал уже давно пользуется колоссальным успехом, и публикуемые в нем работы миссис Уилкокс, посвященные этому новому движению, принадлежат к числу самых лучших ее творений. С пера этой талантливой женщины текут слова истины, настолько полные жизни, что они сами поселяются в памяти каждого читателя и заставляют его мыслить — что способствует его собственному совершенствованию и прочному улучшению его соб-

* Если верить Брейдену, журнал "New Thought", упомянутый в этом объявлении, был основан Сидни Флауэром в 1902 г. Вначале был журнал "Hypnotic". В 1898 г. его название сменили на "Suggestive Therapeutics" ("Суггестивная терапия"). Когда в 1902 г. вышла книга Уилкокс, журнал слился с "Journal of Magnetism", и возникшее издание стало именоваться "New Thought". В 1910 г. оно объединилось с журналом "Health and Success" ("Здоровье и успех") и перестало выходить самостоятельно. Его не следует путать с другим периодическим изданием – "New Thought", органом МАНМ, который начал выходить как "New Thought Bulletin", сменил несколько названий и в конце концов, в 1941 г., стал ежеквартальным. *(Прим. автора)*.

ственной деятельности в мире, в какой бы сфере она ни проходила.

Журнал продается на всех газетных лотках за пять центов. Это самое яркое и ясное, самое лучшее издание этого типа, его создателям удалось найти ключ к успеху. Всё в этом журнале, от корки до корки, проникнуто духом прогресса и совершенствования, призывает к отваге, настойчивости, преуспеванию. Его жизнь и его душа — заразительная сила и энергия, уверенность в себе, умение управлять собой и обстоятельствами, — и даже самый обыкновенный читатель почувствует, как перенимает от него бодрость и оптимизм.

Бесплатно: издатели с радостью вышлют вам прелестный портрет миссис Уилкокс с выдержками из ее новых произведений. Наш адрес: Чикаго, Винсеннсавеню, Колоннейдс, 100, "New Thought".

Элла Уилер родилась в 1850 году на ферме в районе Джонсон-Сентер, штат Висконсин. Она росла чрезвычайно религиозным ребенком, крепко верившим в Бога, силу молитвы, защиту ангелов-хранителей. Ее писательская карьера началась еще в подростковые годы, когда она поставляла очерки и стихи в "New York Mercury", а также в газеты и журналы, выпускавшиеся издательствами Фрэнка Лесли и Харпера.

Юная Элла курсировала между маленькой фермой, где жила с семьей, и городом Милуоки. Некоторое время она училась в Висконсинском университете (позже переименованном в Университет Мэдисона). Ее первая должность — редактор литературной страницы в одном из коммерче-

ских журналов Милуоки, каковой журнал, впрочем, через несколько месяцев свернул свою деятельность. В придачу к регулярному изготовлению стихов Элла начала продавать свои рассказы в самые разные места. В общей сложности она выпустила около сорока книг; большинство из них — сборники сентиментальных, нравоучительных стихотворений. Кроме того, она стала автором множества романтических повестей, сборников эссе на общие темы, книг, пропагандирующих "Новое мышление", и двух автобиографий — "История одной литературной карьеры" (1905), а также "Миры и я" (1918). Поскольку она регулярно печаталась в газетах Херста и в журнале "Cosmopolitan", наверняка найдутся сотни ее журнальных и газетных публикаций, которые никогда не выходили в книгах.

Первый поэтический сборник Эллы, "Капли воды" (1872), грозно атаковал алкоголь — это были времена, когда вовсю развернулось движение за трезвый образ жизни. Однако к славе ее вознесли "Строки страсти" (1883). Потрясенные критики резко осудили книгу, благодаря чему она, понятно, вскоре стала бестселлером. По нынешним меркам ни одну из ее строф нельзя назвать порнографической, однако в ней все же встречаются такие строчки, как "Вот мое тело: хочешь — мни его" и пылкие пассажи наподобие следующего:

> В такие ночи кровь моя играет
> Горячкой юности, желаньями бурлит,
> И мозг напрасно сердце усмиряет:
> В груди моей вулкан страстей горит,

Тогда томлюсь я по тебе сильней,
Клянусь своей звездой, своей душой,
В лобзаньи я прильну к тебе тесней,
Весь мир не помешает мне: ты мой.

Некоторые специалисты считают, что все образы в этих страстных текстах (Элла написала их в тридцать с небольшим) — исключительно плод ее воображения и что на самом деле в то время она была скромной, неопытной девственницей. Но я этому не верю. На фотографиях, помещенных на фронтисписе большинства ее поэтических сборников, она предстает красивой женщиной с великолепной фигурой, а в автобиографии упоминается "калейдоскоп романтических увлечений" юности, в том числе "серьезные любовные ласки" одного из поклонников.

Элла отвергла несколько предложений руки и сердца — пока не встретила Роберта Уилкокса, в которого сразу влюбилась. Этот предприниматель разделял ее энтузиазм относительно Бога, молитв и ангелов, как и ее поползновения к "Новому мышлению" и оккультизму. Несколько лет они прожили в Меридене, штат Коннектикут, а затем девятнадцать лет провели в манхэттенской квартире, пока не осели в Коннектикуте, на берегу пролива Лонг-Айленд-Саунд. Их единственный ребенок, Роберт М. Уилкокс-младший, умер спустя двенадцать часов после рождения.

Эллу Уилкокс называли всеамериканским Эдди Гестом в юбке. (Любопытно, что Эдгар Гест (1881–1959), самый известный популярный вер-

сификатор в Америке первой половины XX века, являлся ревностным приверженцем "Христианской науки".) Мне и это утверждение представляется несправедливым. По стихам она все-таки на голову выше Геста, пусть даже и не написала ни единого великого стихотворения, и ее произведения совершенно забылись бы, если бы не антологии популярной поэзии, куда их до сих пор продолжают включать. Лучше всего помнят начальные строки "Одиночества": "Смеешься — и с тобой смеется мир, / Но если плачешь — плачешь в одиночку". Эти стихи впервые появились в "New York Sun" (21 февраля 1883 года), а позже вошли в "Строки страсти". Эти две строчки стали настолько знаменитыми, что большинство из тех, кто цитирует их в наши дни, считают, что это народное присловье, не имеющее автора. Появлялись даже пародии: "Смеешься — и с тобой смеется мир, / Но коль храпишь — ты будешь спать один".

"Одиночество" оказалось в свое время в центре одной из тех сумасбродных дискуссий, какие частенько возникают вокруг стихов настолько популярных, что их широко перепечатывают в газетах и журналах даже без подписи. Полковник Джон Александр Джойс (1840–1915) опубликовал в 1885 году автобиографию, озаглавленную "Пестрая жизнь", куда вошло стихотворение, идентичное "Одиночеству" (изменены были только две последние строфы). Спустя десять лет, в исправленной автобиографии "Жемчужины памяти", полковник описал, как он задумал и создал это стихотворение — в 1863 году, в Кентукки: он был

прикомандирован к тамошнему полку. Немудрено, что Уилкокс пришла в ярость. Она предложила пять тысяч долларов любому, кто сможет предоставить это стихотворение в опубликованном виде и при этом вышедшим до 1883 года, когда оно появилось в газете под ее именем. Подобной публикации так никто и не предъявил, однако полковник не оставил своих притязаний на авторство. "Он — жалкое насекомое, — писала Уилкокс во второй автобиографии, — однако его назойливое жужжание и укусы могут весьма раздражать".

Бёртон Стивенсон, посвятивший всей этой истории целую главу своих "Знаменитых одиночных стихотворений и поэм" (1935), перепечатывает абзац из первого варианта жизнеописания полковника ("Пестрая жизнь"), в котором тот признаётся, что несколько месяцев провел в психиатрической лечебнице Восточного Кентукки (г. Лексингтон) из-за своей "мании": он был одержим созданием вечного двигателя.

Как ни трудно в это поверить, полковник Джойс умудрился в течение своей жизни опубликовать биографии Эдгара Аллана По, Оливера Голдсмита, Роберта Бёрнса и Авраама Линкольна, а также совершенно никчемные сборники прозы и стихов. Затеянная им дискуссия по поводу "Одиночества" быстро утихла бы, если бы не Юджин Филд* (1850–1895), который продолжал на страницах

* Юджин Филд — американский писатель; больше всего известен благодаря своим детским стихам и юмористическим очеркам.

своей газеты защищать Уилкокс от нападок Джойса. Впрочем, Уилкокс не находила это смешным.

Почти так же, как начальные строки "Одиночества", знамениты первые строчки "Достойного человека" из "Строк чувства":

> Легко приятным быть и милым,
> Когда как песня льется жизнь и ярок свет,
> Но уваженья тот достоин,
> Кто всё ж улыбчив и спокоен
> В час мрачный горестей и бед.

Ну да, эти строчки смахивают на писанину Эдди Геста, зато Гесту не под силу было написать "Ветры судьбы" — одно из тех стихотворений Уилкокс, которые чаще всего включают в антологии:

> Один корабль — на запад, другой — на восток
> С попутным ветром — и пусть.
> Парусов наклон,
> А не чайки стон
> Нам скажет, куда лежит курс.
>
> Как ветры в море — дороги судьбы,
> По которым идем до сих пор,
> Лишь склонность души
> Скажет, куда спешить,
> А не затишье или раздор.

Не сумел бы Гест сочинить и столь искусный сонет, как "Зимний дождь" из "Морайн и других стихотворений" (с. 145):

Я слышала, как ночью в мир морозный
Неспешный падал зимний дождь; но молча
Бессильным каплям с их наивной мощью
Земля во льду лишь усмехалась грозно.

Куда *прочней надежность белизны*
Снегов, чьих жалоб не слыхать от века,
Укроет скорби их от человека
Холодная улыбка, свет луны.

Давным-давно, в годину смут и бед,
Рыданий вслух я поняла тщету:
Наотмашь бьет судьба нас на лету,
Но больше я не трачу слез в ответ,

Питаю гордость горечью я зыбкой
И миру я в глаза смотрю с улыбкой.

Как правоверный адепт "Христианской науки" Гест не способен был высматривать в жизни веселое и любопытное, в отличие от Уилкокс, которая в своей "Иллюзии" ("Строки силы", с. 17) посмеялась над убеждением Эдди, что всё в мире — *майя*, или сон, за исключением Бога, единственно реального:

С Богом мы сидим вдвоем,
Никого вокруг.
"Где же люди? — плачу я,
Где же небеса, земля,
Мертвых сонм подруг?"

"Всё это был сон, — Господь мне в ответ, —
Лишь казался он явью, поверь,
Ни мертвых, ни живых просто нет,
Нет земли, не сияет небесный свет,
Есть лишь Я — и в тебе Я теперь".

"Почему мне не страшно, — спросила я, —
Когда я тебя вижу тут,
Ведь я грешна, нет дороги назад,
Но есть ли рай и есть ли ад
И будет ли Страшный суд?"

"Да нет, всё это были лишь сны,
Ты проснулась, и жизнь легка,
Никакого нет страха и нет греха,
Тебя нет и не было, радость моя,
Ничего нет, а есть лишь Я".

Сегодняшние критики поражаются той невероятной популярности, которой некогда пользовалась поэзия Уилкокс. Не понимаю, чему тут удивляться. Разумеется, она не принадлежала к числу больших поэтов. Во вступительном стихотворении к сборнику "Морайн" она называет себя "лишь певцом тихой песенки", испытывающим восторг и священный трепет перед великими поэтами прошлого и занимающим лишь скромное местечко на самом краю "волшебной страны" поэзии. Она была из тех, кого Лонгфелло назвал "смиренными поэтами", чьи песни "потоком изливаются из самого сердца". При всей посредственности ее строк это всё же совсем не какие-то безнадежные вирши, и они, на мой

взгляд, куда сильнее творений таких бездарностей, как Уильям Карлос Уильямс, которым так восторгаются тугие на ухо критики, не выносящие музыкальности в поэзии.

Сходства Уилкокс с Ширли Маклейн бьют в глаза: одна — видный проповедник "Нового мышления", другая — знаменитый пропагандист "нью-эйдж". Обе — талантливые, привлекательные, энергичные, невероятно легковерные — и совершенно невежественные по части науки. Таланты Маклейн — актерская игра, танцы и пение. Хотя Уилкокс обожала кружиться на балах, плавать, играть на арфе и укулеле*, ее главные таланты лежали в области литературы.

Слава Уилкокс была настолько велика, что незнакомые мужчины постоянно пытались встретиться с ней и соблазнить ее. Этим незнакомцам посвящена одна из глав в автобиографии 1918 года, которая так и называется — "Безумцы, которых я знала". Там же описано, как для защиты от подобных искателей ей иной раз приходилось даже обращаться в полицию. Пламя их страсти разгоралось под влиянием совершенно ложных слухов о ее многочисленных супружеских изменах и предыдущих браках. На самом деле и она, и ее муж были женаты всего один раз и всю жизнь были необычайно преданы и привязаны друг к другу.

Подобно Мэри Бейкер Эдди и Ширли Маклейн, Уилкокс порвала с традиционным протестантским воспитанием, однако сохранила восхищение Иису-

* Укулеле — четырехструнная гавайская гитара.

сом — учителем, чьи взгляды, как она считала, исказили последователи. Рано пробудившийся в ней интерес к "Новому мышлению" вскоре привел ее к теософии. В автобиографии она рассказывает, как впервые познакомилась с "Тайной доктриной" мадам Блаватской, и сообщает о том, как бесконечно восхищалась вождем британских теософов Анни Безант. Мало того что она приняла восточные идеи реинкарнации и кармы: она еще и поверила в астрологию, хиромантию, чудесные исцеления, астральные проекции (теперь это называется "выходом за пределы физического тела"), фотографирование мыслей и все формы парапсихологических явлений, включая способность мертвых общаться с живыми через медиумов, а также посредством автоматического письма (через слова, возникающие на грифельной дощечке или иной поверхности), а также через сновидения и планшетки для спиритических сеансов.

Интерес Уилкокс к спиритизму подробно отражен в ее книге "Миры и я". Вторую автобиографию она открывает предисловием, являющим собой перепечатку редакционной статьи из спиритического журнала "Harbinger of Light" ("Предвестник света"), заключительные абзацы которой вполне могла бы написать Маклейн:

> За всеми этими сферами, в центре всего сущего, пребывает Солярный Логос — Бог, — движущий всю Вселенную. В беспредельности пространства располагаются обширнейшие небесные миры, населенные духами на разных ступенях развития — от

привязанных к земле душ до великих архангелов, — и всем в конечном счете придется возвратиться к Источнику и стать "едиными с Господом". Мудрый учитель верно заметил: "Правильное разделение по ступеням — способ, каким выражает себя Природа. Подобно тому, как человек порождает нескончаемую цепь жизни, сам он также является порождением той же цепи, простирающейся вплоть до Высшего Существа. Человек — лишь звено в эволюционной цепочке". И Альфред Рассел Уоллес*, которого именуют патриархом науки, провозгласил: "Полагаю, нам следует признать, что между человеком и Богом находится почти бесконечное множество существ, занимающихся во Вселенной столь же важными и определенными задачами, как и те, которые призваны выполнять мы сами. По моему представлению, во Вселенной обитают духи, разумные существа, чьи обязанности и силы гораздо масштабнее наших. Думаю, перед человеком лежит духовный мир, наследником которого он является".

Из этой богатой кладовой мы можем черпать мудрость и знание, получать свет и силу, и наше земное пребывание — лишь преддверие, лишь одна из бесчисленных комнат в доме нашего Отца.

О том помышляйте.

Последняя фраза воспроизводит завершающие слова восьмого стиха четвертой главы Послания

* По-видимому, имеется в виду Альфред Рассел Уллес (1823–1913) — известный британский натуралист, биолог и антрополог, географ и путешественник.

к Филиппийцам*. Этот стих очень любят цитировать сторонники "Христианской науки" и "Нового мышления":

> Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте.

Иллюстрацией же легковерия Уилкокс и ее научного невежества может служить следующая выдержка из главы 73 ее "Повседневных мыслей" (с. 249):

> Ненависть — яд. Однажды я посетила лабораторию одного ученого, где при помощи определенной смеси химикалий он определял настроение человека, дышавшего в стеклянный цилиндр. Различное настроение по-разному окрашивало вещества. Гнев и чувство обиды давали неприятную коричневую окраску, причем в химикалиях, окрашенных гневом, вырабатывался *заразный яд*.
>
> Это подводит научную базу под теорию духовных людей. Дело в том, что ненависть — это отрава.

После того как в 1916 году умер муж Уилкокс, Роберт, она впала в глубокую депрессию, соединившуюся со страстным желанием наладить с покойником связь. При жизни он обещал ей, что если скончается раньше, чем она, то приложит все усилия для того, чтобы дотянуться до нее сквозь завесу, разделяю-

* Одно из Посланий апостола Павла.

щую два мира. Уилкокс посещала многочисленных медиумов: те, как ей казалось, транслировали голос Роберта или записывали послания от него мелом на грифельной доске. Хотя Уилкокс ни разу не усомнилась в честности этих экстрасенсов или в реальности создаваемых ими паранормальных эффектов, она верила, что злокозненные духи потустороннего мира часто нацепляют на себя чужую личину. Она чувствовала, что ни одно из полученных ею посланий не исходит от мужа, и потому они не производили на нее особого впечатления.

Наконец, к ее полному восторгу, начали поступать подлинные, по ее мнению, сообщения — не через медиумов, а посредством ее собственных ладоней, которые она помещала на планшетку вместе с друзьями. Планшетка стремительно двигалась по столику для спиритических сеансов, выдавая столь же бессодержательные послания, как те, что она до этого получала через медиумов; но Уилкокс так отчаянно хотела выйти на связь с мужем, что сама себя убедила: эти новые послания — настоящие. Подробности этой грустной истории можно прочесть во второй автобиографии Уилкокс (главы "В поисках души скорбящей" и "Обещание исполнено").

В те дни большинство "звуковых" медиумов беседовали только с мертвыми родственниками и друзьями визитера, а не с сущностями, которые могли бы описать его предыдущие воплощения. Хотя Уилкокс верила, что у нее были прошлые жизни, в своих книгах она о них умалчивает. Живи она в наши дни, ее бы наверняка сразили в самое сердце контактёры "нью-эйдж" вроде Маклейн и других наивных звезд

экрана и сцены. По счастью, мы избавлены от описания деталей предшествующих жизней Уилкокс.

Несмотря на свою научную безграмотность и другие проявления ограниченности, Уилкокс была очаровательной женщиной и искусным прозаиком, а к тому же еще и поэтом, пусть и довольно посредственным. Она не отличалась политической активностью и была плохо начитанна в области экономики, однако разделяла социал-демократические взгляды, которые проступают во многих ее очерках. Она мало уважала тех, кто чрезвычайно богат и обильно швыряет деньги на ветер. В своих "Повседневных мыслях" она пишет: "Верю в кооперативные способы ведения бизнеса и в общественную собственность для крупных отраслей промышленности. У меня не тот тип мозга, чтобы составлять планы для достижения подобных результатов, однако я предвижу неминуемое наступление такого будущего".

Уилкокс тревожили ужасы войны, бедности и расового неравенства, однако ее позитивное мышление делало ее неунывающим оптимистом. "Медленно, но верно мир выходит на более высокий нравственный уровень; медленно, но верно эгоистичное животное в человеке уступает место Человеку — Образу Божественному... С каждым оборотом Земли вокруг своей оси мир становится чуть лучше" ("Повседневные мысли").

Оптимизм "Нового мышления" по поводу будущего, которое ожидает человечество, был поистине неукротим. Вот еще одно его проявление, выраженное в очередном скоропортящемся стихотворении Уилкокс, которое вошло в книгу "Повседневные мысли":

В мире много обитает
Горя, бедствий и грехов,
Но ведь дьявол наступает,
Коль ты к этому готов.
Чтоб он пал, со злости воя,
И не застил свет тебе,
Прекрати нытье пустое,
Посмотри в лицо судьбе.

Вот истории народов
Всех времен. Гласят они:
Уж давно забыты годы
Погрустней, чем наши дни.
В каждом слове видно ясно,
В каждой букве — приглядись:
Мир сегодняшний прекрасней,
Чем людей ушедших жизнь.

Несмотря на все несчастья,
Что терзают нас сейчас,
Помни: жизнь была ужасней
В мрачном прошлом в сотни раз.
Все пороки мы исправим,
И не покладая рук
Мы весь мир от тьмы избавим
Гордым факелом Наук.

Были — в хаосе пылинки,
Стали тем, кто мы теперь,
Ветер злой, мы не былинки,
К звездам нам открыта дверь.
Сбросим мы свои оковы
Ради мирного труда
И провозгласим мы снова:
Мир хорош как никогда.

После "Христианской науки" Школа христианского единства — самая крупная и организованная религия из всех наследниц идей Финеаса Куимби и "Нового мышления". "Единство" имеет несколько сотен центров в США и за границей — и миллионы сторонников. В сегодняшней атмосфере, пропитанной духом "нью-эйдж", "Единство" растет с такой же скоростью, с какой угасает "Христианская наука". Из его типографий выходили и выходят сотни книг и брошюр; среди них — "Уроки истины" Эмили Кэди (1894), ставшие своего рода учебником по основам этой религии и самой популярной работой среди адептов "Единства", а заодно и классикой НМ. Кэди работала в Нью-Йорке в качестве врача-гомеопата. Вначале ее уроки появлялись на страницах журнала "Unity" ("Единство").

В отличие от "Христианской науки" (которую оно сильно напоминает пантеизмом и верой в чудесные исцеления), "Единство" не признаёт идею Эдди о том, что грех, болезни, смерть, да и весь материальный мир не существуют. По-другому оно воспринимает и доктрину реинкарнации. Хотя в учении "Единства" нет твердых догм, его супруги-основатели, Мэри (Мёртл) Кэролайн Филмор (1845–1931) и Чарльз Шерлок Филмор (1854–1948), проповедовали переселение душ, и большинство нынешних адептов "Единства" разделяют это воззрение.

Еще одно отличие от сторонников "Христианской науки": у них имеются собственные храмы, а члены "Единства" предпочитают оставаться в лоне протестантизма, посещая церкви по своему выбору

и при этом ожидая наставлений от центров "Единства" и его многочисленных книг и периодических изданий. Самый высокий тираж — у журналов "Unity", "Daily Word" ("Ежедневное слово") и "Wee Wisdom" ("Мудрость для малышей"), последний — самый старый детский журнал в США.

Выпускница Оберлинского колледжа*, Мёртл Филмор начала свое духовное паломничество как адепт "Христианской науки", хотя пришла к ней не через церковь Эдди, а через Чикагскую теологическую семинарию "Христианской науки". Это учебное заведение основала и возглавляла Эмма Кёртис Хопкинс, бывший главный редактор "Christian Science Journal": в свое время Эдди отлучила ее за еретические взгляды. Чудесным образом исцелившись от туберкулеза, Филмор в 1889 году создала собственный свод "Христианской науки". Тогда она жила в Канзас-Сити, штат Миссури, со своим мужем Чарльзом. Этот некогда богатый застройщик потерял состояние во время экономического кризиса.

После того как жена обратила его в свою веру, некую разновидность "Христианской науки" (возможно, лучше и этот вариант называть "Новым мышлением"), Чарльз исцелился от искривления позвоночника, неравной длины ног и глухоты на одно ухо: во всяком случае, он так заявлял. Еще прежде он заинтересовался спиритизмом, теософией и индуистской мифологией; говорят, именно он заронил в сознание жены мысль о реинкарнации

* Частный гуманитарный колледж в г. Оберлин, штат Огайо. Первое высшее учебное заведение в США, куда начали принимать женщин и темнокожих.

(но не о карме: это понятие он отвергал). Брейден в своей истории "Нового мышления" сообщает: однажды мистер Филмор поведал ему, что он, Филмор, является реинкарнацией святого Павла!

Первый журнал "Единства" назывался "Modern Thought" ("Современная мысль"). В 1890 году его переименовали в "Christian Science Thought" ("Мышление "Христианской науки"), но, когда Эдди подала на них жалобу и пригрозила судебным преследованием, Филморы сократили название до "Thought" ("Мышление"). "Единство" входило в Международный альянс Нового мышления (МАНМ) вплоть до 1922 года, когда оно разрослось до таких размеров, что Филморы решили отделиться.

Чарльза настолько потрясли атомные бомбардировки Японии, что он разразился статьей "Атомная молитва", вышедшей в номере "Unity" за ноябрь 1945 года. Вот незабываемая выдержка из нее: она даст вам представление о стиле Филмора и о его научной прозорливости.

> Современные ученые говорят нам, что в одной-единственной капле воды содержится достаточно скрытой энергии, чтобы взорвать десятиэтажное здание. Эта энергия, существование которой выявлено нынешними специалистами, принадлежит к тому же типу духовной энергии, которую знали Илия, Елисей и Иисус и которую они использовали, творя свои чудеса.
>
> Силой мысли Илия пронзил атомы водорода и кислорода и устроил обильный дождь. Благодаря тому же закону он умножил масло и мясо в доме

вдовицы. Это было не чудо — иными словами, это не было божественным вмешательством, подменившим собою законы природы: нет, перед нами лишь нетрадиционное применение закона. Иисус воспользовался той же динамической силой мысли, дабы разрушить связи между атомами немногочисленных хлебов и рыб, которыми собирался пообедать бедный парень, — и накормил пять тысяч человек.

Книгу Чарльза "Сила мысли сокрушает атом" (вышедшую уже после его смерти, в 1949 году) до сих пор можно заказать у "Единства".

Хотя Филморы отвергали идею Эдди, отказывавшейся верить в реальность материи, и выступали в защиту бесконечной череды реинкарнаций, происходящих непосредственно на земле, во многих отношениях их взгляды совпадали с ее воззрениями. Грех, недуги и смерть считались "нереальными", их можно устранить — если только вы будете правильно мыслить. Подобно Эдди, супруги полагали Библию божественным откровением, однако откровение это следует трактовать скорее не как точный исторический документ, а как аллегорию. Как и в "Христианской науке", понятие ада считалось кощунственным.

В более поздние годы Чарльз Филмор проникся непримиримым отвращением к сексу, заявляя, что любовный акт отбирает у тела "нужнейшие жидкости" и ускоряет приход старости и телесной немощи. Подобно Эдди, он тешил себя мыслью, что если жить в полном согласии с принципами "Единства", то сила мысли, сокрушающая атомы, возможно,

сумеет по-настоящему сокрушить смерть, позволив человеку вечно оставаться в своем нынешнем теле. Вот как он отвечал, когда его спрашивали о подобной вероятности (цитирую по книге Рут Такер "Другое евангелие", 1989):

> Такой вопрос часто задают читатели "Unity". Иные из них, похоже, считают, что я или фанатик, или шутник, раз я всерьез выражаю надежду, что вместе с Иисусом обрету вечную жизнь во плоти. Но я и в самом деле говорю это весьма серьезно...
>
> Мне представляется, что кто-нибудь должен проявить достаточную инициативу и хотя бы попытаться возвыситься телом и духом до уровня сознания и совести Иисуса Христа. То, что никто из последователей Христа не победил свой страх, который столь свойственен человеку, еще не доказывает, что достигнуть этого невозможно.

Подобно миссис Эдди, Чарльз Филмор вдохновился на создание собственной версии 23-го псалма*. С таким же успехом его мог бы сочинить Норман Винсент Пил или кто-нибудь из десятков евангелистов, подчеркивающих способность Господа обогащать человека. Вот каким удивительным образом Филмор переписал этот псалом (см. его книгу "Процветание", 1936, с. 60).

* 23-й Псалом Давида: "Господь — пастырь мой. Не будет у меня нужды ни в чем. На пастбищах травянистых Он укладывает меня, на воды тихие приводит меня. Душу мою оживляет, ведет меня путями справедливости ради имени Своего. Даже если иду долиной тьмы — не устрашусь зла, ибо Ты со мной; посох Твой и опора Твоя успокоят меня..."

Господь — банкир мой. Превосходен кредит мой.
При повсеместном изобилии заставляет он меня
вести осторожно дела мои.
Дарует Он мне ключ от сейфа Своего.
Возрождает Он во мне веру в сокровища Свои.
Ведет он меня путями процветания во имя Свое.
Пусть я бреду во мрачной пропасти долгов,
не устрашусь зла, ибо Ты со мной;

Твое серебро и злато охраняют меня,
и Ты указываешь мне путь пред лицом сборщика податей;
Ты наполняешь бумажник мой;
и средства мои неисчерпаемы.
О да, добродетели и изобилие будут сопутствовать мне
во все дни жизни моей:
и буду я вести дела во имя Господа моего вовеки.

Что ж, Филморы и вправду нажили много денег, однако, как и у Эдди, у них не хватило веры в сокрушающую атомы силу Господню, и им не удалось вечно пребывать в своем теле. В 1931 году Мёртл умерла, а через два года 77-летний Чарльз женился на своей давней секретарше Коре Дедрик. Они вдвоем железной рукой управляли "Единством", пока сами не отправились в мир иной. Чарльз скончался в возрасте девяноста четырех лет, и кормило власти перешло к его сыновьям. О Чарльзе можно узнать больше из книги Хью д'Андрада "Чарльз Филмор, провозвестник "нью-эйдж" ("Harper and Row", 1974).

Теперь секта в руках потомков Филмора; ее штаб-квартира находится в пригороде Канзас-Сити

(штат Миссури), в обширном поместье, расположенном в деревне Юнити-Виллидж, на вершине горы Лиз. В деревне имеется вегетарианское кафе, которое ежедневно посещают толпы паломников; кроме того, в ней действует служба "Безмолвное Единство", где работает масса сотрудников, готовых ежедневно и круглосуточно предоставить вам бесплатную телефонную консультацию (пожертвования, конечно, приветствуются) и отвечать на все письма с просьбами о руководстве и поддержке. Оурал Робертс стал первым евангелистом-пятидесятником, посетившим штаб-квартиру "Единства"; после этого он завел такую же службу при своей миссии в городе Талса*.

Следующим по величине после "Единства" является "Божественная наука" — движение, основанное столетие назад Ноной Л. Брукс и Малиндой Крамер. Денверская Федерация божественного света предлагает купить две книги Брукс: "Тайны" (1977) и "При свете исцеления" (1986). А "Божественной науки и исцеления" Крамер (1905) теперь уже, похоже, не достать, как и творения Хейзел Дин "Могущество света: история Ноны Брукс", выпущенного издательством Денверского колледжа Божественной науки в 1945 году.

Еще одно ответвление "Нового мышления", достаточно крупное, чтобы устраивать конференции и выпускать периодические издания, — это Церковь религиозной науки, основанная в 1927 году Эрнестом Шартлеффом Холмсом. Она

* Подробнее об Оурале Робертсе см. в главе 20.

по-прежнему процветает, по Соединенным Штатам разбросано около сотни ее филиалов. Каталоги "Скоро выйдут из печати" за 1991–1992 гг. включают свыше тридцати книг и брошюр Холмса, большинство из которых публикует издательство "Science and Mind" ("Наука и сознание"), расположенное в Лос-Анджелесе — там же, где и штаб-квартира движения. Холмс являлся главным редактором всевозможных периодических изданий, среди которых был ежемесячник "Science of Mind" ("Наука о сознании"), который до сих пор можно встретить в книжных магазинах "нью-эйдж" и даже на некоторых газетных лотках. В новых его номерах обсуждаются паранормальные аспекты идей "нью-эйдж". Сам же Холмс умер в Лос-Анджелесе в 1960 году.

Более мелкие церковные группы, вдохновленные "Новым мышлением", появлялись и угасали на протяжении десятилетий: это, к примеру, Общество исцеляющего Христа, Дом истины, Церковь истины, Психиана (вера, которую можно заказать по почте), а также множество других. Потребовалось бы много страниц, чтобы просто перечислить самых влиятельных представителей НМ прошлого и настоящего. Вот лишь некоторые, перечисленные в алфавитном порядке, с указанием их самых популярных книг:

Реймонд Чарльз Баркер. "Наука успешной жизни", "Современное духовное лечение", "Ты и невидимое".

Клод Бристоль. "Магия веры".

Роберт Кольер. "Секрет времен", "Молитвы в действии", "Стань богатым".

Эрвин Сил. "Десять слов, которые переменят вашу жизнь", "Учитесь жить".

Ральф Уолдо Трайн. "Настройся в тон бесконечному".

Эммет Фокс. "Обрети силу благодаря конструктивному мышлению", "Нагорная проповедь", "Молитва Господня".

Помимо Уилкокс, последователями НМ становились и другие поэты, среди которых можно отметить Эдвина Маркхема, Виктора и Анджелу Морган, Дона Блендинга и Марджери Уилсон.

Многие протестантские священники, не принадлежавшие к лагерям фундаменталистов и евангелистов, также подпадали под сильное влияние НМ. Мы уже упоминали Нормана Винсента Пила и Роберта Шуллера. Забавное совпадение: хотя Пил выставлял себя традиционным протестантом, установлено, что он твердо верил во всевозможные парапсихологические явления, в том числе и в реальность призраков умерших.

В последние годы произошло самое удивительное возрождение НМ — в форме, близкой к "Христианской науке" и "Единству". Речь идет о "Курсе чудес" — его якобы транслирует лично Иисус через некую Элен Шукман, нью-йоркского психолога. Самый яркий глашатай "Курса" — Марианна Уильямсон, собирающая громадные толпы на свои лекции, которые проходят на Манхэттене и в Лос-Анджелесе. Ее творение 1992 года "Возвращение к любви" стало настолько популярным бестселлером, что издательство "Random House" выплатило

ей аванс в несколько миллионов долларов за две следующие книги.

Одна из достойных восхищения особенностей НМ (по крайней мере, среди большинства его былых и нынешних лидеров) — это терпимость к верованиям, отличным от вашего собственного. Это верно и по отношению к большинству ньюэйджеров. Так, Ширли Маклейн часто повторяет, что человек свободен заниматься своим делом, создавать свое пространство, разве не так?

Поэт "Нового мышления" Эдвин Маркхем хорошо выразил эту толерантность в своем "Его перехитрили" (это одно из самых цитируемых стихотворений Маркхема):

> Провел он круг, чтобы изгнать меня —
> еретика, достойного огня;
> но мы с Любовью победили:
> мы круг побольше провели — и внутрь его включили!

Элла Уилер-Уилкокс разделяла эти чувства. Оставим последнее слово за ней. В "Строках силы" (с. 159) есть стихотворение "Что нужно миру":

> Богов и вер не перечесть,
> Влечет нас множество путей,
> Но лишь добра благая весть
> Избавит мир наш от скорбей.

Глава 8
Была ли предсказана гибель "Титаника"?

Покойный Йен Стивенсон (он умер в 2006 году) горячо верил в парапсихологические силы и реинкарнацию, а потому был убежден, что морская повесть Моргана Робертсона "Тщета, или Крушение "Титана" стала выдающимся примером предвидения. В опубликованной за четырнадцать лет до катастрофы "Титаника" повести описывается, как в Северной Атлантике после столкновения с айсбергом тонет огромный корабль под названием "Титан". Ниже я показываю, что параллели между произведением Робертсона и гибелью "Титаника" — не более чем ряд совпадений, возникших потому, что Робертсон знал о планах компании "White Star" построить гигантский океанский лайнер.

Как писал Аристотель, вероятность невероятного довольно велика. Удобная модель здесь — таблицы случайных чисел. К примеру, в нескончаемом числе π начиная с 17 387 594 880-го знака появляется такая последовательность цифр: 0123456789. *Немыслимо? Вовсе нет. Где-нибудь среди бесконечной цепочки знаков числа π непременно встретится та или иная определенная последовательность цифр. А если учесть, что на протяжении жизни любого человека совпадения могут происходить благодаря колоссальному числу причин, то удивительно даже, насколько редко мы замечаем подобные события.*

Эта глава — перепечатка введения к моей книге "Крушение "Титаника" было предсказано?" (Амхерст, штат

Нью-Йорк: "Prometheus", 1986), а также предисловия к ее более позднему изданию, вышедшему в мягкой обложке.

Введение к книге "Крушение "Титаника" было предсказано?"

Мало какому даже самому рассудочному человеку не случалось порой со смутным волнением почти уверовать в сверхъестественное, столкнувшись с совпадением настолько поразительным, что разум отказывается признать его всего лишь игрой случая. Подобные ощущения (ибо смутная вера, о которой я говорю, никогда полностью не претворяется в *мысль*) редко удается до конца подавить иначе, как прибегнув к доктрине случайности *или — воспользуемся специальным ее наименованием —* к теории вероятности. Теория же эта является по самой своей сути чисто математической; и, таким образом, возникает парадокс — наиболее строгое и точное из всего, что дает нам наука, прилагается к теням и призракам наиболее неуловимого в области мысленных предположений.

Эдгар Аллан По. Тайна Мари Роже*

Эти слова По выражают чувство, которое почти все люди испытывали хотя бы раз в жизни. Снова и снова, как только в разговоре возникает тема паранормального, кто-нибудь считает необходимым рассказать, порой излишне вдаваясь в подробности, о каком-то случае из прошлого, когда рассказчика (или рассказчицу) буквально потрясло совпадение настолько невероятное, что в его случайность про

* Перевод И. Гуровой.

сто не верилось. И вот в лицо слушателю-скептику бросают: "Ну как вы объясните *это*?" На подобную убежденность обычно не оказывают влияния никакие разговоры о теории вероятностей и статистике. Величайшее совпадение оставляет неизгладимое впечатление. Подозреваю, что трудно найти парапсихолога, чей интерес к этой сфере не подогревали бы подобные сообщения о личных переживаниях.

Перед тем как перейти к обсуждению вопроса о том, была ли катастрофа "Титаника" предсказана благодаря экстрасенсорному восприятию, давайте сначала окинем взглядом совпадения как таковые. Важнее всего понять, что в большинстве случаев, когда происходят разного рода потрясающие совпадения, трудно даже приблизительно оценить их математическую вероятность. Математики называют такие задачи "некорректно поставленными". Возьмем, к примеру, самый распространенный тип подобного пророчества — вещий сон. Ведь попросту не существует способа оценить, до какой степени такой сон противоречит обычным законам статистики.

Большинство сновидений содержат в себе великое множество смутных, не связанных друг с другом сюжетов. Невозможно узнать, сколько деталей того или иного вещего сна быстро забывались, потому что не имели отношения ни к каким событиям, которые вскоре случились наяву. Допустим, женщине снится, что ее тетя Мэри погибла при пожаре. В том же сне муж тети Мэри избегает огня, выпрыгнув в окно и сломав ногу. Спустя несколько дней происходит одно из следующих событий: тетя

Мэри умирает от какой-то болезни, ее муж ломает руку в автомобильной аварии или же в каком-то из окрестных домов случается пожар. Если тетя Мэри оставит сей мир, сновидица сможет рассказать друзьям, что всего несколько дней назад ей снилось, что ее тетушка скончалась. Если муж тети Мэри сломает руку, сновидица, возможно, припомнит, что в одном из ее снов тот себе что-то сломал, она не может с уверенностью сказать, что именно, однако ей *кажется*, что руку. И конечно, если загорится соседский дом, она вспомнит *эту* часть сна. При этом другие события того же сна (а событий могла быть масса) так и не всплывут в памяти. Даже если во сне четко виделись всего лишь три упомянутых события, уже само по себе присутствие в нем этих трех сюжетов лишь повышает вероятность значимой корреляции.

Вероятность хотя бы одной значимой корреляции растет тем быстрее, чем больше временной промежуток между вещим сном и событием. Многие из подобных сновидений происходят за несколько дней, а то и недель до искомого драматического происшествия. А значит, мы должны бы рассматривать все события, которые имели место во всех снах данного человека на протяжении, быть может, значительного количества дней. Но, поскольку не существует способа восстановить те сотни происшествий, что грезились нам в течение всего периода, предшествовавшего нашему событию, случившемуся наяву, оценка вероятности единичной значимой корреляции становится делом абсолютно безнадежным.

Но здесь нужно учесть и многое другое. Каждую ночь миллиарды людей по всему миру видят сны. Разве не очевидно, что чрезвычайно высока вероятность впечатляющей корреляции между событиями сна и будущей яви в *некоторых* из этих миллиардов сновидений? Разумеется, когда такая необыкновенная корреляция действительно налицо, в сознании сновидца, несомненно, возникает острое и непоколебимое чувство невероятного.

Обращая внимание на сны о крупных катастрофах, питающие газетные заголовки, мы не имеем ни малейшего понятия о многих миллионах случаев, когда людям снилось такое же несчастье, однако ничего подобного потом не происходило в действительности. Можно с уверенностью сказать, что, когда отплывает гигантский лайнер или взлетает огромный самолет с большим количеством пассажиров на борту, вполне вероятно, что по крайней мере один из пассажиров или кто-то из родственников пассажиров увидит во сне, как тонет корабль или разбивается воздушное судно. Но когда корабль или самолет благополучно прибудет на место, кто станет говорить о таком сне, да и кто его вспомнит? А вот если катастрофа действительно произойдет, сон тут же припомнят и будут потом передавать из поколения в поколение, детям и внукам. Землетрясения и наводнения реже фигурируют в снах о катастрофах — по очевидной причине: куда труднее установить конкретный временной промежуток для таких событий. Человек скорее будет испытывать неосознанный страх, опасаясь, что кто-то, кого он любит, может разбиться во время определенного

воздушного рейса, нежели страх, что этот кто-то погибнет при землетрясении, которое случится неизвестно когда. Тем не менее интересно было бы узнать (мы этого, конечно, не знаем), часто ли жителям, например, Калифорнии снятся землетрясения. Пожалуй, ежемесячное количество таких снов у калифорнийцев может составлять несколько тысяч. Иногда землетрясение и в самом деле неизбежно. Когда оно происходит, все, кому в последние несколько дней хоть раз снилось это стихийное бедствие, вспомнят свой сон и испытают непреодолимое желание считать его вещим.

И наконец, не будем забывать, что после всякой крупной катастрофы оживляются люди особого, довольно любопытного склада: они стремятся стать известными, получить признание окружающих любой ценой, а потому лгут, будто видели вещий сон. Если такой человек — профессиональный экстрасенс или же имеет среди друзей репутацию экстрасенса, у него возникнет сильное искушение выдумать себе вещий сон — или же преувеличить детали сна реального. Даже абсолютно честные люди склонны в таких обстоятельствах к подобному преувеличению. А рассказав о вещем сне бог знает в какой раз, вы уже больше не помните его реальных подробностей, особенно если он приснился вам много лет назад. Сон нелегко восстановить в памяти уже через десять минут после пробуждения! Скоро вы уже будете вспоминать не сам сон, а те образы, что возникали в вашем мозгу во время предыдущих рассказов о нем. Доказать то, что вам действительно приснился вещий сон

о катастрофе, можно лишь единственным способом: если подробности сновидения вы записали до катастрофы и датировка записи достоверна (например, если эти подробности еще до катастрофы изложены в письме, опубликованы в прессе, переданы по радио или рассказаны в телевизионном ток-шоу).

Людям чрезвычайно трудно принять тот факт, что *кое-какие* невероятные события на самом деле в высшей степени вероятны, а в иных случаях — абсолютно неизбежны. Если вы покупаете билет Ирландской лотереи*, то вероятность того, что выиграете *именно вы*, крайне низка. Но вероятность того, что *кто-то* выиграет, бесспорна. Если вы проиграете, вам не составит труда понять, почему это случилось. А вот если выиграете, вам нелегко будет преодолеть желание приписать эту удачу чему-то паранормальному. Может быть, Господь внял вашей молитве. Может быть, номер билета заключал в себе некое особое значение — его цифры совпали с чьим-нибудь телефоном, датой рождения, номером дома, почтовым индексом, частью вашего единого номера социального страхования, номер билета мог совпасть с номером, который вам снился, — легко привести десятки таких примеров. Если номер вашего билета всего на одну цифру отличается от выигравшего, вам может показаться, что Рок изо всех сил стремится поддразнить вас. У вас может сложиться впечатление, что вы были

* Крупная система международных лотерей. Была организована в 1930 г. ирландским правительством для сбора средств в пользу больниц страны, но затем приобрела популярность во многих странах, особенно в США.

необычайно близки к победе, хотя на самом-то деле каждый проигравший номер так же к ней "близок", как и ваш.

Там, где совпадение может произойти множеством разных путей, случайное появление впечатляющего совпадения неудивительно. Такое часто бывает при проведении научных экспериментов. Одна из труднейших проблем научного метода — отыскать подходящие способы оценки необычных данных, чтобы понять, лежит ли в их основе некий закон природы или же не более чем обычные, ожидаемые аномалии, причина которых — случайное совпадение.

Иногда то, что считается совпадением, таковым не является. Отличный пример — было давно известно, что линия восточного побережья Северной и Южной Америки, казалось бы, "подходит" к очертаниям западных берегов Европы и Африки. Геологи полагали, что это всего лишь совпадение, пока не накопилось большое количество убедительнейших доказательств того, что некий единый континент *действительно* когда-то раскололся надвое и получившиеся две части затем начали дрейфовать, медленно удаляясь друг от друга. Когда выяснилось, что атомные массы всех химических элементов кратны атомной массе водорода, некоторые химики тоже сочли это совпадением — и ошиблись. Еще пример: гравитационная масса падающего объекта в точности равна его инертной массе, что представлялось не более чем примечательным совпадением, пока не возникла общая теория относительности Эйнштейна.

Подобные случаи (они неисчислимы) уравновешиваются теми случаями, когда ошеломляющее совпадение действительно таковым является. Мой любимый пример: размеры солнечного диска и Луны, какими мы их видим на небе, визуально почти равны, — и сей факт всего лишь совпадение. Более того, Луна совершает полный оборот вокруг Земли почти за тридцать дней, а период вращения Солнца вокруг своей оси — примерно такой же. Диаметр орбиты Земли при ее вращении вокруг Солнца — в среднем около 186 миллионов миль, а скорость света — приблизительно 186 тысяч миль в секунду. Взятые по отдельности, подобные аномалии кажутся чем-то удивительным. Но мы не заметим в них ничего примечательного, если учтем, что научные данные могут случайно коррелировать друг с другом, и в их общей массе могут возникать миллиарды таких корреляций.

Понятно, что ошибочная оценка частоты появления необычных групп данных (тогда как обычные группы данных появляются при этом во множестве) влияет на утверждения парапсихологов. Неоднократно подчеркивалось, какое гигантское количество опытов по ЭСВ оставалось неизвестным общественности, поскольку их результаты оказывались отрицательными. На фоне огромного количества таких испытаний, проводимых по всему миру, вполне можно ожидать, что некоторое их количество покажет необычные корреляции — исключительно благодаря законам случайностей. А когда о большой доле экспериментов не сообщают, необычайно усиливается иллюзия, что за

опубликованными аномалиями кроются явления ЭСВ.

Профессиональные гадалки и прорицатели, особенно если это явные шарлатаны, отлично понимают, как важно делать много предсказаний сразу. Им известно, что промахи быстро забудутся, а вот точные попадания будут широко разрекламированы. Исследования тысяч предсказаний, сделанных Джин Диксон, показывают столь низкую долю попаданий, что я еще удивляюсь, как это никто не предположил, что причина такой неточности — "негативная пси-энергия". Но если перечислить лишь ее успешные пророчества, у вас возникнет четкая иллюзия, что она и вправду может видеть будущее. Той же методикой пользуются экстрасенсы, заявляющие, что они способны раскрывать преступления. Они часами сидят в полицейском управлении, успевая за это время выболтать сотню "впечатлений" о случившемся. А когда среди них оказываются счастливые попадания, наивные полицейские и легковерные газетчики бывают потрясены до глубины души.

Допустим, вам звонит незнакомец, уверяющий, что знает, какая лошадь придет первой на предстоящих скачках. Он называет ее, и она действительно выигрывает. Затем тот же самый человек опять выходит с вами на связь и сообщает, кто победит на новом состязании. И снова оказывается прав. На третий раз он предлагает продать вам имя следующего победителя. Стоит ли соглашаться? Нет — если знать, что происходило на самом деле. В действительности перед самой первой гонкой, в которой

участвовали семь лошадей, неизвестный обзвонил семьдесят человек, случайным образом выбирая фамилии из телефонного справочника. Первым десяти он сообщил, что победит лошадь А, вторым десяти — что выиграет лошадь В, — и т.п. Разумеется, выяснилось, что каким-то десяти абонентам таким образом сообщили имя победительницы. Во второй скачке принимали участие десять лошадей. Мужчина позвонил тем десяти счастливчикам, которые перед предыдущими состязаниями услышали правильное имя. И каждому из десяти он называет по одному имени лошади, ни разу не повторяясь. Естественно, кто-то из них услышит имя лошади, которая потом выиграет. И затем он звонит этому человеку в третий раз — с предложением о покупке прогноза. Не зная этой подоплеки, вы могли бы оценить вероятность попадания для первых двух звонков от незнакомца как один шанс из 70.

Писателей-фантастов тоже частенько хвалят за удивительные предсказания — больше, нежели они того заслуживают. Так, Г.Дж. Уэллс (см. главу 3 этой моей книги) в самом начале своего "Мира освобожденного" описывает, как расщепляют атом. Эта книга — поразительное пророчество о том, что действительно произошло в дальнейшем. Более того, у Уэллса там есть и разразившаяся в середине сороковых годов мировая война, в ходе которой сбрасывают "атомные бомбы". Если рассматривать этот роман в отдельности, можно заключить, что Уэллс обладал паранормальным даром предвидения. Но в своих книгах Уэллс сделал тысячи предсказаний, и большинство из них оказались ошибочными.

К примеру, он считал, что у подлодок нет военного будущего, и даже в пророческом "Мире освобожденном" атомные бомбы сбрасывают руками через отверстие в днище самолета. А учитывая миллионы написанных человечеством историй о будущем, удивительно даже, что удачных попаданий так мало. Многие фантасты делали вполне очевидные прогнозы, без всякого риска для своей репутации предсказывая, что когда-нибудь астронавты пройдутся по Луне. Но, насколько я знаю, лишь немногие догадались, что первую такую прогулку будут в прямом эфире наблюдать на Земле по телевизору.

Что касается необычайных совпадений в повседневной жизни, то они, несомненно, происходят куда чаще, нежели мы замечаем. Если совпадение не бросается в глаза, мы пропускаем его — просто потому, что не ищем. Помню, однажды мы с женой ехали на машине по незнакомому городу. В разговоре мы упомянули чье-то имя, а через один-два квартала остановились у светофора. И я заметил, что название улицы совпадает с фамилией человека, о котором мы только что говорили. Сколько людей дают себе труд примечать названия всех улиц и улочек, по которым и мимо которых они едут в своей машине? Если бы они это делали, постоянно случались бы десятки таких словесных корреляций.

Гилберт Честертон в своем блистательном эссе о совпадениях (сборник "Тревоги и рассуждения") выразил это так:

> Жизнь полна совпадений, слишком мелких, чтобы упоминать их, разве что по особому случаю, а ино-

гда — и замечать: частенько для нас они значат не больше, чем одна снежинка, падающая на другую. Именно они сообщают устрашающую убедительность ложным теориям и дурным поверьям. С их помощью можно доказать что угодно. Скажи я по идиотскому наитию, что истину изрекали только рыжие люди, и после десятиминутного размышления примеры сбегутся ко мне; но я от них отказываюсь. Помню, как мой собеседник убеждал меня, что Бэкон создал пьесы Шекспира, и я предложил ему — наугад, вслепую — интересную теорию о том, что все стихи Йейтса написал лорд Розбери. И как только я произнес эти слова, в голове у меня закружился вихрь совпадений. Так, я указал, что главный труд Йейтса — "Тайная роза", то есть, по сути, "Тихая роза", или "Скромная роза", или же "Primrose". Через секунду я увидел бы намек уже в сочетании слов "rose" (роза) и "bury" (хоронить) в слове "Rosebury" (Розбери). Доводы размножились, и сейчас бы я сидел в сумасшедшем доме, если бы пошел по их следу*.

Благодаря своему интересу к странным и забавным совпадениям (сотни их можно найти в моих "Магических числах доктора Матрикса") я склонен чаще большинства людей замечать их в своей жизни. На своем веку я не встретил ни единой комнаты в отеле или мотеле, чей номер не мог бы легко запомнить благо-

* Начало эссе "Пятьсот пятьдесят пять". Использован и дополнен сокращенный перевод Н.Трауберг. Лорд Розбери, о котором идет речь, — Арчибальд Филип Примроуз, пятый граф Розбери (1847–1929), британский министр иностранных дел, позже – премьер-министр.

даря какого-то рода совпадению: или он оказывался простым числом, или степенью числа, или представлял часть некоего числового ряда (369 — з> 6,9)> или совпадал с первыми знаками после запятой в числе ш, или *е,* или еще в каком-нибудь известном иррациональном числе. В моих архивах нашлась запись о том, что 21 ноября 1979 г°Д[а я] получил счет за воду, где указывалось, что я должен уплатить 21 доллар 21 цент. Понятно, что вероятность невыпадения тройного "21" высока, однако всякого рода осмысленные "цифровые узоры" среди случайных чисел настолько многообразны, что стоит лишь начать их выискивать — и вы станете обнаруживать их повсюду.

15 марта 1977 г°Д[а]> во времена президентства Джимми Картера, "№УУ Уогк Тнпех" опубликовала следующую заметку:

> Джеймс Эрл Картер ~ вот его имя. Он носит синие джинсы; когда-то он выращивал арахис в Джорджии; он посещает баптистскую церковь; и его дочка Эми ходит в общеобразовательную среднюю школу. Но живет он не в Белом доме. Наш мистер Картер — электрик, и его дом располагается сейчас в Кеннере, пригороде Нового Орлеана, штат Луизиана. Ну да, "все норовят подшутить насчет этого, но могу им сказать только, что, насколько знаю, *ему* я не родственник", — заявляет мистер Картер.

[г]Ъ одной из своих колонок в "5аепгШс Атепсап", написанных от лица доктора Матрикса, я мистифицировал читателей, заявив, что внутри модели Великой пирамиды действуют парапсихологиче-

ские силы. Я рассказывал, что якобы попросил своего личного нумеролога выстроить пирамиды возле озера Пирамид в штате Аризона, и замечал, что для президента Никсона, возможно, окажется полезным отправиться туда и посидеть на одном из каменных пирамидальных сооружений близ этого озера. Джеффри Мишлав, верящий в паранормальную синхронность и вообще практически во все явления, происходящие в пси-царстве, упоминает эту колонку в своих "Истоках сознания" — одной из самых сумасбродных книг по паранормальным явлениям из всех, какие когда-либо выходили. Мишлав полагает, что я попался на собственную удочку и что он меня в этом уличил. "В тот самый день, когда статья Гарднера попала к читателю, — пишет он, — газеты по всей стране разместили фотографии президента Никсона, посещающего Великую пирамиду в Египте — визит, устроенный экспромтом, визит, о котором Гарднер, по всей видимости, ничего не знал, когда сочинял свою историйку! Мне кажется, такая синхронность несет в себе следующее послание: даже скептик и шутник является, сам того не ведая, кусочком большого "космического пазла".

Что ж, мы, бедные скептики, редко побеждаем. Удивляюсь еще, что Мишлав ни разу не объявил, что я сам обладаю парапсихологическими способностями, ибо мой доктор Матрикс успешно предсказал миллионный знак числа пт задолго до того, как его вычислила компьютерная программа.

Фокусники и лжеэкстрасенсы умело используют совпадения. Существуют десятки способов

проделать фокус с копированием рисунка, однако иногда экстрасенс может попытать счастья и вовсе не жульничать. Он рисует некий предмет, который, как ему известно по опыту, люди изображают в таких случаях чаще всего (домик, кораблик, кошку и т.п.). Затем он переворачивает листок рисунком вниз и кладет на стол, после чего просит человека нарисовать, что тот пожелает. Рисунки совпадают примерно в одном случае из двадцати, но, уж когда это происходит, партнер по эксперименту навеки убеждается, что данный экстрасенс наделен паранормальными способностями. Не зная фона, состоящего из промахов, мы никак не можем оценить вероятность того, является ли подобное сходство рисунков просто игрой случая.

В войну я служил во флоте и нередко развлекал товарищей по кораблю карточными фокусами. Обычно я начинал так: вынимал из колоды карту, которую часто называют (к примеру, туза или картинку), и передавал ее кому-нибудь с условием, чтобы он не открывал ее, пока вслух не назовет любую карту, какая взбредет ему в голову. Если карта не совпадала с названной, я забирал ее назад, смотрел на нее сам (позволяя остальным видеть лишь ее рубашку), провозглашал: "Ты абсолютно прав!" — и клал ее обратно в колоду. Присутствующие неизменно разражались хохотом, принимая это за шутку. Разумеется, мне требовалось угадывать чаще, чем один раз из пятидесяти двух. Никогда не забуду, как однажды кто-то из матросов сказал: "Валет червей", — и я попросил его медленно перевернуть карту. Это оказался червонный валет. Бед-

няга покраснел как рак. Не сомневаюсь, что он до сих пор рассказывает внукам о невероятном чуде, которое продемонстрировал ему один чудной морячок больше сорока лет назад.

В 1977 году японский математик написал мне о поразительном совпадении, имевшем место в какой-то учебной телепередаче. Видный математик из Университета Кэйо объяснял основы теории вероятности ученикам средних классов. Чтобы проиллюстрировать один из своих тезисов, он попросил ассистента подбросить восемь покерных фишек (каждая из них была с одной стороны красная, а с другой — белая). И все восемь упали одним и тем же цветом вверх! Сами можете вообразить, как, должно быть, изумился профессор. Вероятность такого исхода составляет $(\frac{1}{2})^7$ (одну вторую в седьмой степени), или чуть меньше 0,008. Если бы при этом присутствовал экстрасенс, он бы заявил, что повлиял на фишки путем психокинеза, но, разумеется, подобные маловероятные события и без того обязаны иногда происходить.

Случайные события часто демонстрируют явление, которое математики именуют кластерингом, или кучкованием, или образованием групп. Оно объясняет многие примеры синхронизма, которые Артур Кёстлер так убедительно живописует в своей книге "Совпадение". Если высыпать на стол тысячу бобов, они улягутся кучками, и подобное кучкование часто принимают за некий неслучайный узор — как в науке, так и в повседневной жизни. Вы можете сами продемонстрировать этот эффект, перетасовав колоду карт, а затем развернув ее так, чтобы видно

было, как ваши карты распределились по цветам. И вы удивитесь тому, насколько часто случается так, что рядом оказывается много карт одного цвета. Еще более впечатляющий опыт — получение огромного количества крошечных шариков двух различных цветов. Смешайте их в равных пропорциях и насыпьте в бутыль с прозрачными стенками. Перед вами предстанет картина столь явного кластеринга, что даже некоторые физики, возможно, решат: похоже, шарики одного цвета притягиваются друг к другу!

Обычный кластеринг способен запутать статистику и привести исследователей к совершенно неверным выводам. Допустим, в каком-то городе выявлен резкий всплеск числа онкологических заболеваний. Может быть, действует некий локальный фактор — или же это просто случайно возникший кластер? Астрономы обнаруживают в космосе большой кусок пространства, где нет ни единой звезды, или длинную цепочку галактик. Что это — работа законов природы или всего лишь кластеринг? Иногда трудно сказать наверняка. Я пишу это осенью 1985 года; недавно произошла целая серия авиакатастроф, оказавшаяся необычно длинной. По этому поводу высказываются всевозможные суждения, но, скорее всего, это просто кластеринг.

Парапсихолог сообщает о необычно высоком числе попаданий (или промахов) в ста опытах. Что это — ЭСВ или кластеринг? Нельзя сказать наверняка, пока нам неизвестно, сколько таких экспериментов провели — не только этот парапсихолог, но и его коллеги по всему миру. Если каждый из

тысячи ученых, в разных частях планеты, подбросит по сотне монеток, в некоторых случаях выпадет необычно большое число орлов. Если нам сообщат только об этих опытах и мы ничего не будем знать об остальных, мы не сможем дать корректную оценку тем экспериментам, о которых нам поведали. Разумеется, всё это приложимо и к статистическим исследованиям в прочих областях науки. Возможные ошибки здесь разнообразны и трудноуловимы. Пока эксперимент не воспроизведен — причем успешно и многократно, — его результаты всего лишь не более чем статистическая аномалия. Заявления об открытии новых законов природы требуют необычайно серьезных доказательств.

Обратимся теперь к гибели "Титаника". Хотя во время этой катастрофы погибли "всего лишь" 1522 человека или около того (немного по сравнению с десятками тысяч жертв последнего крупного землетрясения в Китае), сама история о крушении судна содержит множество элементов, сделавших ее необычной и привлекших к ней особое внимание журналистов. "Титаник" строился как непотопляемый корабль. На лайнере-дворце плыли некоторые из богатейших людей мира, заказавшие билеты в это первое плавание чудо-судна. Причиной катастрофы стала целая комбинация безответственных поступков. Капитан игнорировал предупреждения об айсбергах. Скорость судна увеличили, чтобы прибыть в срок. На "Титанике" было слишком мало спасательных шлюпок. Экипаж не отрабатывал действия при несчастных случаях. Дозорным не выдали бинокли. Радист на одном из ближай-

ших кораблей уснул и не принял сигнал бедствия. Еще один корабль не отреагировал с должной быстротой после того, как его команда узнала, что "Титаник" тонет. В случившемся нельзя обвинить исключительно одного человека или группу людей. И острее, чем другие катастрофы того времени, крушение "Титаника" поставило перед человечеством старый как мир вопрос, на который ни один верующий в Бога не может дать ответ: почему Господь допустил столь бессмысленную потерю человеческих жизней?

Более всего поспособствовал распространению идеи о том, что катастрофе "Титаника" предшествовали многочисленные парапсихологические предчувствия, доктор Йен Стивенсон, профессор психиатрии Медицинской школы при Университете Виргинии в городе Шарлоттсвилл. Проблему зла Стивенсон решает с помощью идеи реинкарнации. В оккультных кругах этого доктора знают главным образом благодаря его многочисленным книгам и статьям, где он уже несколько десятков лет пытается доказать, что некоторые люди действительно помнят свои прошлые жизни. В этом смысле закон кармы является законом Вселенной, и происходящие несчастья — лишь часть процесса, посредством которого души совершенствуются, проходя по цепочке жизней — по всей видимости, бесконечной. Впрочем, здесь не место обсуждать реинкарнацию. Мы рассмотрим лишь две из опубликованных статей Стивенсона, посвященных "Титанику".

Первая статья, "Обзор и анализ паранормальных происшествий, связанных с крушением "Тита-

ника", появилась в "Journal of the American Society for Psychical Research" ("Журнал Американского общества парапсихологических исследований"), в октябре 1960 года. Начинается она с отсылок к более ранней статье, опубликованной в том же журнале (в июле 1956 года) и озаглавленной "Предвидение: анализ, часть II" (автор — У.Э. Кокс). (Этого Кокса сейчас знают в основном по его неутомимым попыткам доказать, что Ури Геллер и в самом деле наделен парапсихологическими способностями.) В своей работе 1956 года Кокс сообщает об исследовании двадцати восьми серьезных железнодорожных аварий, произошедших в Соединенных Штатах. Первичные данные, как утверждает Кокс, показывают: в дни аварий на роковых поездах ехало меньше людей, чем обычно. Кокс заключает (его мысль подчеркнет и Стивенсон): по-видимому, перед нами результат действия неосознанных предчувствий, вынудивших пассажиров отложить поездку, даже не понимая, что они экстрасенсорным образом предвидят надвигающуюся катастрофу.

"Значительное количество явно паранормальных случаев имело место в связи с произошедшим в апреле 1912 года трагическим крушением "Титаника", лайнера компании "White Star", — продолжает Стивенсон. — Некоторые из них представляют собой предвидение; другие же, по всей вероятности, служат примером синхронного экстрасенсорного восприятия трагедии". Далее он приводит краткую историю трагедии, а затем — сжатый обзор "самых значительных паранормальных переживаний, свя-

занных с этой катастрофой". В подстрочном примечании автор ясно дает понять: он не убежден в том, что "все случаи, которые здесь будут изложены, включают в себя элементы паранормального познания". По его мнению, некоторые примеры демонстрируют такую паранормальность, другие же — нет.

Первый (и до сей поры лучший) пример предвидения у Стивенсона — повесть Моргана Робертсона "Тщета", опубликованная в 1898 году, за четырнадцать лет до того, как затонул "Титаник". На Стивенсона произвели глубокое впечатление десять параллелей между гибелью вымышленного судна в книжке Робертсона и катастрофой "Титаника". (*Здесь я не стану останавливаться на этих параллелях*: я подробно обсуждаю их в предисловии к "Крушению "Титана"", перепечатанном ниже.) Описанные же у Стивенсона переживания № 2–8 носят скорее анекдотический характер. Давайте вкратце рассмотрим каждое из них.

Пример 2. Мистер Миддлтон отменяет бронирование билета на "Титаник" после того, как получает из Соединенных Штатов телеграмму, советующую ему сделать это по неким причинам, связанным с бизнесом. По словам родных и друзей Миддлтона, перед катастрофой ему дважды снилось, как лайнер тонет. Поскольку в те времена люди частенько опасались, что какой-нибудь корабль, идущий по Северной Атлантике, налетит на айсберг, подобные сновидения наверняка посещали многих. В первом сне Миддлтон видел, как "Титаник" погружается в воду, приподняв заднюю часть над волнами. Как

ошибочно полагает Стивенсон, вначале стала тонуть корма лайнера. Он считает подобные расхождения характерными для большинства вещих снов: во сне событие искажается.

Пример 3. В Нью-Йорке женщина будит мужа в ночь катастрофы "Титаника", чтобы рассказать: ей приснилась ее мать в переполненной спасательной шлюпке. Мать не говорила дочери, что заказала билет на "Титаник". Женщина выжила при крушении. Всё это впечатляет до тех пор, пока мы не узнаём, что вся история почерпнута из книги "Тайна снов" (1949), автор которой, У.О. Стивенс, даже не сообщает читателю имен матери и дочери! Стивенсон вынужден называть женщину, увидевшую этот сон, "приятельницей мистера Стивенса".

Пример 4 немногим убедительнее. Миссис Маршалл смотрит, как мимо ее дома на острове Уайт проплывает "Титаник". Она хватает дочь за руку и заявляет: "Корабль утонет, не доплыв до Америки". Спустя годы выросшая дочь рассказала об этом в своей книге "Воспоминания о давнем" (1956).

Пример 5 — сон миссис Поттер. Вода ей не снится, лишь "что-то вроде железной дороги, поднятой высоко над землей", и с этой железной дороги свешиваются люди в ночных рубашках. Когда позже миссис Поттер увидела картину некоего художника, воссоздававшего крушение "Титаника", она объявила: "Я видела во сне точь-в-точь то же самое". Рассказ взят из ее книги "Шестое чувство" (1939).

Пример 6. Священник методистской церкви чувствует настоятельную необходимость призвать паству спеть гимн "Отец наш небесный, Тебе воссы-

лаем мольбы за всех, кто терпит бедствие в пучине вод". В книге Р. де У. Миллера "Ты это возьмешь с собою" (1955) утверждается, что в тот же самый момент пассажиры "Титаника" в столовой второго класса исполняли этот же гимн — за два часа до того, как судно столкнулось с айсбергом.

Пример 7. Говорят, мистер Хэйс, один из пассажиров "Титаника", перед крушением заявлял, что пришло время большой морской катастрофы. (Это как в наши дни сказать: пришло время большого землетрясения в Калифорнии.) К несчастью, когда корабль ударился об айсберг, провидческие способности покинули мистера Хэйса, поскольку он провозгласил: "Этот корабль невозможно потопить". А чуть позже добавил: "Судно продержится еще восемь часов". Однако не прошло и двух часов, как оно затонуло. Не представляю себе, зачем Стивенсон дал себе труд включить данную историю в свой список.

Пример 8. Экстрасенс по фамилии Тёрви якобы предсказывал: "Исчезнет огромный лайнер". Свое предсказание он изложил в письме к одной даме, которая и сообщила о нем спиритическому журналу "Light" ("Свет") (номер от 29 июня 1912 года).

Примеры 9–12 так или иначе связаны со знаменитым британским журналистом и спиритуалистом У.Т. Стедом.

Вот двенадцать лучших стивенсоновских примеров, и я думаю, что всякий, кто внимательно их рассмотрит, согласится: лишь первый (с повестью Робертсона) можно воспринимать как нечто экстраординарное. Стивенсон добавляет и несколько

других разнообразных случаев, но они еще менее убедительны. Мисс Эванс, утонувшая при крушении, якобы говорит кому-то, что "однажды гадалка предупреждала ее: "опасайся воды". Один из членов команды покидает "Титаник" во время стоянки в Квинстауне. "Поскольку он не оставил нам письменного объяснения мотивов своего поступка, — глубокомысленно замечает Стивенсон, — мы можем лишь предполагать, что здесь вмешалось чувство предвидения грядущей беды — возможно, неосознанное". Майор Батт, военный советник президента Тафта, в письме от 12 февраля просит свою сестру не забывать, где он хранит свои бумаги, — на случай, если "эта посудина пойдет ко дну". Он написал это еще до того, как отплыть в Европу на корабле "Берлин", однако, к несчастью, позже вернулся на "Титаник" и оказался среди погибших. История взята из "Личных писем Арчи Батта", в двух томах (1930).

Стивенсон понимает, насколько шатки доказательства в большинстве из двенадцати случаев. Им "во многом не хватает подробностей, которые желательно узнать", в особенности "свидетельских показаний современников", записавших свои предчувствия еще до того, как корабль утонул. Более того, у Стивенсона проскальзывает и предположение, что даже прогнозы в повестях Робертсона и Стеда можно легко отнести к "разумным умозаключениям" (как он выражается), а не к предчувствиям, что не мешает Стивенсону представлять эти случаи так, словно все они дают важные свидетельства в пользу ЭСВ. Его финальный вывод восхищает осторожно-

стью: "Мы никогда не узнаем этого наверняка, но, быть может, некоторые из этих людей поступили благоразумно (как доказала последовавшая катастрофа), вняв неосознанным предчувствиям, хотя сами они объясняли свое поведение иррациональной убежденностью".

Несмотря на эти оговорки, у Стивенсона не ослабевал интерес к паранормальному восприятию катастрофы "Титаника", и он написал вторую статью: "Еще семь паранормальных случаев, связанных с крушением "Титаника" (тот же журнал, т. 59, июль 1965).

Пример 13. В 1919 году "Journal of the American Society for Psychical Research" опубликовал письмо, полученное редакцией спустя несколько недель после гибели "Титаника". Автор (его имя не называется) утверждает, что ночью 14 апреля видел сон, в котором ему явился покойный отец и сообщил, что некий корабль столкнулся с айсбергом и есть много жертв. "Дополнительных фактов, подтверждающих это, у нас нет, — говорится в комментариях, — однако один из заслуживающих доверия членов нашего Общества хорошо знает автора письма и считает, что его словам можно доверять".

Пример 14. Миссис Сиджвик, рьяный спиритуалист (как и ее муж, знаменитый британский философ Генри Сиджвик), в своей статье 1923 года рассказывает о письме, которое она получила от некой дамы, попросившей заменить реальные имена действующих лиц псевдонимами. В письме (датированном 4 июля 1912 года) говорилось о подруге этой дамы, назовем ее миссис N. Брат этой под-

руги погиб при крушении "Титаника". По-видимому, 19 апреля, через несколько дней после катастрофы, сестре подруги миссис N приснились жена и дочь утонувшего. Они плакали. Утверждается, что в то время эта сестра не знала о том, что ее брат плыл на "Титанике". Поскольку мы не знаем имен участников, а миссис Сиджвик пересказывает нам послание женщины, которая, в свою очередь, сообщает о том, что подруга рассказала ей о сновидении сестры, вся эта история едва ли вообще заслуживает упоминания.

Пример 15. Стивенсон приводит письмо от актера, жившего в Уайт-Клауде, штат Мичиган. Актер вспоминает сон своего приятеля мистера Блэка, в котором тот увидел, как тонет большой корабль и гибнут в воде сотни людей. В тот же день, позже, юный разносчик телеграмм сообщил им о сотнях жертв крушения "Титаника". Стивенсон отмечает, что сообщения от 15 апреля были еще сравнительно оптимистичными и что мальчишка-почтальон не мог знать о "сотнях" погибших. Но, добавляет Стивенсон, у юнца "могло возникнуть некое экстрасенсорное восприятие крушения, а переданные по телеграфу новости стали своего рода ядром и стимулом для выработки сознательного впечатления". Отметьте, как Стивенсон, даже не подвергая сомнению достоверность воспоминаний актера, изо всех сил старается повернуть всю историю так, чтобы объяснить серьезные противоречия, которые в ней имеются.

Пример 16. Будучи в 1962 году в Бразилии, Стивенсон встретился с человеком, рассказавшим ему о своей матери, которой благодаря паранормаль-

ным явлениям открылось зрелище гибели "Титаника". Он слышал эту историю от своего отца. Тот рассказывал, что в ночь катастрофы его жене приснилось, как большой корабль под названием "Титаник" сталкивается с айсбергом. Какие же факты Стивенсон приводит в подтверждение? А вот какие: позже он слышал от сестры своего информанта, что этот рассказ абсолютно точен! И Стивенсона совершенно не смущает тот факт, что во время крушения ей было четыре года.

Пример 17. Одна англичанка пишет Стивенсону о сне, который увидела в четырнадцатилетнем возрасте. Ей приснилось большое судно, тонущее в безводном парке близ ее дома. Спустя несколько дней пришло известие, что утонул ее дядя, работавший судовым механиком на "Титанике". Стивенсон указывает на ряд противоречий. Женщина рассказала, что они узнали о гибели дяди, когда утром 15 апреля увидели фотографию в газете "Daily Mirror". На самом же деле эта фотография появилась 4 мая в иллюстрированном журнале "Sphere". Ни одна из утренних газет, вышедших 15 апреля, не сообщала о случившемся, поскольку новость об этом еще не достигла Англии.

Пример 18. В письме к Стивенсону одна женщина вспоминает предчувствие, которое однажды возникло у нее в одиннадцать лет. Ее мать, миссис Робертс, собиралась отплыть на "Титанике", где ей предстояло работать официанткой. Дочь умоляла мать не ехать, потому что у нее возникло острое чувство: случится несчастье. Но мать всё же поплыла — и оказалась среди выживших. Женщина также рас-

сказала Стивенсону, что позже она вновь пыталась остановить свою мать, когда та собралась отправиться в путь на плавучем госпитале. Но женщина опять не вняла дочерним словам, и корабль утонул, но она спаслась. Стивенсон добавляет, что миссис Робертс значилась в списке членов экипажа "Титаника", однако не сообщает ни о каких попытках хоть как-то подтвердить факт ее спасения с борта тонущего плавучего госпиталя.

Пример 19. В газетном некрологе человеку по имени Колин Макдональд, умершему в 1963 году, отмечено, что он отказался в свое время поступить в группу механиков "Титаника", так как у него возникло предчувствие катастрофы. Стивенсон разыскал его дочь. Да, подтвердила она, у отца было какое-то наитие, он не хотел подниматься на этот корабль.

Все эти добавочные случаи тоже неубедительны, однако Стивенсона, похоже, впечатляет уже тот факт, что вокруг гибели "Титаника" такие истории плодятся обильнее, чем вокруг других катастроф, унесших большее число жизней. Почему? Он полагает, что "внезапное, ничем не подготовленное ожидание смерти создало больший, нежели обычно, накал эмоций... У нас есть свидетельства, полученные в ходе изучения спонтанных случаев и проведения лабораторных экспериментов; они показывают, что сила эмоций — немаловажный фактор... экстрасенсорного восприятия". Стивенсон считает также, что его девятнадцать примеров показывают: "для многих людей сон обеспечивает лучшие условия для экстрасенсорного восприятия, нежели состоя-

ние бодрствования". А все расхождения и противоречия объясняются тем, что "при физическом восприятии многие детали, отражающие действительные события, искажаются или смешиваются с иными деталями, содержащимися в сознании перципиента".

Несмотря на скептические замечания, которые иногда позволяет себе Стивенсон, он уверен: его девятнадцать примеров служат впечатляющим доказательством реальности ЭСВ. Вот как он вкратце излагает свое мнение в статье, посвященной предчувствиям катастроф ("Journal of the American Society for Psychical Research", апрель 1970): "Мне удалось собрать значительное количество свидетельств, подкрепленных дополнительными фактами и демонстрирующих, что эти девятнадцать перципиентов экстрасенсорным образом узнали о крушении "Титаника". В десяти из этих случаев имело место предвидение".

Как я уже говорил, Стивенсон удивлялся, почему в истории зафиксировано гораздо больше случаев ЭСВ, связанных с "Титаником", чем таких же случаев, относящихся к более страшным катастрофам (взять хотя бы гибель "Лузитании"* в 1915 году).

В статье 1970 года он еще раз пытается объяснить это тем, что, в отличие от крушения "Лузита-

* *"Лузитания"* — британский пассажирский лайнер. Торпедирован немецкой субмариной U-20 7 мая 1916 года. Судно затонуло за 18 минут в 13 км от берегов Ирландии. Погибло 1198 человек из 1959, бывших на борту. Потопление "Лузитании" настроило общественное мнение многих стран против Германии и способствовало вступлению США в Первую мировую войну.

нии" и гибели людей в военных сражениях, трагедия "Титаника" стала "совершенно неожиданной... "Полагаю, — пишет он — сама неожиданность гибели"Титаника" могла породить эмоциональный шок, не возникавший при катастрофах не столь внезапных".

В той же статье Стивенсон говорит об исследовании, проведенном английским психиатром Дж.К. Баркером ("Journal of the American Society for Psychical Research", декабрь 1967): тот изучил целых тридцать пять "заслуживающих доверия" рассказов о предвидении трагедии в уэльской деревне Аберфан (в 1966 году оползень из угольного шлака уничтожил там 144 человека). Стивенсон признаёт, что подобного рода свидетельства людей менее достоверны, чем лабораторные эксперименты. "Возможно, самые убедительные доказательства предвидения получены в экспериментах [С.Дж.] Соула", — пишет Стивенсон. Восемь лет спустя он обнаружил, что Соул бесстыдно мошенничал при проведении некоторых опытов, тем самым поставив под сомнение все свои исследования.

Мой собственный скептицизм по отношению к ЭСВ хорошо известен. Предоставляю читателям этой антологии самим решить, являются ли доказательства паранормальных предсказаний катастрофы "Титаника" достаточно вескими, чтобы подтвердить столь необычные утверждения, или же перед нами знакомая мешанина недостоверных историй, где совпадения — такого рода, что они вполне укладываются в рамки обычных законов случайности.

Что же касается атмосферы необычайной таинственности, с годами окружившей гибель "Титаника", то нетрудно понять, отчего она держится так долго. Одной из ее первопричин является та горькая ирония, которую мы ощущаем, сопоставляя титаническую гордыню — твердую уверенность всех причастных к кораблю, что этот плавучий музей сомнительного хлама не может утонуть, — и внезапность, с которой эта уверенность пошатнулась. В отличие от огромного множества иных трагедий, эту легко удалось бы предотвратить, если бы не человеческий фактор — нагромождение промахов и ошибок. Подобно падению Вавилонской башни, катастрофу "Титаника" можно воспринимать как символ гибели великих империй, когда богачи шли на дно точно так же, как и бедняки. А еще — и как символ внезапного рокового исхода, который ждет все человечество, если сочетание людских глупостей спровоцирует ядерную войну.

Хочу поблагодарить моего старого друга Расела Барнхарта за помощь в некоторых изысканиях, понадобившихся для этой книги.

Предисловие к изданию в мягкой обложке

С тех пор как в 1986 году эта книжка вышла впервые, интерес публики к "Титанику" неуклонно рос. Появились новые книги, например "Нескончаемая ночь" Уолтера Лорда, "Его имя — "Титаник" Чарльза Пеллегрино, ""Титаник": иллюстрированная исто-

рия" Дона Линча, "Загадка "Титаника" Робина Гардинера и Дана ван дер Вата, "Наш корабль идет ко дну" Стивена Била и многие, многие другие.

Об этом злосчастном судне написано уже больше сотни книг. В считаные годы после гибели корабля появилось около ста песен об этой трагедии. В 1996 году вышел мини-сериал Си-би-эс, где Джордж К. Скотт* играл роль капитана "Титаника". В апреле 1997 года на Бродвее появился мюзикл "Титаник". Одноименный блокбастер Джеймса Кэмерона (как говорят некоторые, восемнадцатая картина об этом корабле) вышел на экраны в декабре 1997 года. Из старого популярного кинофильма об этой катастрофе, где снялись Барбара Стэнвик и Клифтон Уэбб**, сделали телевизионную версию.

Как всем известно, обломки "Титаника" нашли в 1985 году, и существуют даже планы поднять их на поверхность. Со дна моря уже достали тысячи предметов, оставшихся после катастрофы: не только золотые и серебряные вещи, фарфор, смокинги и ювелирные украшения, но еще и акции, игральные карты и даже любовные письма.

"New York Times" в номере от 8 апреля 1997 года сообщила, что вопреки распространенному мнению, судно затонуло не из-за огромной пробоины в корпусе, а из-за шести узких трещин, возникших в якобы водонепроницаемых переборках. Теперь

* Джордж Скотт (1927–1999) — американский актер театра и кино, режиссер, продюсер.

** Барбара Стэнвик (1907–1990) — американская актриса кино и телевидения. Клифтон Уэбб (1889–1966) — американский актер, танцор, певец.

уже не осталось никаких сомнений (хотя и это расходится с показаниями выживших), что лайнер раскололся надвое, погрузившись (сначала — носовой частью) в ледяное море.

Здесь исправлен ряд незначительных ошибок, допущенных в издании этой книги, вышедшем в твердой обложке. Исправление других ошибок потребовало бы переверстки, так что позвольте мне перечислить их здесь. Ричард Брэнхем написал мне, что фотография "Титаника" у берегов Франции явно подверглась ретуши, так как на ней кормовая труба извергает клубы дыма. На самом деле эта труба была муляжом, ее сделали исключительно для красоты.

Шарль П. Шаффе убедил меня, что "Мэйн Клю Гарнетт" (подпись под одной из историй, перепечатанных в моей книге) наверняка псевдоним. "Клю-гарнет" (шкотовый угол грота-штага) — тали, крепившиеся к шкотовому углу квадратного паруса на старых парусниках и использовавшиеся для того, чтобы полотнище не сворачивалось.

Джули Рем-Норбо обратила мое внимание на забавное совпадение на странице 27, которое я проглядел: повесть Моргана Робертсона впервые опубликовала компания "Мэнсфилд", а человек, переиздавший ее в 1985 году, жил в городе Мэнсфилд, штат Огайо.

Робертсон верил в парапсихологические силы. Элла Уилер-Уилкокс, американский поэт и спиритуалист, во второй автобиографии, "Миры и я", пишет, как ее ошеломила прозорливость Робертсона. Когда "Титаник" утонул, она вместе с мужем

плыла в Англию на корабле "Олимпик". В Англии она узнала о пророческой повести Робертсона. Ей захотелось узнать подробности, она написала автору и получила следующий ответ:

> Что касается моих побуждений, то я и не думал становиться пророком, я просто пытался сочинить хорошую историю. Но, как и в случае с другими моими книгами (да и с книгами иных, более талантливых писателей), грядущие открытия и происшествия оказались предсказанными заранее. Не сомневаюсь, что причина этому — то, что все творческие личности впадают в гипнотическое, телепатическое, ясновидческое и провидческое состояние, в некий полусон наяву, и вступают в контакт не только с сознанием более информированных людей, но и с подсознательным царством неведомых фактов. Как вам известно, некоторые считают, что в этом царстве нет такой вещи, как Время: это ярко подтверждается тем, что сновидение, кажущееся нам таким долгим, может присниться всего за мгновение; все перечисленное отчасти объясняет, почему случаются пророчества.

Уилкокс желала знать, каким образом "мистер Робертсон сумел провидеть почти в точности то самое имя, которым позже нарекли обреченное морское чудовище"? Впрочем, недавно появились новые свидетельства, показывающие, что это совпадение — совсем не такое удивительное.

Эверетт Блейлер в великолепном обзоре "Научная фантастика: ранние годы" ("Kent State University

Press", 1990) сообщает о найденном им забытом романе Уильяма Янга Уинтропа. Об Уинтропе известно только, что он родился в 1852 году и жил в Вудмонте, штат Коннектикут. Его роман "Золушка XX века, или Награда в 20 000 долларов" вышел в 1902 году в "Abbey Press" — нью-йоркском издательстве, выпускавшем книги на средства авторов. Блейлер кратко излагает сюжет, называя книгу "весьма затянутым дилетантским романом", а также "глупой и скучной вещью". Я упоминаю здесь эту книгу лишь потому, что в ней говорится о громадном океанском лайнере под названием "Титаник", построенном английской компанией "White Star" незадолго до 1920 года (в этом году происходит действие фантастического романа Уинтропа).

Но ведь реальный "Титаник" действительно являлся лайнером компании "White Star", хоть и соорудили его лишь спустя десяток лет после публикации книги Уинтропа! Возможно, тут очередное совпадение (те, кто верит в предвидение, наверняка сочтут это еще одним примером паранормального пророчества, пусть даже вымышленный "Титаник" и не утонул). Но разве не логичнее предположить иное? Мне кажется, вполне вероятно, что компания "White Star" уже в 1898 году (когда Робертсон написал свою повесть) во всеуслышание объявила о том, что намерена создать самый большой в мире океанский лайнер и наречь его "Титаником".

Еще более убедительное подтверждение моей гипотезы — цитата из книги Джона П. Итона и Чарльза Хэсса "Титаник": пункт назначения — катастрофа" (1987). Эту выдержку прислала мне

Бренда Брайт. Авторы полностью приводят новостную заметку из "New York Times" от 17 сентября 1892 года. За шесть лет до выхода повести Робертсона газета сообщала:

> Лондон, 16 сент. — Компания "White Star" заключила с крупной судостроительной фирмой "Харланд энд Волф" (Белфаст) подряд на создание трансатлантического парового судна, которое побьет все рекорды по части размеров и скорости.
>
> Корабль уже получил название "Гигантик". Его длина составит 700 футов, ширина — 65 футов 7 дюйма, а мощность — 75 тысяч лошадиных сил. Подсчитано, что он будет развивать среднюю скорость в 22 узла, при максимальной скорости в 27 узлов. Корабль оснастят тремя гребными винтами: два будут расположены так же, как на "Маджестике", а третий — посередине судна. Предполагается, что корабль будет готов выйти в море к марту 1894 года.

Параметры будущего лайнера, приведенные в этом сообщении, весьма близки к тем, которыми Робертсон наделил свой "Титан". Предполагалось, что "Гигантик" будет 700-футовым, с мощностью 75 тысяч лошадиных сил, скоростью 22–27 узлов и тремя винтами. Вымышленный же "Титан" имел в длину 800 футов, развивал мощность 40 тысяч лошадиных сил (во втором издании эту цифру изменили на 75 тысяч), налетел на айсберг, двигаясь со скоростью 25 узлов, и был оснащен тремя винтами.

"Гигантик" так никогда и не построили. Когда Робертсон писал свою повесть, "White Star" уже создала "Океаник" (1871), "Британник" (1874), "Тевтоник" (1889) и "Маджестик" (1889): компания всегда добавляла суффикс "-ик" к названиям своих лайнеров. После того как повесть Робертсона вышла в свет, "White Star" сконструировала второй "Океаник", а также "Келтик", "Седрик", "Балтик", "Адриатик", "Олимпик" и "Титаник".

Кажется, теперь понятно, что произошло. Зная о планах постройки "Гигантика", Робертсон взял этот будущий гигантский лайнер за образец для своего корабля. После того как уже были задействованы такие названия, как "Океаник", "Тевтоник", "Маджестик" и "Гигантик", для громадного лайнера оставалось, пожалуй, лишь одно подходящее имя — "Титаник". Не желая, чтобы его "Титан", который постигла печальная участь, ассоциировали с серией кораблей "White Star", Робертсон отбросил "-ик". А выбор названия "Титаник" (в 1910 году) стал для компании "White Star" почти неизбежным. В компании наверняка знали о "Титане" Робертсона, однако, по всей видимости, не опасались избрать похожее имя, так как твердо заявлялось: "Титаник" абсолютно непотопляем.

Обнаружилась масса старых стихов о "Титанике", их вполне хватило бы на большую антологию. Одно из худших — четыре графоманских строфы Бена Хехта, автора из Чикаго. Уолтер Лорд включил их в свою "Нескончаемую ночь" — продолжение его известной "Достопамятной ночи". Я рискну обрушить на читателя лишь первое четверостишие:

Капитан стоит там, где предрешено,
Ибо моря закон суров.
А хозяин судна хохочет, пока не утонет оно,
И законы попрать готов.

Более удачные стихи, пусть и, увы, с прискорбной расистской строкой во второй строфе, написал — кто бы вы думали? — сэр Артур Конан Дойль. Они с Бернардом Шоу схлестнулись по поводу того, как надо отнестись к гибели "Титаника". Их аргументы в этом споре изложены в письмах, некогда присланных в одну британскую газету и позже перепечатанных в "ACD" — "Journal of Arthur Conan Doyle Society" ("Журнале Общества Артура Конан Дойля") (т. 5, 1994), с примечаниями и комментариями Дуга Элиота. Узнав, что во время крушения судовой оркестр играл регтайм, чтобы подбодрить пассажиров, Конан Дойль решил написать следующее стихотворение (которое он так и назвал — "Регтайм!"):

Регтайм! Регтайм! Не унывай,
Пусть слышат все! Играй, играй!
Вы, дамы в шлюпках, вы, мужчины на корме!
Регтайм над палубой летит, навстречу тьме!

Регтайм! Регтайм! Лучше музыки нет!
Вот "Желтый негритос", а вот "Пижон-брюнет"!
Схватись за фальшборт, если стоишь не так,
Держись как можешь, но танцуй в такт!

Под нами взорвались котлы, там ад, но не молчи, оркестр!
Корабль дал крен, и не осталось в шлюпках мест!

Ничего уже не сделать, ничему не помочь,
Остается регтайм — сквозь ветер и ночь.

Ритм, ритм, ребята! В ноты смотреть!
Плевать на волны, что сулят нам смерть!
Играйте, как играли вы, когда сотни ног
Стучали в пол, танцуя кто как мог,

Там, на палубе, где сияют огни,
В шелке и бархате плясали они,
Нынче ночью другие заботы у них,
Но грохот регтайма им в душу проник.

Кончай регтайм! Гаснет свет! Ходу, ходу!
Палуба из-под ног! Корабль — носом в воду!
Еще гимн надежды, но гибнут руки — гибнут уши —
Молкнет музыка — ну, спаси Господь наши души!

Лорд посвящает оркестру "Титаника" целую главу — "Звуки музыки". Он пишет: "Последние мгновения "Титаника" полны загадок, и самые интригующие касаются судового оркестра. Мы знаем: музыканты играли. Но больше нам почти ничего не известно. Где они играли, что они играли и насколько долго — все это остается лишь предметом домыслов". Известно одно — никто из восьми судовых музыкантов не уцелел.

Я уже отмечал, что компания "White Star" давала своим кораблям названия, оканчивающиеся на "-ик", а вот ее соперница, компания "Кунард", — на "-ия". В одном из писем Ричард Брэнхем предположил, что если бы "Титаник" строила "Кунард", то

корабль получил бы имя "Титания". Кроме того, Брэнхем указывает на многочисленные совпадения, связывающие "Титан" и "Лузитанию". "Титан" утонул в апреле неуказанного года. "Лузитания", подбитая торпедами, пошла ко дну в мае 1915 года. Капитан "Титана" носил по воле автора фамилию Брайс. Старшего механика на "Лузитании" звали Арчи Брайс. Длина и ширина "Лузитании" оказались ближе к параметрам "Титана", чем размеры "Титаника". Брэнхем с затаенной иронией показывает, что Робертсон в своей повести с равным успехом мог предсказывать и гибель "Лузитании", и катастрофу "Титаника".

Один из самых трогательных рассказов о трагедии "Титаника" оставил Элберт Хаббард. Выдержки из него можно найти в биографии "Элберт Хаббард из Ист-Авроры*" (1926), написанной Феликсом Шеем. Свой очерк Хаббард завершает так: "Одно можно сказать наверняка. Есть лишь два способа достойного ухода из жизни. Один — смерть от старости, другой — смерть от несчастного случая. Болезни неприличны. Самоубийство отвратительно. Но скончаться так, как мистер и миссис Исидор Страус, — это великолепно и благородно**. Немногие удостаиваются такой чести. Они любили друг друга и были счастливы. Они не расставались при жизни, и их не разлучила смерть".

7 мая 1915 года Элберт Хаббард и его жена Элис утонули во время катастрофы "Лузитании".

* Ист-Аврора — деревня в округе Эри, штат Нью-Йорк.

** Супруги Страус, пожилая богатая пара, отказались сесть в спасательную шлюпку и погибли вместе с "Титаником".

Часть III
Математика

Глава 9
Дракула готовит мартини

Эта глава открывается классической головоломкой; далее показано, как на ее основе проделать два таинственных карточных фокуса. В наше время существует обширнейшая литература по математическим (или "самосрабатывающим", как их называют фокусники) карточным трюкам. Если хотите побольше узнать о математической магии, хорошим введением в нее может стать моя книга "Математика, магия и мистика", выпущенная издательством "Dover" в мягкой обложке. Нижеследующий текст впервые вышел в "Isaac Azimov's Science Fiction Magazine" (сентябрь 1979).

— Время коктейлей, дорогая, — объявил граф Дракула своей супруге. — Тебе как обычно?

— Да, милый, — подтвердила миссис Дракула.

Граф извлек из бара одну бутылку, содержащую кварту водки, и другую, поменьше, содержащую пинту* "человеческой крови". Влив немного крови в водку, он как следует встряхнул бутылку, а затем перелил в точности такой же объем обратно в емкость с кровью. Таким образом, в большой бутылке снова оказалась кварта жидкости, а в маленькой — пинта.

* В Америке 1 кварта = 0,95 л, 1 пинта (для жидкостей) = 0,47 л, т.е. ½ кварты.

Миссис Дракула сидела спиной к мужу, но, глядя в зеркало на стене гостиной, она видела, что он делает. Граф выполнял стандартную трансильванскую процедуру по приготовлению вампирического мартини.

Допустим, что при смешивании водки с кровью объем компонентов не меняется. Если провести вышеописанную операцию дважды, водки в пинте крови окажется больше, чем крови в кварте водки? или меньше? или их будет поровну?

Возможно, вам уже попадалась такая загадка, и речь в ней шла об одинаковых стаканах с вином и водой. Однако в нашем случае содержимое двух сосудов не столь сходно, к тому же нам не сообщают, какой объем жидкости переливают туда и обратно.

Ответ

Если вы попытаетесь решить эту задачку алгебраически, введя точные количества, то вы, скорее всего, запутаетесь. Между тем существует до смешного простое доказательство того, что количество крови в водке должно оказаться в точности равным количеству водки в крови.

Нам говорят, что в конце всех операций, как и в самом начале, большая бутылка содержала 1 кварту жидкости, а малая — 1 пинту. Рассмотрим большую бутылку. В ней не хватает некоторого количества водки, обозначим его как x. Но поскольку суммарный объем жидкости в ней по-прежнему равен 1 кварте, значит, недостающее количество замещено

равным объемом крови — тем же *x*! Конечно, такое же рассуждение применимо и к маленькой бутылке. Если в ней не хватает количества крови, равного *x*, но суммарный объем по-прежнему составляет 1 пинту, то, следовательно, недостающую кровь замещает количество водки, равное *x*. Вообще-то совершенно не важно, сколько раз произвольные объемы жидкости переливают туда-сюда, главное, чтобы в результате одна бутылка содержала ровно кварту, а другая — ровно пинту. Даже размеры емкостей несущественны. Объем водки в крови просто обязан равняться объему крови в водке!

Сумеете ли вы придумать простенький карточный фокус, основанный на этом забавном принципе?

Выньте из колоды двадцать шесть черных карт и сложите их одной стопкой. Рядом положите, скажем, тринадцать красных. Повернитесь спиной и попросите кого-нибудь вынуть из черной стопки столько карт, сколько ему вздумается, а затем положить их в красную стопку и перетасовать. После этого он должен вынуть такое же количество карт из бывшей красной стопки, поместить их в черную и тоже перемешать.

Вы оборачиваетесь, с важным видом трете виски и объявляете, что благодаря ясновидению открыли: число красных карт среди черных в точности равно количеству черных карт среди красных.

Так будет всегда — по той же причине, что описана в разгадке истории с мартини. Если хотите, можете позволить зрителю объединить две стопки в одну, перетасовать и затем отложить двадцать

шесть карт из нее в одну кучку, а тринадцать — в другую. Результат будет тем же, что и раньше.

А теперь предлагаю вам вернуться к первой части этого рассказа и перечитать ее. Какую вопиющую ошибку я допустил, описывая, как граф Дракула делает коктейли?

В моем описании сказано, что миссис Дракула видела мужа в зеркале. Но, как известно (или должно быть известно) каждому читателю, вампиры в зеркале *не отражаются.*

Постскриптум

Сотни математических карточных фокусов используют, по сути, тот же принцип. Вот хороший пример, можете испробовать его на приятелях.

Перед тем как показать трюк, разделите стандартную колоду из пятидесяти двух карт на две равные части. Переверните одну половину и перемешайте двадцать шесть карт, лежащих рубашкой вниз, с двадцатью шестью, лежащими рубашкой вверх. Приступая к фокусу, продемонстрируйте всем, что получившаяся колода представляет собой смесь карт, обращенных рубашкой вверх и вниз, но не говорите, сколько из них перевернуто. Пусть кто-нибудь перетасует колоду и под столом передаст ее вам. Через несколько мгновений вы достаете карты, держа по полколоды в каждой руке, и объявляете, что в каждой из этих половинок — одно и то же число карт, лежащих рубашкой вниз! Выяснится, что так оно и есть.

Секрет фокуса. Под столом быстро отсчитайте двадцать шесть карт. Переверните любую из двух полуколод, прежде чем выложить все карты на стол. Понимаете, каков здесь механизм? Перед тем как вы перевернули полуколоду, количество карт, лежащих рубашкой вниз в одной полуколоде, равно числу карт, лежащих рубашкой вверх, в другой. Переверните полуколоду — и те карты, что лежали рубашкой вниз, будут лежать рубашкой вверх (и наоборот). В результате в каждой полуколоде окажется равное число карт, повернутых рубашкой в одну сторону.

Глава 10
Ряд Фибоначчи

Классический ряд Фибоначчи начинается так: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21... *Каждый член последовательности (кроме первых двух) — сумма двух предыдущих. Обобщенный случай ряда Фибоначчи — последовательность, в начале которой могут стоять два любых целых числа.*

Числам Фибоначчи посвящено необозримое количество литературы. Существует даже периодическое издание — "Fibonacci Quarterly" ("Ежеквартальник Фибоначчи"). Хорошим введением в эту тему может стать книга Альфреда Позантье и Ингмара Лемана "Феноменальные числа Фибоначчи" (Амхерст, штат Нью-Йорк: "Prometheus", 2007).

Моя статья о некоторых малоизвестных свойствах чисел Фибоначчи вышла в "Journal of Recreational Mathematics" ("Журнале развлекательной математики") (№ 34, 2005–2006, *с.* 183–190).

Ряд Фибоначчи — слыхали? —
1 да 1 — в начале,
потом — 2, 3, 5, 8,
отложите вопросы,
веселье мы вам обещали!
Артур Бенджамин

Прошло почти два десятка лет со времени моего последнего интервью с доктором Матриксом, которое я взял у него на математической конференции в Лис-

сабоне. (Это интервью завершает подборку моих колонок из журнала "Scientific American", составившую книгу "Использование покрытий Пенроуза для разгадки шифров"[1].) С тех пор я совершенно потерял след старого хрыча и его дочери Ивы, наполовину японки. Так что я с огромным удивлением и удовольствием повстречался с ним на конференции по теории чисел, проходившей в Стэнфордском университете. В программе значился его доклад "Некоторые малоизвестные факты о рядах Фибоначчи".

Ивы в Стэнфорде не было — теперь она уже не сопровождала отца в его вояжах, поскольку в 1991 году вышла замуж за одного японского фокусника. Ныне она живет в Токио вместе с мужем и двумя сыновьями-подростками — Ирвингом и Джошуа.

Сам доктор Матрикс заметно постарел. Волосы у него стали снежно-белыми, однако изумрудно-зеленые глаза сохранили всегдашнюю живость и пронзительность, а вышагивал он по-прежнему ровно и уверенно. Он передал мне текст своей лекции. Из нее, а также из наших дальнейших бесед я почерпнул необыкновенные сведения.

Пусть A, B, C, D — четыре любых последовательных члена обобщенного ряда Фибоначчи. Тогда произведение A и D даст одно число из пифагоровой тройки*, а удвоенное произведение B и C — другое число из той же тройки! Рассмотрим, к примеру, четыре первых члена простейшего ряда Фибо-

* Т.е. тройки целых чисел x, y, z, удовлетворяющих соотношению $x^2 + y^2 = z^2$.

наччи — 1, 1, 2, 3. Подстановка этих чисел в наши формулы даст знакомые длины сторон прямоугольного пифагорова треугольника — 3, 4, 5. С помощью такой процедуры можно, разумеется, создать бесконечное количество пифагоровых троек, хотя, к сожалению, *не все* такие триады.

Вот уравнение для четырех последовательных элементов ряда Фибоначчи:

$$(A \times D)^2 + (2 \times B \times C)^2 = (B^2 + C^2)^2$$

Это равенство легко доказать. Доктор Матрикс не дал ссылки на эту диковинку, однако я связался с редактором "Fibonacci Quarterly" и установил, что ее некогда опубликовал А. Хорадам в "American Mathematical Monthly"[2].

В ходе своего выступления доктор Матрикс продемонстрировал на экране старый парадокс с изменением площади (рис. 1). Перед нами квадрат площадью 64 "квадратные единицы". Если переложить четыре его части так, чтобы те составили прямоугольник, площадь неожиданно вырастет до 65 единиц! А если куски вновь переложить, как показано на рис. 2, общая площадь съежится до 63!

Отметьте, что длины в этом классическом парадоксе — 3, 5, 8 и 13, а это четыре члена ряда Фибоначчи. У этой последовательности есть известное свойство: если возвести в квадрат ее элемент, имеющий номер n, полученная величина будет равна произведению предшествующего и последующего члена ряда ± 1 (т.е. членов с номерами n−1 и n+1).

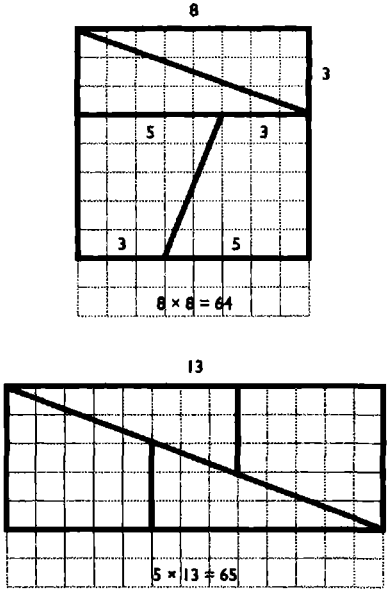


Рис. 1

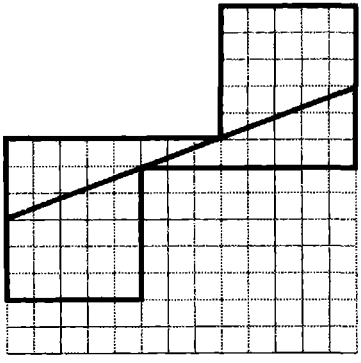


Рис. 2. Площадь = 63 кв. ед.

В данном случае сторона квадрата — 8, площадь — 64. В ряду Фибоначчи 8 находится между 5 и 13. Следовательно, 5 и 13 автоматически становятся сторонами прямоугольника, площадь которого должна составлять 65: отсюда выигрыш в одну квадратную единицу.

Благодаря этому свойству нашего ряда мы можем построить квадрат со стороной, длина которой представляет любое число из этого ряда (больше 1), а затем разрезать фигуру в соотношении, определяемом двумя предшествующими членами ряда. Так, выбрав квадрат со стороной 13, можно разделить три из его сторон на сегменты с длинами 5 и 8, а затем провести линии разреза, как показано на рис. 3. Площадь этого квадрата — 169. Из его фрагментов можно сложить прямоугольник с длинами сторон 21 и 8, а площадь этого прямоугольника будет равна 168. Из-за своего рода "перекрывания", происходящего вдоль диагонали прямоугольника, здесь мы теряем, а не приобретаем одну квадратную единицу.

Потеря одной квадратной единицы происходит, если взять квадрат со стороной 5. И это подводит нас к забавному правилу. Каждый второй элемент ряда Фибоначчи, если принять его за длину стороны квадрата, создает "дополнительную площадь" вдоль диагонали прямоугольника и зримую *прибавку* одной квадратной единицы. Все остальные элементы ряда (если их также брать через один) дают *перекрывание* частей прямоугольника и *потерю* одной квадратной единицы. Чем дальше по ряду мы продвигаемся, тем менее заметна пло-

щадь такого перекрывания. И соответственно, чем ниже номера членов ряда, тем перекрывание виднее. Можно даже построить своего рода парадокс с квадратом, имеющим сторону всего в две единицы, но в таком случае полученный из него прямоугольник 3 на 1 потребует столь явного перекрывания, что пропадет весь эффект от парадокса.

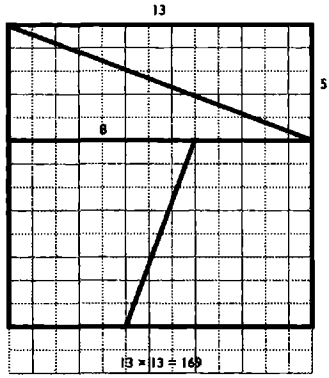


Рис. 3

По всей видимости, первую попытку обобщить этот парадокс квадрата и прямоугольника с помощью упомянутого ряда Фибоначчи предпринял В. Шлегель (см. его статью в "Zeitschrift für Mathematik und Physik"[3]). Э.Б. Эскотт опубликовал похожий анализ в "Open Court"[4], описав несколько иной метод разрезания квадрата. Льюис Кэрролл интересовался этим парадоксом и оставил ряд незавершенных заметок, где он приводит формулы для расчета других сторон фрагментов[5].

Бесконечное количество других вариантов получим, если положим в основу этого парадокса другие

ряды Фибоначчи. Так, квадраты, построенные на основе ряда 2, 4, 6, 10, 16, 26..., дают прибавку или потерю в 4 квадратные единицы. Величину этой прибавки-потери легко можно вычислить: это разность между квадратом любого элемента последовательности и произведением соседних с ним элементов. Ряд 3, 4, 7, 11, 18... дает прибавку или потерю в 5 квадратных единиц. Т. де Молидар[6] в своей "Grande Encyclopédie des Jeux"* изображает квадрат, основанный на ряде 1, 4, 5, 9, 14... Длина стороны квадрата равна 9, а при превращении в прямоугольник он теряет 11 квадратных единиц. Ряд 2, 5, 7, 12, 19... также дает потери и прибавки, равные 11. Однако в обоих случаях перекрывание ("добавочная площадь") вдоль диагонали прямоугольника достаточно велико, и его можно заметить.

Пусть A, B и C — три последовательных члена какого-нибудь ряда Фибоначчи, а X — потеря или прибавка площади. Тогда получим две следующие формулы:

$$A + B = C$$
$$B^2 = AC \pm X$$

Можно заменить X любой потерей или прибавкой, которую мы хотим получить, а вместо B подставить любую длину квадрата, которая нам нравится. Затем можно составить квадратные уравнения, а решив их, узнать два других элемента нашего ряда Фибоначчи, хотя, конечно, это не обязательно будут рациональные числа. Поэтому, к примеру,

* "Большая энциклопедия игр" *(фр.)*.

невозможно получить потери или прибавки в 2 или 3 квадратные единицы, деля квадрат на куски с рациональными длинами. Но если длины составят иррациональные числа, то, конечно, результата достичь удастся. Таким образом, ряд Фибоначчи $\sqrt{2}$, $2\sqrt{2}$, $3\sqrt{2}$, $5\sqrt{2}$... даст прибавку или потерю, равную 2, а ряд $\sqrt{3}$, $2\sqrt{3}$, $3\sqrt{3}$, $5\sqrt{3}$... даст прибавку или потерю в 3 квадратные единицы.

Доктор Матрикс великодушно сослался в своей лекции на главы 8 и 9 моей книги, вышедшей в мягкой обложке и называющейся "Математика, магия и мистика" (издательство "Dover")[7]. Эти главы посвящены всевозможным удивительным геометрическим исчезновениям, в том числе таинственной пропаже лиц и людей! Там описано, в частности, блистательное открытие мага-любителя Пола Карри: путем простой перестановки кусков некой фигуры получается фигура, казалось бы, той же площади, но с большой дырой внутри!

Доктор завершил свой доклад кратким рассказом о числах *трибоначчи*. Ряд трибоначчи получают, всякий раз суммируя *три* предыдущих члена: 1, 1, 2, 4, 7, 13, 24, 44, 81... В обобщенной последовательности Фибоначчи отношение соседних членов A и B (т.е. результат деления A на B) стремится к 0,618... — величине, обратной прославленному "золотому сечению". В последовательности трибоначчи такое отношение стремится к 0,543... Числа *тетраначчи* получают путем суммирования четырех предшествующих элементов ряда. Разумеется, можно обобщить этот случай, приняв за n количество суммируемых элементов. Тогда при стремлении n к бес-

конечности отношение соседних членов будет по мере увеличения их номеров стремиться к 0,5.

Как я позже узнал от Дональда Кнута, известного ученого-компьютерщика из Стэнфордского университета, подобные ряды впервые были предложены Нараяной Пандитой в 1356 году, в главе 13 его замечательной работы, написанной на санскрите и озаглавленной "Ганита каумуди" ("Услады лотосовых вычислений")[8]. Кнут обсуждает ее и дает ссылки на другие работы в четвертом томе своего классического труда "Искусство компьютерного программирования"[9]. Позже эту последовательность заново открыл четырнадцатилетний Марк Фейнберг. Он написал об этом в "Fibonacci Quarterly"[10]. В 1967 году Марк, уже второкурсник Пенсильванского университета, разбился на мотоцикле.

Доктор Матрикс, когда мы обедали с ним и с Дональдом Кнутом, сообщил нам еще об одной неправдоподобной диковинке, не связанной с числами Фибоначчи. Расположите десять цифр в *алфавитном* порядке, и они образуют случайное и весьма скучное с виду число 8 549 176 320. Разделите его на 5. Получится 1 709 835 264 — еще одно десятизначное число, где представлены все десять цифр! Разделите и его на 5. Получится 341 967 052,8 — третье число, где каждая из десяти цифр встречается по одному разу*!

* Разумеется, автор имеет в виду алфавит английского языка. Цифры выстраиваются по алфавиту согласно своим названиям: eight, five, four, nine, one, seven, six, three, two, zero. (Можно попробовать составить такое же число, руководствуясь более привычными нам названиями цифр: восемь, два, девять, ноль, один, пять, семь, три, четыре, шесть — 8 290 157 346. Но при делении его на 5 описанный эффект не наблюдается.)

Теперь разделим это число на 4. Окажется, что вы снова вернулись к самому первому — "алфавитному" — числу, только в нем теперь появилась десятичная запятая. Понимаете, отчего это произошло? Дважды разделив на 5 и один раз на 4, вы тем самым разделили первое число на 100*.

Я послал эту диковинку, обнаруженную доктором Матриксом, своему другу Оуэну О'Ши, который родом из ирландского города Cobh (произносится "Коув"). Он — автор недавно вышедших "Магических чисел Профессора"[11]. В ответ Оуэн написал мне о множестве других удивительных свойств этого якобы "неинтересного" алфавитного числа. Например, оно раскладывается по степеням простых чисел как произведение 210, 33, 5 и 61843. Это означает, что 8 549 176 320 без остатка делится на все числа от 1 до 9, исключая 7. Множитель 61 843 (тоже простое число) возникает довольно неожиданно.

О'Ши двумя способами делит число 8 549 176 320 по разрядам, получив следующее уравнение:

$$854 + 917 + 632 + 0 = 8 \cdot 5 \cdot 49 + (1 \cdot 7 \cdot 63) + 2 + 0$$

Каждая часть равна 2403.

* Если обнаружите другие странные свойства числа 8 549 176 320, напишите мне о них через издательство «Hill and Wang». Вот еще одна особенность, на которую я набрел. Разделите наше алфавитное число на 2718 (первые цифры числа e), и вы получите число, начинающееся с 314 – первых цифр числа π! Я обнаружил также, что если 123 456 789 пять раз подряд разделить на 5, то каждый из полученных пяти результатов будет содержать все девять цифр с 1 до 9 включительно, а два результата будут содержать также и 0. *(Прим. автора).*

Затем О'Ши составил число, воспользовавшись обратным алфавитным порядком, и получил 0 236 719 458. Представив разряды этого числа в виде слагаемых: 0 + 2367 + 19 + 4 + 5 + 8, — он снова пришел к сумме 2403.

Два американских математика, Джеймс Смоук и Томас Дж. Ослер, в своей книге "Волшебный трюк Фибоначчи"[12] сообщают еще об одном удивительном фокусе. Возьмем дробь 100/89. В десятичном виде она равна 1,123 595 505 61... Первые пять цифр в ней — это первые пять чисел Фибоначчи*.

Добавьте два нуля в числитель и по девятке в начало и конец знаменателя, и у вас получится дробь 10000/9899, то есть

1,01020305081321345590463 68...

Заметьте: первая единица, а затем девять следующих *пар* цифр представляют собой десять первых чисел в ряду Фибоначчи!

Авторы приводят доказательство, что если такую процедуру повторять бесконечно, то можно получить *все* числа Фибоначчи из этого ряда! Каждый следующий шаг увеличивает количество получаемых чисел Фибоначчи на пять. Таким образом, если представить дробь 1000000/998999 в десятичном виде и объединить составляющие ее цифры в триады, мы увидим, что перед нами первые *пятнадцать* чисел Фибоначчи; следующий шаг даст

* Здесь и далее автор "по умолчанию" рассматривает простейший ряд Фибоначчи — 1, 1, 2, 3, 5, 8...

нам первые двадцать пять элементов ряда, и так до бесконечности!

Этот забавный случай рассмотрен в упражнении G43 "Конкретной математики" Грэхема, Кнута и Паташника[13], заметивших, что данное явление впервые обнаружили Брук и Уолл (дается ссылка на их статью в "Fibonacci Quarterly")[14]. Кнут сообщил мне, что похожие дроби, такие как 1000000/989899 и 1000000000/898998999, сходным образом порождают числа трибоначчи!

Полагаю, мало кто из математиков догадывается, что ряд Фибоначчи может служить основой для арифметической записи. Каждое целое положительное число можно уникальным способом выразить как сумму некоторого набора чисел Фибоначчи, не следующих одно за другим. Знаете ли вы, что двенадцатое число Фибоначчи — квадрат двенадцати, 144? Это единственное число Фибоначчи, являющееся полным квадратом, если не считать 1. А "кубы Фибоначчи" — только 1 и 8. Другие забавные подробности см. в главе 13 моего "Математического цирка"[15].

А существует ли простой способ проверить, принадлежит ли какое-нибудь число к ряду Фибоначчи? Да, такой способ есть. Целое положительное число n является числом Фибоначчи, если (и *только если*) 5n2 + 4 или 5n2 — 4 представляет собой полный квадрат! Можете развлечься, проверяя какие-нибудь целые положительные числа на калькуляторе. 666 — число Фибоначчи? Нет! А 123? А 987?

И наконец — странное уравнение, объединяющее ряд Фибоначчи с последовательностью фак-

ториалов и дающее в пределе значение числа e. Подобно ϖ, это трансцендентное число так и норовит появиться в самых неожиданных местах. Загадочную дробь мне прислал О'Ши, добавив, что нашел ее в Интернете.

$$e = \frac{1+1+\frac{2}{2!}+\frac{3}{3!}+\frac{5}{4!}+\frac{8}{5!}+\frac{13}{6!}+\frac{21}{7!}+\frac{34}{8!}+\frac{55}{9!}+\ldots}{1+0+\frac{1}{2!}+\frac{1}{3!}+\frac{2}{4!}+\frac{3}{5!}+\frac{5}{6!}+\frac{8}{7!}+\frac{13}{8!}+\frac{21}{9!}+\ldots}$$

Глава 11
Покрытие "изуродованных" шахматных досок с помощью L-тримино

Среди современных математиков приобрела большую популярность так называемая теория покрытий. Нижеследующий текст первоначально был опубликован в "College Mathematical Journal" (май 2009).

Введение

Пусть стандартную шахматную доску "изуродовали", удалив два крайних угловых поля, расположенных по диагонали друг напротив друга. Можно ли оставшиеся 62 квадрата покрыть с помощью 31 прямоугольной костяшки домино? Ответ — нет, потому что убранные квадраты — *одного* цвета. Допустим, их цвет — белый. Тогда среди оставшихся 62 полей окажутся два "лишних" черных квадрата. Между тем каждая костяшка домино покрывает одну черную и одну белую клетку. После того как мы поместим на доску 30 костяшек, две черные клетки останутся свободными. Они не могут примыкать друг к другу (иметь общую сторону), а следовательно, их невозможно покрыть при помощи

костяшек домино. Эта широко известная задача, которая решается элементарной проверкой равенства, являет собой простой пример задачи покрытия изуродованной шахматной доски.

Менее известна связанная с ней другая задача. Предположим, доску изуродовали, удалив две клетки *разного* цвета из любых мест доски. Всегда ли можно будет покрыть при помощи костяшек домино оставшиеся 62 клетки? Ответ — да, и существует прелестное доказательство, полученное Ральфом Гомори[1].

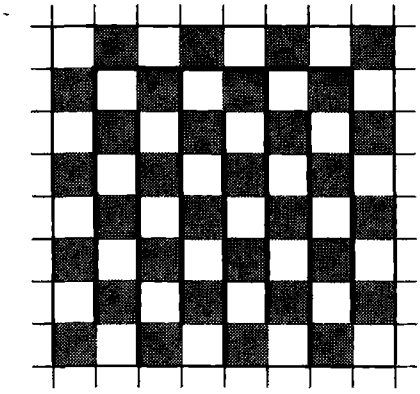


Рис. 1. Доказательство Гомори

Проведем по доске жирные линии, как показано на рис. 1. Получим замкнутую дорожку, вдоль которой клетки лежат, словно камешки чередующегося цвета в ожерелье. Если с этой дорожки убрать две любые клетки противоположного цвета, получится два незамкнутых сегмента — или один, если удаленные клетки находились рядом (имели общую сторону).

В каждом сегменте будет поровну черных и белых клеток, а следовательно, его можно будет покрыть с помощью костяшек домино. Остроумное доказательство Гомори легко обобщить, применив его ко всем квадратным доскам с четным числом полей.

Если вместо пластинок домино покрывать доску с помощью L-тримино (называемых также косыми, или V-тримино, или угловыми тримино), тогда все квадратные доски, у которых число клеток без остатка делится на 3, можно будет покрыть такими фигурами (кроме доски 3×3). Среди них мы не будем рассматривать "неповрежденные", а возьмем лишь такие изуродованные доски, где число клеток кратно 3 *после того*, как из произвольного места доски удалили одну клетку. Будем называть такие доски *дефицитными*. Иными словами, доска со стороной n является дефицитной, если n^2-1 кратно 3; т.е. само n *не* кратно 3. Длины сторон таких досок образуют ряд (1):

2, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 13, 14... (1)

Каждое из этих чисел будем называть *порядком* доски. И еще: здесь и далее слово "тримино" будет означать исключительно L-тримино.

Основной вопрос: какие дефицитные доски (полученные после того, как из произвольного места обычной доски убрано одно поле) со сторонами из ряда (1) можно покрыть (без разрывов и наложений) с помощью L-тримино? Мы будем рассматривать эти доски, грубо говоря, по возрастанию их порядка, кульминацией же станет полное и универсальное решение задачи.

Степени двойки

Рассмотрим доску второго порядка. Ее можно покрыть, какую бы клетку мы ни удалили (см. рис. 2, слева). На рис. 2, справа, показано, как можно покрыть доску 4-го порядка. Вырезанная клетка неизбежно оказывается в квадрате 2×2, в каком-то из его четырех углов. Остальная часть доски покрывается благодаря приему, который Соломон Голомб окрестил rep-tile ("рептилия"): элемент покрытия (tile) как бы воспроизводит увеличенную копию (replica) самого себя. Левый верхний квадрат 2×2 можно поворачивать, чтобы недостающая клетка оказывалась в четырех разных местах, и весь квадрат 4-го порядка можно при этом поворачивать так, чтобы эта клетка попадала на любое из его шестнадцати полей.

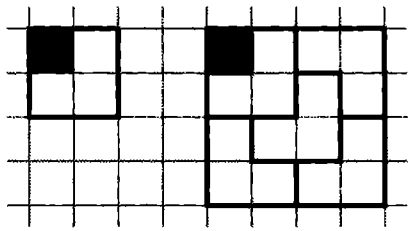


Рис. 2. Порядки 2 и 4

А 1953 году Голомб, "отец" полимино (он придумал для них название и первым начал изучать их), вывел индуктивное доказательство, продемонстрировав, что все доски со сторонами, отвечающими прогрессии 2, 4, 8, 16...) можно покрыть с помощью тримино, когда отсутствует произвольная клетка доски. Впервые доказательство было опублико-

вано в 1938 году[2]. Позже его повторил Э.Б. Эскотт (см. статью в журнале "Open Court"[3]). С тех пор математики включают это доказательство в свои книги, часто без ссылки на Голомба. Роджер Нельсен приводит Голомбово доказательство в виде единственной диаграммы, без всяких словесных пояснений[4].

Знаменитое доказательство Голомба начинается с рассмотрения квадрата 2×2 (рис. 3, слева). Этот квадрат затем помещается в угол квадрата 4-го порядка (рис. 3, в центре). А уже этот квадрат 4×4 располагается в углу квадрата 8-го порядка (рис. 3, справа), после чего рядом с углом зачерненного квадрата 4-го порядка укладывают одно тримино. Мы уже знаем, что зачерненный квадрат можно покрыть при отсутствии в нем любой клетки, и мы знаем, что три незачерненных области (примыкающих к нашему одиночному тримино) можно покрыть с помощью тримино, так как в каждой из них отсутствует одна клетка (угловая). Поворачивая доску*, можно добиться того, чтобы любая клетка в зачерненном квадрате приходилась на любое место доски 8-го порядка.

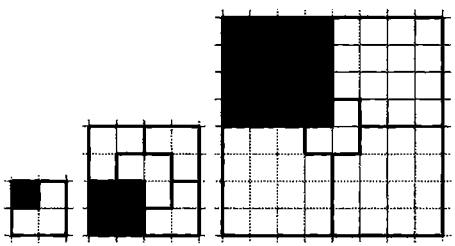


Рис. 3. Голомбово индуктивное доказательство

* При этом недостающая клетка может находиться в любом месте квадрата 4-го порядка (аналогично рассмотренному выше случаю с досками 2 и 4-го порядка).

Порядки 5 и 7

Далее нас ждет доска 5-го порядка, поскольку 5 — следующее число в последовательности (1), для которого мы пока не вывели доказательства. Если убрать центральную клетку, полученную фигуру можно покрыть очень аккуратно и симметрично (как показано на рис. 4, слева). Я покрыл эту доску четырьмя элементами 2×3. Каждый из них можно в свою очередь двумя различными способами покрыть двумя тримино. Покрытия 2×3 — очень полезный инструмент при решении задач с тримино.

Когда недостающая клетка расположена, как показано черным на рис. 4 (средний квадрат), клетку над ней, как нетрудно убедиться, приходится покрывать с помощью тримино, примыкающего слева или справа. В любом случае у нас появятся две свободное клетки (они обозначены как 1 и 2), которые нельзя покрыть тримино. И в самом деле, квадрат 5-го порядка можно покрыть тримино, только если недостающая клетка находится в одной из позиций, обозначенных черным на рис. 4, справа. Вот вам приятное упражнение: посмотрите, удастся ли вам покрыть доску, если вырезанная клетка находится в углу.

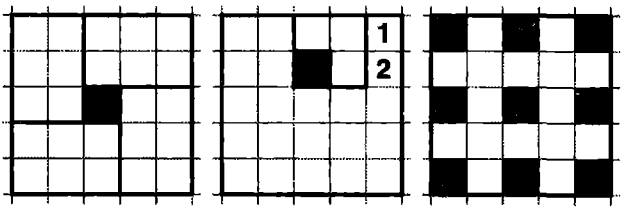


Рис. 4. Квадрат 5-го порядка

Доску 7-го порядка анализировать гораздо труднее. Я не сумел придумать одиночную диаграмму, которая доказывала бы, что такую доску можно покрыть тримино, однако Голомб прислал мне свое неопубликованное доказательство, где он использует три диаграммы.

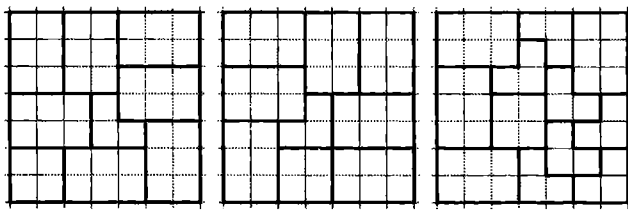


Рис. 5. Квадрат 7-го порядка можно покрыть тримино (доказательство Голомба)

Его доказательство развивается так. На рис. 5 показаны три способа покрытия доски 7-го порядка. Очевидно, что при каждом таком покрытии квадрат 2×2 можно покрыть с помощью тримино, если недостающая клетка находится в любом из его четырех углов. Поворачивая эти три фигуры, можно добиться того, чтобы недостающая клетка приходилась на любое место доски.

Несколько труднее придумать, как покрыть доски с помощью максимального количества элементов 2×3. Вот вам задачка: сможете ли вы покрыть доску 7×7 с помощью шести элементов 2×3 и четырех тримино (рис. 6)? Решение — единственное (если не считать его зеркального отражения). (Это решение приводится на с. 204).

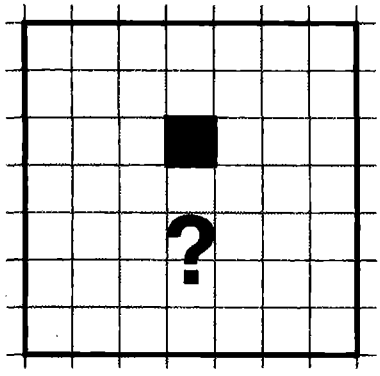


Рис. 6. Задача

Посмотрев на рис. 5, можно отметить, что для каждого приведенного разбиения количество свободных тримино (не входящих в элементы 2×3) оказывается четным. И это не совпадение. Мне удалось вывести следующий тривиальный закончик. Когда порядок доски — четный, количество свободных тримино при покрытии — нечетное, и наоборот: когда порядок доски — нечетный, число свободных тримино должно быть четным.

Доказать эти равенства просто. Если доска имеет четный порядок, то после удаления одной клетки количество тримино при любом способе покрытия составит величину, равную (n2–1)/3, т.е нечетное число. В каждом элементе 2×3 содержится два тримино, а значит, общее количество тримино, входящих в состав элементов 2×3, неминуемо окажется четным. Если вычесть это четное число из общего числа тримино (а оно — нечетное), мы получим нечетное число тримино, не входящих ни в один элемент 2×3.

Пусть доска имеет нечетный порядок. После удаления одной клетки на доске останется четное число клеток. "Вычтем" из него четное число тримино, входящих в элементы 2×3, и получим четное число тримино, в такие элементы не входящих.

Выше 7-го порядка

Индуктивное доказательство Голомба применимо к бесконечному числу рядов, чьи элементы удваиваются. В частности, после того как мы успешно покрыли доску 7×7, можно понять, как покрываются доски размером n×n, где $n = 2k \cdot 7$. К примеру, возьмем доску 14-го порядка. Разобьем ее на области, расположив зачерненную доску 7-го порядка в левом верхнем углу и положив одно тримино у нижнего правого угла этой зачерненной доски, подобно тому, как мы проделывали раньше (см. рис. 3, справа). Поскольку доску 7-го порядка можно покрыть, из этого с очевидностью вытекает доказательство для доски 14-го порядка, а далее, по индукции, доказательства для порядков 28, 56, 112...

Подобное доказательство нельзя вывести для доски 10-го порядка, расположив в ее углу квадрат 5-го порядка, поскольку его не всегда удается покрыть (см. рис. 4). Однако с этой сложностью легко справиться, применив несколько иной подход. Разместим в левом верхнем углу квадрат 8-го порядка — его, как нам известно, можно покрыть. Остается угловая область, имеющая ширину 2 и

занимающая низ и правую часть большого квадрата (см. рис. 7). Путем поворотов и отражений любую недостающую клетку в квадрате 8-го порядка удается расположить в любом месте этой доски. Таким же образом получаем доказательство для порядков 20, 40, 80 и т.д. Сходное доказательство существует для доски 11-го порядка: квадрат 7-го порядка располагаем в ее углу, и тогда угловая область, занимающая нижнюю и боковую часть большого квадрата, будет иметь ширину 4. Индукция позволяет вывести доказательства и для порядков 22, 44, 88... Понятно, что эта методика дает нам бесконечное количество покрываемых досок, длина сторон которых удваивается (это своего рода удваивающийся ряд). Просто располагайте в левом верхнем углу любой доски заведомо покрываемый квадрат со стороной, которая меньше стороны исходной доски либо равна ей. Если оставшуюся снизу и сбоку область большой доски вам удастся покрыть — значит, и большая доска покрываема.

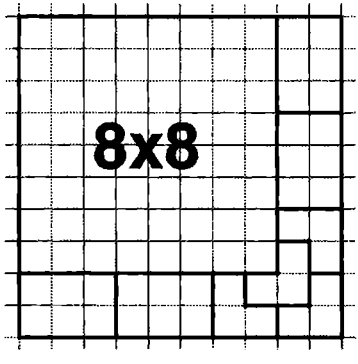


Рис. 7. Доску 19-го порядка можно покрыть.

Обычно труднее всего покрыть доски, у которых длина сторон — простое число. Проблему доски 17-го порядка удается решить, поместив в ее угол квадрат со стороной 13 и оставив внизу и сбоку область шириной 4. Проблему доски 19-го порядка — поместив в ее угол квадрат 14-го порядка (доказательство его покрываемости основано, в свою очередь, на таком же свойстве квадрата 7-го порядка) и получив угловую область шириной 5 (см. рис. 8).

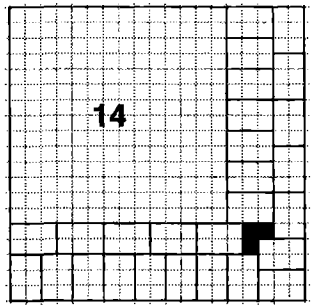


Рис. 8. Доску 19-го порядка можно покрыть.

Полный и универсальный результат

Занимаясь разбиением этих фигур, я подобрался (но пока недостаточно близко) к тому, чтобы вывести индуктивное доказательство того, что все дефицитные квадраты покрываемы, за исключением квадрата 5-го порядка. Это доказательство в конце концов получили И. Пинг Чу и Ричард Джонсонбау[5].

Чу и Джонсонбау позаботились не только обо всех дефицитных квадратах, но и обо всех дефи-

цитных прямоугольниках! Их индуктивное доказательство — слишком специальное, чтобы его здесь приводить. Коротко говоря, они продемонстрировали покрываемость для всех прямоугольников $m \times n$ (включая и квадраты — случай, когда $m=n$) с числом клеток, кратным 3 после удаления одного поля. Подобные доски покрываемы, если выполняются все четыре необходимых и достаточных условия:

1) $m \geqslant 2$,
2) $n \geqslant m$,
3) если $m=2$, n должно тоже равняться 2,
4) $m \neq 5$.

Прямоугольник 4×7 — самый маленький дефицитный прямоугольник (не квадрат), который можно покрыть с помощью L-тримино. Вот еще одно упражнение: много ли у вас уйдет времени на то, чтобы покрыть такую фигуру с помощью тримино и двух элементов 2×3, если недостающая клетка у этой фигуры располагается в углу?

Кристофер Йенсен показал в своей неопубликованной статье, что если в углу любой доски убрать *две* клетки, как показано на рис. 9, получившуюся доску нельзя будет покрыть с помощью тримино. Однако, если *исключить* приведенные пять случаев, доску с длинами сторон $3m-1$ и $3n+1$ и с любыми двумя недостающими клетками окажется возможным покрыть при следующем необходимом и достаточном условии: либо если $n=1$, либо если $m \geqslant 3$ и $n \geqslant 3$.

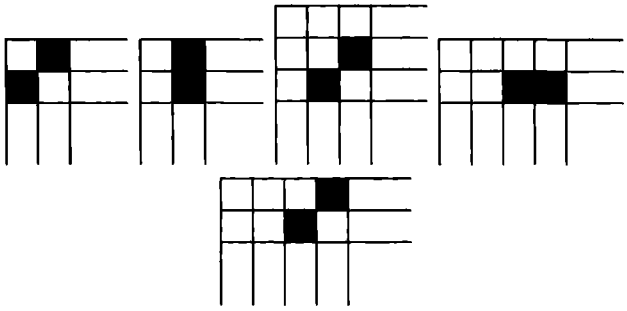


Рис. 9. Невозможность покрытия при отсутствии *двух* клеток в углу

Заключение

Кейт Джонс, основавшая и возглавляющая фирму "Kadon Enterprises", которая выпускает и продает разные симпатичные механические головоломки и другие забавные математические предметы, выпустила на рынок игру под названием "V-21"[6]. Буква V здесь — от "V-тримино", а 21 — число тримино в наборе, где кроме ярко раскрашенных фишек имеется также доска 8-го порядка, на которую их можно класть. Первое задание — положить мономино (квадрат 1-го порядка) в произвольное место доски, а затем покрыть оставшуюся площадь с помощью тримино (т.е. решить задачу для доски 8-го порядка). К игре прилагается сорокастраничное руководство. В нем напечатана короткая статья Нортона Старра "Дефицитная шахматная доска" и приводятся изображения прямоугольных досок и задачи к ним.

Завершим наш рассказ красивейшим симметричным покрытием стандартной шахматной доски (рис. 10).

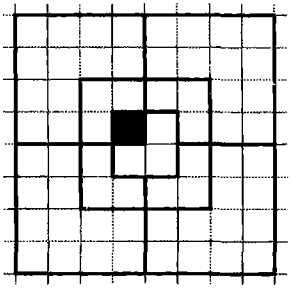
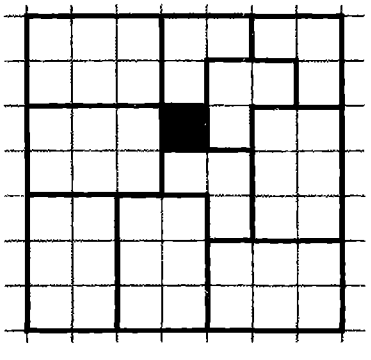


Рис. 10. Покрытие квадрата 8-го порядка без использования элементов 2×3 и с пятью "самовоспроизводящимися" элементами rep-tile

А вот и ответ на задачу, которую я предложил вам на с. 197:



Глава 12
Ау, мистер Херш, вы "здесь"?

Рубен Херш принадлежит к небольшой группе математиков, убежденных, что математика реальна лишь в контексте человеческой цивилизации. А я — бесстыжий платоник и предпочитаю иной язык мышления, предполагающий, что если из Вселенной исчезнут все разумные существа, то математические объекты и теоремы в каком-то смысле никуда не денутся — даже если не останется никого, кто смог бы писать или говорить о них. Гигантские простые числа продолжают быть простыми, хоть никто и не доказывал, что они являются таковыми. Как выразился однажды Бертран Рассел, даже в центре Солнца дважды два — четыре.

Более ранние мои замечания по этой теме см. под заголовком "В защиту платоновского реализма" — так называется глава 9 моей книги "Джинн из гиперпространства" (Амхерст, штат Нью-Йорк: "Prometheus Books", 2008).

Брайан Дэвис в своей статье "Дайте платонизму умереть" ("IMS Newsletter"*, июнь 2007) определяет математический платонизм как убежденность в том, что математические объекты существуют "в некоем математическом царстве, за пределами времени и пространства". Но у меня (как, полагаю, и у боль-

* "Бюллетень "Intelligent Manufacturing Systems"".

шинства математических платоников) — иные убеждения. Аристотель, математический реалист, с радостью ухватился за платоновские универсалии трансцендентального царства ("оранжевость", "коровность", "двоечность" и т.п.), приспособив их к объектам, существующим во времени и пространстве. Так, геометрическая форма вазы находится "здесь", в данной вазе, эта форма не плавает где-то возле платоновской "пещеры".

В качестве примера можно рассмотреть камешки. Пусть каждый из них — модель числа I. В таком случае очевидно, что все теоремы арифметики можно доказать, перекладывая камешки. В принципе таким путем можно даже доказать, что произвольно выбранное число (не важно, насколько большое) является простым или составным.

Рубен Херш, мой давний оппонент, в своей статье "О платонизме" ("Ш5 Ke\y$1e(:1er", июнь 2008) пишет:

> На мой взгляд, платонизм (имея в виду обычный, бытовой платонизм типичного практикующего математика) справедливо признаёт существование математических фактов и объектов, не управляемых волей или прихотью конкретного математика, но обрушиваемых на него как объективные факты и сущности, о которых он должен узнавать и чье независимое существование и чьи качества он стремится обнаруживать и исследовать.

Что ж, профессор Херш, добро пожаловать в Платоновский клуб! Любой платоник всецело согласится

с вашими словами. Но затем Херш делает невероятное заявление: "Ошибка платонизма — в неверной интерпретации этой объективной реальности, в выведении ее за рамки человеческой культуры и сознания".

Математические теоремы и объекты, продолжает Херш, подобно "многим другим реалиям культуры" являются "внешними и объективными *с точки зрения любой отдельной личности* (курсив Херша), но при этом внутренними, историчными и социально обусловленными *с точки зрения данного социума или данной культуры в целом* (по-прежнему курсив Херша)".

Получается, Херш все-таки не платоник! Неужели он вправду отрицает, что перекладывание камешков с целью доказать, скажем, что число 17 является простым, — это процесс, протекающий "здесь" независимо от данной культуры? Разумеется, манипулирование камешками является культурно обусловленным — в том тривиальном смысле, что вообще всякая человеческая деятельность так или иначе обусловлена культурой. Но не более того. Тот факт, что число 17 — простое, очевидным образом реализуется "здесь", в поведении камешков: по сути, аналогичным образом присутствует "здесь" эллиптическая орбита Марса или спиральная форма нашей галактики.

Херш буквально помешан на втискивании математики в социальность; в своей книге "Что же такое математика?" ("Ох&гс! Шхуегагу Рги", 1997) [он] пишет даже (крепитесь!), что 8+5 не обязательно равняется 13, ибо у отдельных небоскребов нет

тринадцатого этажа. Стало быть, если вы доедете на лифте до восьмого этажа, а потом подниметесь еще на пять этажей, вы окажетесь на четырнадцатом этаже. Вероятно, Херш предполагает тем самым, что в субкультуре некоторых высотных зданий законы арифметики постоянно нарушаются?

Надо ли мне отмечать здесь, что с тех пор, как Декарт арифметизировал геометрию, ее модели тоже в принципе возможно строить с помощью камешков? И в самом деле, Вселенная заполнена моделями почти всех математических областей, объектов и теорий. Любой тополог сумеет доказать, построив грубую модель из конверта и затем разрезав ее пополам, что рассечение бутылки Клейна на две равные части даст две зеркальные ленты Мёбиуса[1].

Для комплексных чисел и производных функций, возможно, не существует материальных моделей, однако и эти объекты вкраплениями испещряют Вселенную. Ньютон и Лейбниц, если выражаться обиходным языком, изобрели дифференциальное и интегральное исчисление, но в более глубинном смысле они *открыли* законы, согласно которым живет Вселенная. Множество Мандельброта не находится вне пространства и времени*. Оно существует на компьютерных экранах. Неужели антиреалисты считают, что математик, занимающийся свойствами Мандельбротова множества,

* Множество точек на комплексной плоскости, обладающих определенными свойствами. Понятие введено французским математиком Бенуа Мандельбротом (р. 1924), основателем фрактальной геометрии.

на самом деле изучает структуры внутри собственного мозга, так как его глаза и мозг воспринимают экран, или что он исследует часть человеческой цивилизации и культуры, к которой он принадлежит, — потому что именно эта цивилизация создала его компьютер?

Подобные рассуждения грешат таким же искажением научного языка, как и заявления, что астрономы, мол, изучают "нездешние" образования, поскольку телескопы — часть человеческой культуры, не говоря уж о том, что и вся астрономия тоже является ее частью. Отсюда недалеко до утверждений, что и вся Вселенная существует лишь потому, что ее наблюдают человеческие цивилизации (а не наоборот — мы существуем, потому что нас создала Вселенная).

Возможно, кардинальные числа, введенные Кантором*, не находятся "здесь", но кто знает?.. Не исключено, что они скрываются где-нибудь в космосе. Подобно физикам, математики часто совершают открытия, исследуя материальные модели. Классический пример: Фрэнк Морли вывел свою "теорему Морли", изучая углы бумажных моделей произвольных треугольников — моделей таких же "здешних", как камни или звезды. Никоим образом нельзя сказать, будто Морли *изобрел* свою теорему или нашел ее где-то внутри своего черепа или культуры, к которой принадлежал.

* Кардинальное число множества – обобщение понятия количества (числа элементов множества), имеющее смысл для всех множеств, включая бесконечные. Введено немецким математиком Георгом Кантором (1845–1918), создателем теории множеств.

В своей статье Херш справедливо называет меня теистом. И добавляет, что я верю в действенность молитвы. Атеисту Хершу это кажется оскорблением. Что ж, все зависит от значения слова "действенность". Я не верю, что если кто-нибудь помолится о победе футбольной команды или о выздоровлении любимого человека, больного раком, то Господь приложит десницу к Вселенной и тут же ее изменит. Я могу допустить, что Бог вполне способен менять вероятности исхода событий на квантовом уровне, — в наши дни эта догадка популярна среди теистов, — но все же я склонен сомневаться и в этом.

Однако я в самом деле считаю, что молитвы о прощении оправданны, а молитвы о даровании мудрости помогают принимать верные решения. Гилберт Честертон замечает где-то, что для атеиста настанет грустный день, когда с ним произойдет что-то чудесное, а ему будет некого за это поблагодарить.

Херш пишет также, что как-то раз я обвинил его в сталинизме. Не могу себе представить, как бы я мог такое сделать. Если все-таки сделал — приношу свои извинения. Возможно, я однажды напомнил ему душераздирающую сцену из оруэлловского "1984", где чиновник ухитряется, пытая узника, заставить того поверить, что, когда два пальца прибавляют к двум, появляется еще и пятый.

Кроме того, Херш заявляет: один раз я обвинил его в том, что он солипсист. И снова я не совсем понимаю, что он имеет в виду. Не исключаю, что я описывал его антиреализм как туманную разновидность социального (коллективного) солипсизма.

Херш — большой поклонник статьи антрополога Лесли Уайта "Место математической реальности". Ее место, как заявляет Уайт, не во внешнем мире, а в человеческой культуре. Математические теоремы сходны в этом смысле с правилами дорожного движения, модами, живописью, музыкой и т.п.

Конечно же это не солипсизм в обычном смысле слова. За пределами психиатрических лечебниц вообще нет истинных и последовательных солипсистов. Однако антиреализм Уайта и Херша приправлен социальным солипсизмом — поскольку, по их утверждениям, если исчезнет человеческая цивилизация, уйдет в небытие и вся математика. Ну да, Вселенная при этом не погибнет, однако больше не останется никого, кто занимался бы математикой (разве что ученые на других планетах). Полагаю, Херш согласится: то, что мы называем математическими структурами и явлениями, будет по-прежнему существовать, однако если не останется ни одного разумного существа, которое бы изучало их, во Вселенной не будет ничего, что заслуживало бы названия математики.

И тут снова возникает вопрос о том, какой же научный язык в данном случае самый лучший и наименее противоречивый. Мне кажется, лучше всего сказать, что если исчезнут все разумные существа, то 2+2 по-прежнему будет равно четырем, отношение длины окружности лунного диска к его диаметру по-прежнему будет близко к ϖ, а сумма внутренних углов евклидова треугольника будет по-прежнему составлять 180°. Подозреваю, Херш предпочтет заявить, что ни одно из этих суждений

больше не будет верным, поскольку не останется цивилизаций, где такие утверждения могли бы выдвигаться. А если он думает иначе, тогда Херш, чего доброго, превратится в платоника.

Вместе с Полем Дираком и тысячами других выдающихся математиков я верю, что существует Бог — непревзойденный математик, чьи познания в этой науке гораздо, гораздо обширнее наших. Но бесконечны ли они — откуда мне знать? Господу наверняка неведома последняя цифра числа ϖ, ибо такой цифры не существует вообще. Даже будь я атеистом, мне бы казалось чудовищным высокомерием считать, что математика реально существует лишь в сознании разумных обезьян.

Часть IV
Логика

Глава 13
Взрыв Оракула Бреддиджа

Когда предсказание само является частью предсказываемого события, могут возникать всякого рода логические парадоксы. Я несколько раз писал о таком явлении. Текст этой главы был впервые опубликован в "Isaac Azimov's Science Fiction Magazine" (август 1979*). Более раннюю версию этого парадокса, в виде пари, заключаемого у стойки бара, можно найти в "Ibidem" (канадском журнале, посвященном математической магии), в номере за март 1961 года, а также в главе 11 моих "Новых математических забав из "Scientific American" (Нью-Йорк: "Simon & Schuster",* 1966*). А вот следующая глава книги, которую вы держите в руках, будет посвящена куда более загадочному парадоксу, связанному с предсказаниями.*

Профессор Чарльз Бреддидж, ведущий английский специалист по искусственному интеллекту, наконец-то завершил создание своего "Оракула" (ОРАКУЛ — оперативный расчетный аппарат для казусов, управляемых логикой). По уверениям Бреддиджа, этот компьютер — настолько мощный, что способен со стопроцентной точностью предсказывать любое событие, которому предстоит случиться в лаборатории профессора в течение ближайшего часа и в радиусе десяти метров от компьютерной консоли.

Вот как он действует. "Оракулу" описывают какое-нибудь событие, которое может произойти

или не произойти в указанной зоне на протяжении ближайшего часа. Если компьютер прогнозирует, что данное событие произойдет, включается зеленая лампочка: ответ — "да". Если же он считает, что событие не случится, включается красная лампочка: ответ — "нет".

Профессор Бреддидж ясно дал понять, что до истечения отведенного часа необходимо скрывать лампочки от всех присутствующих при эксперименте. Иначе кто-нибудь сможет исказить результат предсказания, сделав что-нибудь такое, из-за чего предсказание станет неверным. Предположим, что компьютер выдал "да" в ответ на предположение: "По западной стене лаборатории пробежит таракан". Если кто-нибудь раньше времени увидит зеленый огонек, он может нарочно встать у стены и проследить, чтобы такое событие не произошло.

Ассистенткой у Бреддиджа работала д-р Ада Разлейс, юная и весьма миловидная рыжеволосая особа с докторской степенью в области логики и теории множеств. Накануне того дня, когда Бреддиджу предстояло демонстрировать могущество "Оракула" группе визитеров — видных ученых-компьютерщиков, влиятельных генералов и правительственных чиновников, — д-р Разлейс подошла к нему и объявила: "Весьма сожалею, профессор, но я только что доказала: "Оракул", по всей видимости, не во всех случаях способен давать успешный прогноз. Я могу описать событие, которое либо произойдет, либо не произойдет в нашей лаборатории в течение часа и в пределах десяти метров от

“Оракула”, — событие такой природы, что для компьютера окажется логически невозможным предсказать, случится оно или нет”.

Бреддидж отказывался верить Аде, пока она не рассказала ему, что это за событие. Потрясенный ученый тотчас же упал в обморок, и его пришлось отвезти в больницу.

Какое же событие придумала Ада?

А вот какое: “При ближайшем предсказании “Оракул” включит красную лампочку”.

В результате компьютер поневоле впадет в логическое противоречие. Если в ответ он зажжет красную лампочку (“нет”), его прогноз окажется неверным, поскольку красный свет действительно загорится. Если же он включит зеленую (“да”), это также будет ошибкой: показав “да”, он предположил, что загорится красная лампочка, а на самом деле зажглась зеленая.

Пока профессор Бреддидж приходил в себя, д-р Разлейс сама ввела в Оракул описание этого события и потребовала выдать предсказание. Компьютер замкнуло, возникла так называемая петля “да/нет”, зеленая и красная лампочка попеременно то загорались, то гасли, раздалось жужжание, делавшееся всё громче и громче, и наконец аппарат взорвался, полностью уничтожив труд всей жизни Бреддиджа.

Существует масса вариантов этого парадокса, демонстрирующего, что при определенных условиях предсказание будущего невозможно в принципе. Сумеете ли вы придумать версию этого компьютерного парадокса — настолько простую, чтобы

ее можно было вывалить на приятеля, потратив меньше пятнадцати слов?

Не знаю, кто первым сочинил эту историю с красной и зеленой лампочкой, ставшую очередным вариантом парадокса с компьютерными прогнозами. Она послужила основой для игры-пари, о которой я рассказывал в колонке для "Scientific American", позже перепечатанной в виде главы 11 моих "Новых математических забав". Если хотите парадокс потруднее, загляните в следующую главу моей нынешней книги.

"Бреддидж" — это, как вы уже догадались, обыгрывание фамилии Чарльза Бэббиджа, британского ученого, создавшего прообраз программируемого компьютера. Богатая, умная и сообразительная Ада Августа Лавлейс, прекрасная юная графиня, его близкий друг и ученица, была отличным математиком и к тому же единственным законным ребенком лорда Байрона, известного поэта. Это она первая заявила, что вычислительные машины делают лишь то, что им велят. Образ Ады в одноименном романе Набокова отчасти списан с леди Лавлейс.

Если хотите узнать больше об этой замечательной паре, можете обратиться к работе Филипа и Эмили Моррисон "Чарльз Бэббидж и его вычислительные машины", к книге Дорис Лэнгли Мур "Ада, графиня Лавлейс" и к статье Б.Х. Ньюмена "Дочь Байрона" ("Mathematical Gazette", № 57, июнь 1973, с. 94–97).

Глава 14
Казнь Филберта-Фальсификатора

Логический парадокс, представленный в этой главе, называли "парадоксом неожиданного допроса": так его именовал Д.Дж. О'Коннор, впервые описавший его в своей статье "Практические парадоксы" ("Mind", № 57, июль 1948). Позже его окрестили "парадоксом неожиданного повешения". Более глубокий разбор этой задачи — в первой главе моей книги "Неожиданное повешение" (Нью-Йорк: "Simon & Schuster", 1969). Я привожу там пространную библиографию, далеко не полную, ибо с тех пор опубликовано множество работ, касающихся этого парадокса. А нижеследующая версия, сделанная в жанре фантастики, впервые напечатана в "Isaac Azimov's Science Fiction Magazine" в ноябре 1968 года.

К середине XXIII века смертная казнь в цивилизованном мире почти повсеместно заменена иным наказанием, которое именуют "стиранием". Голову преступника помещают внутрь электронного устройства — "машины забвения". Всего за несколько минут из мозга удаляют все воспоминания о событиях, которые случились после первых шести месяцев жизни человека. Это, разумеется, возвращает злодея обратно в младенчество. Давно

установили, что никто не рождается с криминальными наклонностями — они приобретаются благодаря опыту. С годами такой "младенец" со стертой памятью постепенно развивается, становясь новым взрослым человеком. Поскольку процедура стирания делает из него новую личность, не помнящую о своем прежнем Я, этого приговора опасаются почти так же, как страшились смертной казни.

В систему юстиции внесли и еще одно радикальное новшество: на смену судьям (и даже некоторым адвокатам) пришли роботы. Законы стали настолько многочисленными и запутанными, что теперь лишь компьютеры могут упомнить все их детали. Судей-роботов тщательно программируют — так, чтобы они принимали только мудрые и логически обоснованные решения. Робот-судья не способен лгать. Если электрические цепи в его мозгу дадут сбой и он выдаст ложное заключение, все его решения объявляются недействительными и назначается новый процесс.

Одним из наиболее отвратительных деяний в XXIII веке, наряду с убийством и изнасилованием считается фальсификация данных научного эксперимента. Уважение к святости научного метода достигло таких высот, что всякий, кого признали виновным в такой подтасовке, автоматически приговаривается к стиранию памяти.

Филберта X1729B арестовали за подделку данных опыта по изучению устойчивости зубов к разрушению: он руководил этим экспериментом, проводившимся в Лаборатории стоматологических исследований Орального центра Оурала Робертса

в городе Талса, штат Оклахома*. Филберту оказался не по карману робот-адвокат. Его защитник-человек не отличался опытностью и провалил дело. Произнося приговор, робот-судья заявил:

— Вы будете стерты в 15.00 в один из шести дней следующей недели, которая начнется в понедельник. Вам сообщат точную дату в 10.00 дня стирания.

— Но, судья, — запротестовал Филберт, — разве вы не можете прямо сейчас сказать мне, в какой день это будет?

— Нет. Дата еще не определена. Однако могу с уверенностью проинформировать вас, что стирание произойдет в понедельник, вторник, среду, четверг, пятницу или субботу на ближайшей неделе. Вам не будет известен конкретный день, пока мы не сообщим его вам утром, за пять часов до исполнения наказания.

— Спасибо, ваша честь.

Это был последний приговор на сегодня, так что судья нажал кнопку на левой подмышке и отключился до утра, когда суд должен был открыться вновь.

Сидя у себя в камере, Филберт принялся обдумывать слова судьи. И вдруг вскочил на ноги, испустив радостный вопль. Его смогут казнить, только если судья при этом окажется лжецом! Но если судья — лжец, это потянет за собой новый процесс. Может быть, его жена и друзья смогут за это время наскрести денег на приличного робоадвоката.

Как рассуждал Филберт?

* Подробнее об Оурале Робертсе см. в главе 20.

А Филберт рассуждал следующим образом:

"Допустим, день моего стирания — суббота. Никто не сообщит мне утром в пятницу, что казнь состоится в субботу, а значит, в пятницу днем я уже буду *точно знать,* что она завтра. Но судья сказал мне, что я не буду знать день, пока не настанет утро этого самого дня. А значит, меня не могут казнить в субботу — иначе окажется, что судья лгал.

Теперь возьмем пятницу. Она тоже исключается. Поскольку суббота не может быть тем днем, когда я суну голову в машину забвения, то если мне так и не сообщат дату к середине четверга, я буду знать, что роковой день — пятница. Почему? Потому что остаются только пятница и суббота. Как я уже показал, это не может быть суббота, а значит, это должна быть пятница. Но если я уже в четверг буду знать, что меня казнят в пятницу, судья снова окажется обманщиком.

Итак, пятницу и субботу мы исключили. Рассмотрим четверг. Он тоже исключается — путем такого же рассуждения! Если до полудня среды мне так и не сообщат день казни, я буду знать, что это четверг, поскольку это не может быть ни пятница, ни суббота. Такое же рассуждение применимо к среде, вторнику и понедельнику. Какой день ни выбери, я все равно буду заранее его знать к середине предыдущего дня. В каждом случае это уличит судью в лжи и обеспечит мне повторный процесс".

Построения Филберта кажутся неопровержимыми, однако в его логике кроется гибельная ошибка. Нелегко в точности указать, где именно она залегает, но очень просто доказать, что рас-

суждения Филберта не могут быть верными. Каким образом?

В четверг утром Филберту сообщили: его память сотрут сегодня днем. Поскольку Филберт никак не мог заранее узнать, что это будет в четверг, новость стала для него полной неожиданностью. Казнь произошла в четверг. И слова судьи оказались абсолютно верными.

ПОСТСКРИПТУМ

Это один из самых знаменитых предсказательских парадоксов в современной философии. Более полное его обсуждение, а также список двадцати двух статей, посвященных этой проблеме, можно найти в моей книге "Неожиданное повешение" (глава г). Книга вышла в 1969 году, и с тех пор появилось около десятка новых трудов по этому вопросу. Они перечислены в обширной библиографии к работе "Ожидая неожиданного" (авторы — Майя Бар-Хиллель и Авишаи Маргалит).

Часть V
Литература

Глава 15
"Удивительный волшебник из Страны Оз"

Я научился читать, глядя через мамино плечо на страницы книги, которую она мне читала вслух. Это была книга Лаймена Фрэнка Баума "Удивительный волшебник из Страны Оз". Через несколько лет я уговорил родителей купить все остальные книги Баума из серии про Страну Оз, а также его многочисленные сказки о других чудесных землях.

Став взрослым, я немало написал о Бауме и о его книгах, в частности — биографию Баума, позже напечатанную в двух номерах журнала Энтони Буше "Fantasy and Science Fiction" ("Фэнтези и научная фантастика"). Это жизнеописание затем вошло в книгу "Кто он — удивительный волшебник из Страны Оз?" ("Michigan State University Press", 1957).*

Нижеследующая глава была напечатана как мое предисловие к "Волшебнику из Страны Оз", выпущенному в мягкой обложке издательством "Dover". В этой книге в цвете воспроизводились иллюстрации Уильяма Уоллиса Дэнслоу к первому изданию "Волшебника".

Осенью 1900 года, когда "Удивительный волшебник из Страны Оз" впервые поступил в продажу, Лаймену Фрэнку Бауму уже исполнилось сорок четыре.

* Энтони Буше — один из псевдонимов Уильяма Энтони Паркера Уайта (1911–1968), американского издателя и автора мистических повестей и рассказов.

Жизнь у него была пестрая и беспокойная: газетный репортер в Нью-Йорке, управляющий сети театров, сценарист и актер, владелец универсального магазинчика в Абердине (штат Южная Дакота), редактор и издатель абердинской еженедельной газеты, коммивояжер, торгующий фарфоровой и стеклянной посудой, основатель (уже в Чикаго) национальной ассоциации декораторов витрин и главный редактор их официального печатного органа — "Show Window" ("Витрина").

В Чикаго-то Баум и начал писать книги для детей. В его "Сказках Матушки Гусыни в прозе"*, опубликованных в 1897 году издательством "Way and Williams", в последней истории появляется девочка с фермы по имени Дороти. А два года спустя чикагское издательство, принадлежавшее Джорджу М. Хиллу, выпустило "Папашу Гуся" — сборник абсурдистских детских стихов, написанных Баумом и проиллюстрированных его другом Уильямом Уоллисом Дэнслоу, чикагским газетным художником. Книга стала на диво бойко продаваться, и Баум занялся детской литературой всерьез. На следующий год Джордж Хилл выпустил "Удивительного волшебника из Страны Оз", что тут же принесло успех. Много лет спустя в одном из писем миссис Баум вспоминала, как в рождественские дни 1900 года просила мужа дать ей сто долларов, и каково же было ее изумление, когда он извлек чек

* Матушка Гусыня — популярный персонаж европейской и американской детской литературы. Достаточно вспомнить "Сказки Матушки Гусыни" Шарля Перро или сборники английской детской поэзии — "Песенки Матушки Гусыни" и т.п.

на две с половиной тысячи — авторские отчисления с проданных экземпляров! Прочие издатели кинулись печатать книги, явно имитировавшие стиль "Волшебника" — и по части собственно текста, и по части картинок.

Баум и Дэнслоу сотрудничали и при работе над еще одной замечательной сказкой — "Дот и Тот из Веселандии". Затем их союз распался, и все дальнейшие книги Баума о Стране Оз иллюстрировал Джон Ри Нил, молодой художник из Филадельфии. С тех пор картинки к "Волшебнику" рисовало не меньше десятка графиков, однако ни у кого не получилось таких замысловатых и прихотливых изображений, как у Дэнслоу, чьи рисунки теперь почти так же прочно ассоциируются с книгой Баума, как рисунки Джона Тенниела — с кэрролловской "Алисой в Стране чудес".

В номере "Show Window" от 15 октября Баум поместил свою прощальную редакционную статью, где писал: "В эти два года американцы настолько радушно приняли мои книги для детей, что теперь я считаю необходимым посвятить детской литературе все мое время и все мое внимание". Именно так он и поступил. За оставшиеся девятнадцать лет жизни он написал более шестидесяти детских книг, многие из которых выходили под псевдонимами. Около половины из них принадлежат к жанру фантастической сказки — в том числе четырнадцать повестей из цикла про Страну Оз (включая "Волшебника"). Баум скончался в 1919 году; после его смерти Рут Пламли Томпсон, филадельфийская писательница, сочинила еще девятнадцать

книг про Страну Оз. Три книги из этой же серии написал художник Нил, одну — Джек Сноу, одну — Рэчел Косгроув*, а одну — сын Баума, полковник Фрэнк Джослин Баум, так что общее число книжек про Страну Оз ныне достигло сорока. Произведение полковника (ныне — раритет) называлось "Смеющийся дракон из Страны Оз". Сказку издала в 1934 году "Whitman Publishing Company", книжка продавалась в мелочных лавочках по десять центов за штуку.

Хотя иные из фантазий Баума на другие темы написаны, на мой вкус, лучше, чем любая из его книг про Страну Оз, а некоторые из книг про Оз лучше "Волшебника", все же именно "Волшебник" стал величайшей и самой любимой сказкой в Америке. Он постоянно переиздается; в Соединенных Штатах и за границей вышло уже столько различных его изданий, что никто даже не знает, сколько миллионов экземпляров продано. Есть издания, допускающие странные вольности по отношению к тексту. Например, в главе 14 почти во всех недавних перепечатках рассказывается об *алых* полях и *алых* цветах, хотя Дороти и ее друзья находятся в Стране Мигунов, где главный цвет — желтый. И дело тут не в каком-то изначальном недосмотре "Королевского Историка Страны Оз", как любил величать себя Баум. В оригинальном тексте говорится лишь

* Джон ("Джек") Сноу (1907–1956) — американский радиосценарист, литературовед (особенно известен как исследователь творчества Баума). Рэчел Косгроув-Пэйс (1922–1998) — американская писательница, автор романтических исторических произведений.

о лютиках и маргаритках, о желтых цветах и желтых полях. (Это непонятное искажение канона обнаружил Дик Мартин, чикагский художник и один из ведущих авторитетов в области озианы.)

В 1902 году Баума убедили написать сценарий и тексты песен для комедийного мюзикла по "Волшебнику". Первое представление состоялось в Чикаго и имело столь оглушительный успех, что затем, в 1903 году, шоу переехало в Нью-Йорк и восемнадцать месяцев шло на Бродвее, собирая полные залы. Фабула комедии сильно отличалась от оригинального сюжета; появились дополнительные персонажи — сумасбродная дама, мальчик-поэт (в которого влюблялась Дороти), а также Пастория, вожатый трамвая из Топики*. Поскольку никакого актера явно не удалось бы загримировать под маленького черного песика, Баум заменил любимца Дороти на большую пятнистую телушку по имени Имогена! Фред Стоун, бывший цирковой акробат, буквально проснулся знаменитым после того, как сыграл роль Страшилы.

Сняли и несколько фильмов по "Волшебнику". Первые два — средненькие немые картины: короткометражка, выпущенная компанией "Selig Pictures" в 1910 году, и появившийся в 1925 году фильм компании "Chadwick Pictures", вышедший на семи катушках**; Страшилу там сыграл Ларри Семон***.

* Топика — столица штата Канзас.

** На каждой такой катушке умещалось 10–12 минут киноматериала.

*** Ларри Семон (1889–1928) — американский режиссер, продюсер, сценарист, актер эпохи немого кино.

Любопытно, что в фильме Чедвика роль Железного Дровосека исполнил Оливер Гарди — толстяк из знаменитого в то время комического дуэта Лорела и Гарди. Последней же и величайшей экранизацией стала конечно же цветная феерия компании "Metro-Goldwyn-Mayer", где юная Джуди Гарленд играла поющую Дороти. Рэй Болджер танцевал за Страшилу, Джек Хэли клацал за Железного Дровосека, а Берт Лар стал необычайно забавным и восхитительно трусливым Трусливым Львом*.

Несложно понять, отчего нынешние мальчики и девочки читают "Волшебника" с таким же восторгом, как й дети в 1900 году. Это восхитительная, яркая, мастерски написанная сказка, наполненная юмором и тихой мудростью. Ребенок может и не осознавать сатирических выпадов автора и глубинных смыслов текста, но они там есть, и это одна из причин того, почему "Волшебник" стал классикой. Может быть, Т.С. Элиоту смутно мерещились (в числе прочего) Железный Дровосек и Страшила, когда он написал: "Мы полые люди, / Мы чучела, а не люди"?** Кто они, столь почитаемые волшебники наших изумрудных городов — действительно чародеи или же лишь обаятельные цирковые ловкачи, неустанно снабжающие нас зелеными очками, благодаря которым жизнь кажется изумруднее, чем на самом деле?

* Американские актеры: Рэй Болджер (Рэй Уоллис Булкао, 1904–1987) — водевильный актер, Джек Хэли (1898–1979) — актер театра и кино, Берт Лар (1895–1967) — комический актер. Все они сейчас известны главным образом благодаря своим ролям в фильме "Волшебник из Страны Оз".

** Первые строки поэмы "Полые люди". (*Перевод А. Сергеева.*)

Все мы — дети, шагающие по дороге из желтого кирпича в безумном, диковинном, озоподобном мире. Мы знаем, что мудрость, любовь и храбрость — важнейшие добродетели, но, как и Дороти, не можем выбрать — искать ли нам мозги получше (наши ЭВМ с каждым годом делаются все мощнее!) или же более добрые и любящие сердца.

Глава 16
"Жизнь и приключения Санта-Клауса"

Подозреваю, весьма немногие американцы знают, что Л. Фрэнк Баум написал целых четырнадцать книг о Стране Оз и почти столько же других сказок, действие которых происходит за пределами этой страны — в Эв и других волшебных землях. Одна из его лучших не-озовских повестей — жизнеописание Санта-Клауса. Место действия — лес Бурзее, лежащий сразу за Гибельной Пустыней, что простирается у южных границ Страны Оз.

Эта глава — перепечатка моего предисловия к очередному изданию "Жизни и приключений Санта-Клауса" в мягкой обложке (Нью-Йорк: "Dover", 1976).

В целом мире нет ничего прекраснее счастливого ребенка.
Л. Фрэнк Баум. Санта-Клаус

Мифология в Соединенных Штатах, как и в Древнем Риме, по большей части заемная. У нас, правда, имеется несколько собственных легенд (назовем лишь две — о Джонни Яблочном Семечке и Поле Баньяне*) и кое-какие прелестные сказки

* Джонни Яблочное Семечко (Джон Чепмен, 1774–1845) — легендарный американский первопроходец, миссионер, садовник, впервые начавший разводить яблони во многих частях штатов Огайо, Индиана и Иллинойс. Пол Баньян — мифический великан-лесоруб, в начале 1800-х годов появившийся в сказаниях европейских поселенцев, осваивавших Новый Свет.

Джорджа Вашингтона и других отцов-основателей США, однако свои величайшие мифы мы одолжили у иудеохристианской традиции Западной Европы.

Но есть исключение! Среди этого поля высится один персонаж. Он такой же бессмертный, как Питер Пэн, и характер его целиком и полностью создан фантазией американцев. И более того, как ни удивительно, его довольно-таки необычные черты вылепили преимущественно обитатели Манхэттена. Говорю я, разумеется, о Санта-Клаусе.

Не будем смешивать Санту с его невыразительными предшественниками и забавными коллегами. Святого Николая, епископа Мирликийского (IV век, Малая Азия), всегда изображают высоким и подтянутым. Его очень почитали в Средневековье, особенно в России и Греции — двух странах, где он стал национальным святым-покровителем. К XII веку День этого святого был признан официальным церковным праздником по всей Европе, но после Реформации святой Николай впал в немилость у жителей протестантских стран, и даже в католических областях уважение к нему как-то угасло. Довольно скоро День святого Николая слился с 25 декабря — тем днем, когда уже тысячу лет официально отмечали рождение Христа.

Среди протестантских стран культ святого Николая сохранился лишь в Голландии: там он стал дарителем, чем-то напоминающим Санта-Клауса. В течение шести столетий голландские дети в канун Дня святого Николая кладут у камина свои башмаки и кое-какие лакомства — для коня, на котором передвигается святой. А ночью Зинтерклаас

и его помощник мавр Зварте Пит (Черный Питер) приплывают на корабле — откуда бы вы думали? — из самой Испании. Святой садится на белого коня, который скачет галопом, перенося его с одной крыши на другую. Черный Питер каким-то непонятным образом следует за ними. Мавр спускается по дымоходам, чтобы оставить подарки, но Зинтерклаас, не желая испачкать сажей свою белую мантию и красную рясу, разве что бросает в каминную трубу конфеты, попадающие прямехонько в выставленные башмаки.

В других странах тоже распространены истории о мифических дарителях, посреди зимы посещающих дома людей, и истории эти ярки, пестры и запутанны. В Англии имеется Папаша Рождество, старый белобородый господин, который, судя по блистательному эссе Г.К. Честертона, умирает в Англии со времен Средневековья. Его сподвижник во Франции и Французской Канаде — Пер Ноэль. Немецкий же Крисс Крингл — на самом деле Christkindl, или Христос-Дитя (любопытно, что в Соединенных Штатах в середине XIX века Санта-Клауса стали называть именно "Крисс Крингл"): это не младенец Иисус, а кто-то вроде феи, приносящей подарки.

В Италии на Двенадцатую ночь (5 января) в мир людей является добрая ведьма Бефана, спускающаяся вниз по каминной трубе на своей метле, чтобы наполнить обувь и чулки сладостями и игрушками. Образ Бефаны коренится в верованиях древних римлян, но есть и соответствующая христианская легенда. Как-то раз Бефана подметала у себя в жилище, когда мимо проходили трое волхвов.

Они предложили ей отправиться вместе с ними в Вифлеем, но женщина была слишком занята. Позже она раскаялась в своем решении и с тех пор, словно Вечный Жид, блуждает по миру из-за наложенного на нее проклятия. Раз в год она рыщет по домам, вглядываясь в лица спящих детей и надеясь отыскать Младенца Иисуса. В Испании на Двенадцатую ночь волхвы сами приезжают на лошадях или на верблюдах, чтобы оставить подарки.

Американский Санта-Клаус хорошо известен в Канаде; его влияние распространилось и на более отдаленные регионы. В Скандинавских странах толстый белобородый старик прикатывает на санях, везя с собой мешок игрушек. В Норвегии и Финляндии его сани запряжены оленями. В Советском Союзе официально запрещали празднование Рождества (по русскому календарю — 7 января), дня, в который святой Николай раньше клал подарки под разукрашенной елкой. Дерево стали наряжать в канун Нового года, а игрушки приносил Дед Мороз, толстяк с белой бородой, в красной шубе; выглядит он в точности как Санта-Клаус. В Токио в канун Рождества разражается самая настоящая вакханалия. Повсюду слышится "Дзингору беру" ("Jingle Bells"*), люди то и дело желают друг другу "мери Курисумасу"**, а дорогие универмаги одевают своих очаровательных девушек-лифтерш в коротенькие костюмы Санта-Клауса.

* "Бубенцы", популярная во многих странах рождественская песня. Написана в 1857 г. американским композитором и поэтом-песенником Джеймсом Пьерпоном.

** От англ. "Merry Christmas" — "Веселого Рождества".

Но хватит о подражателях Санты. Осваивая Новый Свет, первые голландские поселенцы, приплывшие в Новый Амстердам (Нью-Йорк), естественно, привезли с собой и святого Николая. Вашингтон Ирвинг в своей забавной псевдоученой "Истории Нью-Йорка" (1809) первым написал об американизированном "святом Нике", и специалисты поныне спорят, что из сказанного Ирвингом — правда. Из книги не совсем ясно, как выглядел этот святой, однако нам сообщается, что голландские дети в канун дня святого Николая вывешивали чулки у камина и святой являлся, "промчавшись по верхушкам деревьев" в своей "повозке", чтобы с грохотом отправить игрушки и сласти вниз по дымоходу.

А теперь — самая захватывающая часть нашего рассказа. Доктор Клемент Кларк Мур преподавал греческий и древнееврейский в Епископальной семинарии, которую он сам помог устроить рядом со своим домом (теперь это в Челси, одном из районов Манхэттена). Однажды, в 1822 году, накануне Рождества, снежным вечером, доктор Мур прочел своим детям стихотворение, которое для них сочинил. Каким-то образом стихи попали к издателю журнала "Sentinel" ("Страж") (город Троя, штат Нью-Йорк), который опубликовал их — без подписи — 23 декабря 1823 года, назвав это произведение "Рассказ о визите святого Николая"*.

Стихотворение перепечатывали по всей стране, но Мур не признавал своего авторства, пока стихи

* Другое название — "Ночь перед Рождеством".

не опубликовали в антологии новогодней поэзии 1837 года. Позже он включил эту вещь в сборник собственных стихов. Из этой книги 1844 года никаких серьезных стихов теперь уже никто не помнит, но "Визит", от которого Мур так небрежно отмахивался, стал величайшим рождественским стихотворением из всех, написанных по-английски. Его печатали тысячи раз, иллюстрировали сотни художников, оно породило массу пародий и продолжений, самое новое и самое лучшее из которых — "Рудольф, красноносый олень".

Похоже, мысль о том, чтобы Санта лично спускался вниз по дымоходу, впервые пришла в голову именно Муру. Для этого требовалось сделать святого Николая маленьким и гномоподобным. Вероятно, это Мур снабдил Санту сверкающими глазами, румяными щеками и мешком игрушек, но трубку и особый жест пальца, прикладываемого к носу, подарил ему Ирвинг. "А когда святой Николай выкурил трубку, — писал Ирвинг, — он спрятал ее за лентой своей шляпы и приложил палец к носу, смерив озадаченного ван Кортланда весьма значительным взглядом; после чего забрался в свою повозку и понесся вдаль над верхушками деревьев".

"Эти сани, влекомые оленями, — плод вдохновения!" — заявляет Бёртон Э. Стивенсон в своих "Знаменитых одиночных стихотворениях", но теперь-то нам известно, что и здесь Мур не стал первопроходцем. В 1821-м, за год до того, как Мур написал свой рождественский стишок, в Нью-Йорке вышла маленькая книжечка под названием "Друг

детей: новогодний подарок малышам от пяти до двенадцати". Теперь это уже раритет, но в журнале "American Heritage" ("Американское наследие") (т. 12, декабрь 1960) вы можете найти восемь ее страниц, воспроизведенных в цвете. На каждой странице — картинка, под картинкой — четверостишие. Вот первая строфа:

> Старик Санта-Клаус вновь свой надевает наряд,
> Олень его мчит сквозь морозную ночь наугад,
> Над крышами снежными он совершает полет
> И к Новому году подарки тебе принесет.

На иллюстрации Санта изображен в санях, которые везет один олень. Мы не знаем, видел ли Мур эту книгу. Неизвестно также, придумал ли сани и оленя ее анонимный автор или же они тогда уже являлись частью манхэттенского рождественского фольклора.

В стихотворении Мура не раскрывается, где живет святой Ник, однако олени и святой "одеты мехом с головы до пят", а значит, дело явно происходит где-то в полярных областях. Отсюда лишь один шаг до того, чтобы обеспечить Санту фабрикой близ Северного полюса и множеством помощников, а возможно, даже и супругой. К тому же для голландского Зинтерклааса не составило труда превратиться в Санта-Клауса.

Важнейший вклад в клаусологию внес газетный карикатурист Томас Наст, родившийся в Германии и подобно Муру живший в Нью-Йорке. Сегодня его помнят главным образом по нападкам на Тамма-

нийского Тигра*, зверя, которого он создал вместе с символами двух главных политических партий — Слоном и Ослом. Впервые Наст изобразил Санту в 1863 году. Затем он проделывал это еще множество раз, главным образом в 1880-е, для рождественских номеров журнала "Harper's Weekly". В муровский образ этого святого Наст внес две существенные поправки. Иногда он увеличивал Санту до размеров обычного толстого человека, а кроме того, он заменил меховую шубу алой атласной курткой, отороченной белым горностаевым мехом. Наст добавил и другие черточки: остроконечную шапку, сапоги из воловьей кожи и широкий черный пояс.

Было бы в самом деле странно, если бы Л. Фрэнк Баум, *наш величайший сочинитель детских фантастических историй*, прошел мимо величайшего из наших родных мифов. В его первой книге такого жанра, "Сказках Матушки Гусыни в прозе" (1897), в основе каждой главы лежит какой-нибудь всем известный стишок Матушки Гусыни. Спустя несколько лет он принялся за большую повесть, где намеревался сходным образом поступить и с легендой о Санта-Клаусе. "George M. Hill Company", чикагское издательство, опубликовавшее "Волшебника из Страны Оз", планировало издать Баумову "Жизнь и приключения Санта-Клауса" в 1902 году, но обанкротилось, и контракт перешел к индианаполисской фирме "Bowen-Merrill".

Первый тираж первого издания, выпущенного "Bowen-Merrill" в том же 1902 году, явил миру книгу

* "Таммани" — независимая организация демократической партии в Нью-Йорке.

в красной обложке с черным, зеленым, рыжеватым и белым тиснением. Проще всего опознавать ее по названиям частей, именуемых просто "Книга первая", "Книга вторая" и "Книга третья". Мэри Каулз Клар сделала чудесные иллюстрации; на вклейках шесть из них воспроизведены в этом издании как полноцветные, а остальные четырнадцать — как черно-бело-красные. Газеты посвятили книге больше сотни рецензий; почти все они превозносили и текст, и картинки.

Кларк была родом из Сиракуз, где некогда жил и Баум. Однажды (как мы понимаем, до 1902 года) писатель отправился туда навестить родственников, познакомился с Кларк и поразился ее художническим талантам. Очевидно, он сам предложил ей стать иллюстратором книги. В одном из альбомов Баума хранится недатированная вырезка из тогдашней сиракузской газеты, где сообщается, что Мэри Кларк завершает работу над иллюстрациями к этой сказке и что она сделала проект обложки. Уже гораздо позже, 10 ноября 1941 года, в сиракузской газете "Post Standard" появилось интервью с Кларк по случаю открытия выставки ее акварелей и вышивки. Журналист информирует нас, что художница "успешно проиллюстрировала многие детские книги", однако в этой связи упоминаются лишь сказка Баума да кулинарная книга Линды Халл Ларнед.

Во втором тираже "Жизни и приключений Санта-Клауса" (также напечатанном в 1902 году) названия частей изменены: теперь это "Юность", "Зрелость" и "Старость". Восемь цветных вклеек

исчезли, но появилось множество картинок на полях.

Во времена Баума, можно сказать, почти ничего не знали о великих европейских предках Санты. Американская мифология представляла его стариком, ничего не сообщая о раннем периоде его жизни. Этот-то гигантский пробел и собирался заполнить Баум, создавая сложнейшую мифологию, посвященную прошлому и корням Санты. В американском мифе он отверг единственную деталь: то, что резиденция Санта-Клауса — на Северном полюсе. У Баума действие происходит в лесу Бурзее, располагающемся за Гибельной Пустыней, что тянется вдоль южных границ Страны Оз. Еще одно место действия — Хохахо, Долина Смеха, примыкающая к Бурзее на востоке.

В Баумовой мифологии Бога именуют Верховным Хозяином. Ему подчиняется троица богов поменьше: Ак (Хозяин Лесов), Керн (Хозяин Пашен) и Бо (Хозяин Морей). Помощники седобородого Ака — веселые рилы, следящие за цветами земли, горбатые нуки, надзирающие за зверями, лесные нимфы, пекущиеся о деревьях, и феи, заботящиеся о человеческих существах, подобно ангелам-хранителям в христианской традиции.

Цурлину, золотоволосую королеву лесных нимф, не следует путать с Лурлиной, предводительницей народа фей, заколдовавшего Страну Оз. Прекрасная лесная нимфа Некиль сотни лет назад усыновила младенца, оставленного кем-то на самой опушке леса Бурзее. Назвала она его Клаусом, что на языке лесных нимф означает "малыш". Цурлина

же предложила изменить это имя на "Неклаус", что означает "малыш Некили". (В подстрочном примечании Баум объясняет, как это имя после искажений превратилось в Николауса-Николая, толкуя "ложную" ассоциацию Клауса с этим католическим святым.) Малыш подрастает, чувствуя в себе любовь и жалость по отношению ко всем смертным детям, на которых (как и на него самого) пока еще не обрушились "горести человеческой жизни".

"Почему человек рождается, если он должен однажды погибнуть?" — спрашивает Клаус у Ака.

Всё имеет свое предназначение, поясняет Ак, и смертные, которые окажутся "полезными", будут "наверняка жить снова". Позже Ак замечает: "Даже те, кто смертен, после жизни на земле навеки вступают в иное существование". В сказках Баума это единственный случай, когда он открыто защищает идею посмертного бытия.

Клаус убежден, что цель его жизни — сделать мир лучше. Он покидает Бурзее и поселяется в Долине Смеха, где с помощью нуков строит себе дом из бревен, используя лишь упавшие деревья, потому что не хочет уничтожать живые. Мы узнаём, как он вырезает свою первую игрушку, как рилы учат его раскрашивать эти резные изделия. Он видит, с каким восторгом бедные дети принимают деревянных зверей, которых он им дарит.

Дьявола в баумовской мифологии нет, зато есть всевозможные злые существа. Отвратительные гадголы нападают на деревья. Львица Шигра сожрала бы маленького Клауса, не вмешайся Ак. Великан Авгвас пытается уничтожить Клауса, и целая глава

посвящена "великой битве добра и зла", в которой армию Авгваса (усиленную за счет азиатских драконов, трехглазых гигантов из Тартарии, черных демонов из Паталонии и гоблинов-гузлов) удается полностью разгромить.

Нам рассказывают также, как Клаус начинает изготавливать и другие игрушки, с удовольствием раздаривая их. Два оленя советуют ему сделать сани, обещая, что будут их возить. Кроме того, поясняется, отчего Клаус считает необходимым спускаться по каминной трубе. Слава Клауса растет, и его начинают звать святым — Санта-Клаусом. Его друг, король гномов, дарит ему стальные полозья для саней, а также бубенчики, чтобы те звенели при езде.

Летят годы, Клаус стареет и полнеет. Волосы и борода у него седеют; в уголках ярких глаз залегают глубокие морщины. Он уже собирается умирать, но тут его приемная мать Некиль как раз начинает искать помощника для Ака. Ак созывает совет бессмертных. И те единогласно решают даровать Мантию Бессмертия доброму Клаусу.

Хотя к старому Санте вернулась сила юности, он сохранил обличье человека преклонных лет. В мире все больше детей, и ему приходится обзавестись четырьмя помощниками, тоже бессмертными. Их имена — Килтер, Питер, Нутер и Виск. А когда новомодные дымоходы стали чересчур узкими и живот Санты в них уже не пролезал, его помощники научились проносить игрушки прямо сквозь стены. Помощниками назначаются также родители и магазины игрушек — чтобы удовлетворить

запросы растущего детского населения. "Чем их больше, тем веселей!" — провозглашает Санта.

Баум еще трижды писал о Санта-Клаусе. Для одной газеты он сочинял историю с продолжением — называлась она "Необычные гости из чудесной Страны Оз" — и 18 декабря 1904 года в одном из ее эпизодов Страшила, Железный Дровосек и Жук-Кувыркун делают игрушки, изображающие их самих, и потом приносят их в Долину Смеха, чтобы отдать Санте. "Delineator" в декабре 1904 года напечатал рассказ Баума "Похищение Санта-Клауса". В нем повествуется о том, как пятеро демонов украли Санту, как ему удалось от них сбежать и как армия, собранная четырьмя его помощниками, отбила нападение этих злых существ.

В "Путешествии в Страну Оз" Санта-Клаус становится самым почетным гостем на дне рождения принцессы Озмы. "Привет, Дороти, опять у тебя приключения?" — спрашивает святой у Дороти Гейл при их первой встрече. "Ба, да здесь и Пуговка! Подумать только, ты забрался так далеко от дома!"

Дороти вслух удивляется, что Санта знает отца Пуговки, и святой, лукаво подмигнув Волшебнику, замечает: "Кто же, по-твоему, приносит ему на Рождество новые галстуки и носки?" (Это подмигивание Санты — одна из тех замечательных черточек, которые Баум любил вставлять в свои книги, чтобы потешить взрослых читателей.)

Поболтав с Многоцветкой, Страшилой, Железным Дровосеком и Косматым, Санта усаживается на Козлов-для-Пилки-Дров, чтобы проехаться по Изумрудному городу и осмотреть его достоприме-

чательности. На королевском банкете именно Санта произносит главную речь и предлагает всем выпить за здоровье принцессы Озмы. Позже Санта на своих Козлах возглавляет процессию гостей, шествующую по улицам Изумрудного города. В последний раз мы его видим, когда Волшебник выдувает гигантские мыльные пузыри: в одном из них Санта-Клаус улетит домой.

Страна Оз и Санта-Клаус! Озорной старик наверняка чувствовал себя как дома в этом волшебном краю, и можно с уверенностью предположить, что он частенько навещал Изумрудный город, желая увидеться с Озмой, Дороти и их друзьями. Большинство американцев, еще не слыхавших про Долину Смеха и лес Бурзее, до сих пор считают, что жизнерадостный святой обитает на Северном полюсе. Этот чудной предрассудок никому не повредит, но мы-то, озиане, знаем, как всё обстоит на самом деле*.

* В этой и предыдущей главе использованы переводы книг Баума о Стране Оз, сделанные С. Беловым и И. Париной, а также знаменитые переложения книг Баума, написанные А. Волковым.

Глава 17
"Охотничьи рассказы"

Честертоновы "Охотничьи рассказы" — в числе его давно забытых книг. На мой взгляд, это один из лучших сборников его короткой прозы. Мой любимый рассказ — об удивительном учении профессора Грина. Его великое астрономическое открытие оказывается в центре сюжета, который мог выдумать только Гилберт Кит Честертон (Г.К.Ч.).

Далее я привожу главу, посвященную "Охотничьим рассказам" и впервые опубликованную в книге "Фантастика Гилберта Честертона", которую выпустило в 2008 году канадское издательство "Battered Silicon Dispatch Box".

Г.К.Ч., как известно всем честертонофилам, обладал великолепным чувством юмора, им пронизаны едва ли не все его тексты — даже те, где он всерьез рассуждает о философии и религии. Ведь именно в замечательном финале "Ортодоксии" он предполагает, при всем должном благоговении, что, когда Христос жил на земле, он не считал нужным показывать людям свою радость.

"Охотничьи рассказы" — книга, где остроумие Честертона достигает вершин. Она продолжает традиции, заложенные бароном Мюнхгаузеном и исто-

риями лорда Дансени о Джоркенсе*. По выражению самого Честертона, речь в этих главах-рассказах пойдет о делах, "в которые невозможно поверить и о которых, как воскликнет измученный читатель, невозможно читать"**. Книга искусно выстроена и написана более непринужденным стилем, чем обычный честертоновский; эти истории поглощаешь с удовольствием и не отрываясь.

Первый рассказ начинается с загадки. Почему добропорядочный полковник Крейн, ветеран Первой мировой войны, отправляется в церковь, надев на голову шляпу из капустного кочана? Зачем он крушит свой цилиндр, водружает его на пугало, торчащее в его же огороде, а сам почти неделю расхаживает в новой "шляпе" повсюду? Все, кто видит его, шокированы, однако слишком вежливы, чтобы вслух поинтересоваться, отчего случилось так, что полковник, судя по всему, сошел с ума.

В конечном счете выясняется, что полковник еще раньше поклялся своему другу, юристу Роберту Оуэну Гуду (кстати, одного прославленного уэльского социалиста звали именно Роберт Оуэн***): если Гуду удастся совершить некое деяние, явно казав-

* Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, барон Дансени (1878–1957) — ирландский писатель и поэт. Считается одним из основоположников жанра "фэнтези". Четыре книги более реалистичных историй, посвященных Джозефу Джоркенсу, представляют собой "клубные рассказы" — небылицы о его невероятных приключениях во всех частях света.

** Здесь и далее в цитатах из "Охотничьих рассказов" использован и дополнен перевод Н. Трауберг.

*** Роберт Оуэн (1771–1858) — философ, фабрикант, один из основателей учения социализма, видный социальный реформатор.

шееся невозможным, полковник съест собственную шляпу. Когда же Гуд проделал то, на что, как считал Крейн, тот не способен, полковник выполнил свое опрометчивое обещание, обратив большой кочан капусты в шляпу и таки съев его во время торжественного обеда*.

Как это нередко у него бывает, Честертон сдабривает повествование лирическими приправами. Одри Смит, хорошенькая девушка, изучающая живопись, хвалит Крейна за то, что у него хватило смелости предстать перед окружающими дураком — и это всего лишь ради того, чтобы не нарушить необдуманную клятву. Одри и Клейн влюбляются друг в друга, а из третьего рассказа мы узнаём, что они вот-вот поженятся.

Когда Одри разражается одой внутренней, потаенной красоте капусты, что-то в ее словах напоминает писания Торстена Веблена**. "А вы еще просите прощения, — говорит она полковнику, — что не надели эту черную трубу. Вы же ходили как царь в цветной короне". Девушка продолжает:

> У книжных людей слова стоят между ними и миром. А мы видим вещи, не имена. Для вас капуста смешная, потому что у нее смешное, глупое имя вроде

* Гарднер не совсем точен: по указанию Крейна садовник извлекает из земли "громадный зеленый кочан с длинным корнем". Затем полковник "обрезал корень, вылущил середину кочана и, перевернув его, с серьезным видом водрузил себе на голову". Вареный же кочан появляется лишь на финальном обеде.

** Торстен Веблен (1857–1929) — американский экономист, публицист, футуролог, автор известной книги "Теория праздного класса".

"пусто" или "капут". А она совсем не смешная. Вы бы это поняли, если бы вам пришлось ее однажды нарисовать. Разве вы не были в голландских или фламандских музеях, разве вы не знаете, почему великие художники писали капусту? Они видели цвет и линию — прекрасную линию, прекрасный цвет.

В своем экземпляре этой книги я обнаружил пожелтевшую вырезку из "New York Times" от 12 ноября 1959 года. В ней говорится, что Джеймс Митчелл, тогдашний министр труда США, съел свою "шляпу" после того, как опрометчиво поклялся, что сделает это, если октябрьские показатели безработицы превысят величину, предсказанную им в апреле. Когда его прогноз не сбылся, он заказал изготовить белый слоеный торт в виде мягкой мужской шляпы, посыпанной кофе мокко и с широкой шоколадной лентой. Есть фотография, где Митчелл запечатлен на ступенях Министерства труда запихивающим кусок торта в рот, а имитация шляпы покоится на столе перед ним.

Ну хорошо, а что же за невозможную вещь сделал мистер Гуд? Об этом повествует следующий рассказ.

Полковник Крейн дал необдуманное обещание своему другу-юристу Гуду, который в этот момент удил рыбу на маленьком островке в верховьях Темзы. "Может, ты и много знаешь, — замечает он, — но Темзы тебе не поджечь, готов съесть свою шляпу".

Как и почему Гуду удалось-таки воспламенить Темзу — предмет данного рассказа. В нем участвует

гигантская фабрика из кирпича, выпускающая новый тип краски для волос. Ее возвели на берегах Темзы близ того самого места, где любил рыбачить Гуд. А владелец предприятия — сэр Сэмюэл Блисс, богатый промышленный магнат. Его фабрика загрязняет воздух вонючим дымом и отравляет Темзу, сбрасывая в нее избыток нефти и масел.

С Блиссом заодно профессор Хейк (звучит похоже на "Fake" — обманщик, шарлатан), опубликовавший исследование, согласно которому тонкий слой нефти на поверхности реки служит "предохранительной пленкой", благодаря которой вода станет только чище. Кроме того, в одной из своих книг профессор твердит о лечебной пользе косметики, значительно улучшающей состояние кожи лица.

Здесь, как частенько бывает в Честертоновой беллетристике, также не обходится без романтического элемента. Когда Гуд еще подростком ловит рыбу на том самом островке, перед ним является девушка по имени Элизабет Сеймур, с букетом колокольчиков в руке, который она потом случайно роняет в воду, а он по-рыцарски прыгает за ним. Юный Гуд с первого взгляда влюбляется в незнакомку, однако вновь они встречаются лишь через шесть лет — неподалеку от гнусной фабрики.

Гуд объявляет себя горячим сторонником Хореса Хантера — приятеля Блисса и кандидата в члены парламента, ведущего активную избирательную кампанию. На самом-то деле наш герой презирает Хантера и его консервативные воззрения. И вот накануне выборов Гуд устраивает факельное шествие. Однако, вместо того чтобы его возглавить,

он швыряет свой факел в загрязненную нефтью Темзу, и река вспыхивает.

Прежде чем кинуть факел, он произносит перед толпой страстную, но язвительную речь, трижды повторив строку Эдмунда Спенсера*: "Теки, река, пока не кончу петь". Десятилетия спустя Томас Вулф, в своем великом гимне американским рекам (смотри его роман "О времени и о реке"), поступает точно так же, прерывая свое длиннейшее перечисление рек той же строкой. Уж не знаю, позаимствовал ли Вулф этот рефрен у Г.К.Ч. или сам придумал?

В своем издании "Охотничьих рассказов" я нашел еще одну небольшую вырезку, источник которой в свое время позабыл указать. В ней цитируется следующий абзац из статьи, напечатанной в газете "Illustrated London News" от 3 марта 1906 года:

> Кому-то действительно удалось поджечь Темзу. Потоки нефти, вырвавшиеся на свободу из-за недавнего наводнения, загорелись. Возникло такое впечатление, будто сама вода обратилась в пламя.
>
> Возможно, именно это событие подарило Г.К.Ч. идею для его диковинной истории.

Честертон вместе со своими друзьями стоял во главе политического течения, именовавшегося дистрибутизмом. Основной его идеей было требование

* Эдмунд Спенсер (1552–1599) — английский поэт, автор знаменитой эпической поэмы "Королева фей". "Теки, река, пока не кончу петь" – перифраз строки из "Буколик" Вергилия.

более равного распределения богатства, позволившего бы сократить разрыв между очень богатыми и очень бедными. Дистрибутизм имел мало общего с социализмом, но при этом и не защищал ничем не ограничиваемый капитализм. Кое-какие элементы дистрибутизма вплетаются в рассказы, составившие эту книгу. Особенно это касается третьего.

Политики в одном английском графстве вдруг по непонятным причинам запрещают гражданам разводить свиней. Запрет особенно тяжко ударяет по Джону Харди, владельцу кабака "Голубой боров", держащему множество этих животных, ибо заведение славится своими фирменными завтраками — яичницей с ветчиной.

Капитан Хилари Пирс, обаятельный молодой авиатор, влюблен в Джоан, дочку кабатчика. Разгневанный новыми законами против свиней, Пирс решает публично высказать протест, нарушая запрет всеми способами, какие только может выдумать. Он заводит домашнюю свинку. Некоторое время капитану приходится провести в тюрьме — за ввоз свиней в графство. Он катает хавроний на поездах, замаскировав их под диких животных или под больных, отправляющихся на лечение. Самая же смелая его причуда — создание гигантского дирижабля в форме свиньи. Это его дар Джоан. Аппарат летит над полями, и с него спускаются на парашютах десятки хрюшек! Потрясающее событие, начисто опровергающее старую пословицу насчет того, что свиньи, как и коровы, летать не умеют!

Финал рассказа — скомканный, но счастливый. Запрет на свиней таинственным образом снят.

Выясняется, что антисвиные постановления — дело рук некоего Еноха Оутса, довольно обходительного капиталиста из штата Мичиган, сговорившегося с британскими властями: так этот американский делец хотел устранить английских конкурентов и стать Оутсом — "самым крупным в мире поставщиком свинины". Когда же благодаря эскападам капитана Пирса его дело оказывается проигранным, американец, передумав, распоряжается отменить это постановление и обращается к другим делам.

Джоан и ее отец считают Пирса сумасшедшим, но Джоан все равно его любит. Лишь в пятом рассказе мы узнаём, что они поженились, а кроме того, выясняем и то, каким новым бизнесом занялся Оутс. А перед этим нам поведают историю о загадочном звере пастора Уайта.

Преподобный Уайт — чудаковатый священник, служащий в англиканской церкви, которая располагается в глухой деревушке Пандерз-Энд — "Западней Заката". Сей холостяк обожает розыгрыши и частенько пишет загадочные послания, которые начинаются подписью "Искренне ваш", а кончаются обращением "Дорогой сэр!". Однажды письмо от почтенного викария получает и Оуэн Гуд. Послание это весьма озадачило самого Гуда, а также полковника Крейна и капитана Пирса. В письме неоднократно говорится о спутнице преподобного — некой Снежинке; однако он не раскрывает, кто это такая.

В этом же письме Уайт предвкушает, как все перетрусят, если Снежинка "научится ходить на двух ногах". Трое друзей делают вывод, что Сне-

жинка — это либо младенец, либо четвероногое животное — возможно, собака или кошка, пони или обезьяна. Пирс же считает, что Уайт, возможно, увлекся спиритизмом и Снежинка — чья-то неприкаянная душа.

Заинтригованный тайной, Пирс решает отправиться на своем аэроплане в Пандерз-Энд, чтобы наконец выяснить, кто же такая Снежинка. Но его путешествие оканчивается провалом. Он возвращается еще более озадаченным.

Не стану портить читателю удовольствие и раскрывать тайну Снежинки, позволю себе лишь намек. Хитроумный Уайт обещал кое-что продать на деревенской ярмарке, носящей название "Белый Слон". Ярмаркой заправляет высокая представительная женщина, на которой пастор Уайт когда-то надеялся жениться.

Кстати, Снежинкой звали котенка Алисы в книге Кэрролла про Страну чудес. Это имя появляется также в великом фантастическом романе Честертона "Человек, который был Четвергом". Когда таинственный персонаж по имени Воскресенье, спасаясь от полиции, бежит по Лондону, он бросает преследователям абсурдную записку, подписанную "Снежинка".

В пятой главе нам позволяют заглянуть в молодость наших четырех героев — капитана Крейна, Оуэна Гуда, Хилари Пирса и преподобного Уайта. Объединенные склонностью к чудачествам, они еще давным-давно создали клуб "Сумасшедший дом". И вот теперь, после событий, описанных в преды-

дущей главе, друзья решают, что их маленькому сообществу необходимо что-то вроде фона — здравомыслящий человек, которого будут поражать их причуды.

Они хотят отыскать человека нормального и недалекого — практичного, богатого дельца. "Я хочу сказать, человека глупого", — поясняет Гуд. И все они сходятся на том, что Енох Оутс, сколотивший состояние на покупке и продаже свиней, — как раз такой человек, какой им нужен. "Енох мне нравится... — объявляет Гуд. — Хороший человек, простой, темный... Конечно, он разбойник и вор, но сам-то об этом не знает".

Они зовут Оутса на обед, и тот принимает приглашение. Неутомимый болтун, он разражается монологом о том, как торговал сотнями тысяч свиней и делал искусственный шелк из ушей этих животных, а потом изготавливал из него красивые дамские кошельки. Эти кошельки именовались "Свиной шепот" (ибо производились из свиных ушей) и пользовались громадным успехом.

"А мы еще думали, что мы не в себе! — позже восклицает Пирс, обрушивая на читателя поток настоящего дистрибутистского красноречия. — Да мы перед ним просто звери полевые! Американский бизнес безумней всего, что ни выдумай!"

Полковник Крейн, вернувшись из своих кругосветных путешествий, напоминает друзьям, что во всех цивилизациях, в том числе и у диких племен, самым здравомыслящим оказывается тот, кто исполняет обычаи своего племени. И самый лучший человек — тот, кто носит кольцо в носу, если

так велят традиции племени. Оутс — хороший член племени, у него в носу — кольцо, это кольцо — американский бизнес. "Кольцо в носу смешит того, кто их не носит, — продолжает Крейн. — И понятие "народ" смешно тем, кто ни к какому народу не принадлежит". Оутс — абсолютно нормальный, отлично приспособленный к жизни американец, достойный всяческого восхищения. Он — хороший муж, у него любящая жена, он прекрасный отец, а кроме того, он, по всей видимости, совершенно не ведает о безумствах капитализма.

Хилари Пирс посещает Оутса в лондонском отеле и обращает внимание богача на то, что, борясь с конкуренцией и склоняя британских политиков к тому, чтобы ввести запрет на разведение свиней, американец нанес огромный ущерб жене Пирса и ее отцу, владельцу кабачка, ибо их благосостояние целиком зависит от свиней. "Как, по-вашему, справедливо ли, чтобы ваша романтика погубила нашу?" — вопрошает Пирс.

"Серьезная проблема, — отвечает Оутс. — Это надо обсудить".

Обсуждение происходит в следующей главе.

Из всех честертоновских рассказов я больше всего люблю историю об удивительном учении профессора Грина. Эта глава начинается как непосредственное продолжение предыдущей. Мы узнаём, что после единственной беседы с Оутсом капитан Пирс каким-то образом убедил его отбросить капиталистические замашки и принять — как называл это Г.К.Ч. — дистрибутизм!

Дистрибутисты убеждены: в свободном обществе каждый должен обладать собственностью, это — краеугольный камень. Судя по всему, Оутсу раньше и в голову не приходила мысль о частной собственности. Прозрев, он отдает свою энергию и свои миллионы на то, чтобы обеспечить фермеров по всей стране фермами, которые будут принадлежать им самим! Как мы узнаем позже, Оуэн Гуд, друг Пирса, и в самом деле обзавелся фермой, которую не замедлил окружить рвом с подъемным мостом, под гордым девизом: "Дом англичанина — его крепость".

Прогуливаясь однажды по полям, Пирс и Крейн проходят мимо дома профессора Оливера Грина, знаменитого астронома. На предстоящем астрономическом конгрессе Грин должен выступить с докладом о своей новой теории.

Это учение — аналог Эйнштейновой общей теории относительности. Поскольку всякое движение происходит относительно фиксированной точки отсчета, не важно, что принять за такую точку. Грин объясняет Пирсу: "Если выехать из деревни на автомобиле, вы будете удаляться от деревни, но столь же верным будет предположение, что деревня уезжает от вас".

Позже Грин растолковывает свою теорию Марджери Дейл, дочери соседа-фермера. Почему бы не принять Землю за фиксированную точку отсчета и не заключить, что Солнце вращается вокруг нее? Это — самая суть общей теории относительности Эйнштейна, хоть я и подозреваю, что Честертон этого не осознавал. Уравне-

ния относительности совершенно не изменятся, если предположить, что Солнце движется вокруг Земли. "Я так и думала", — восклицает Марджери. Точно так же можно сказать, что Земля вращается вокруг Луны. Мы выбрали Землю как неподвижную точку отсчета лишь из соображений простоты и удобства. "Ой, как хорошо! — радуется Марджери. — Значит, корова перепрыгнула через луну!"

Грин начинает цитировать продолжение этого детского стишка: "Собачка смеялась..." — и, вдруг умолкнув, разражается хохотом, изумляя девушку. Было бы ничуть не удивительнее, если бы засмеялась корова. Профессор Грин испытал что-то вроде прозрения. "Мир прекрасен, — заявляет он. — И вы прекрасны".

Ученому предстоит выступать с докладом на тему "Соотношение теории относительности и относительного движения планет". Но, передумав, он шлет устроителям конгресса телеграмму, где извещает, что меняет тему, так как только что обнаружил неизвестную науке планету!

Коллеги с нетерпением ждут его сообщения об этом открытии, однако по ходу лекции они всё больше приходят в замешательство. Грин начинает с описания экзотической флоры и фауны новооткрытой планеты, рассказывая о деталях, какие не разглядеть ни в один телескоп. Он говорит о неких живых объектах, что "тянутся вверх, непрерывно дробясь на отростки, которые, в свою очередь, покрыты зелеными полосками или языками". Он повествует о чудовищах "на четырех цилиндриче-

ских подпорках, увенчанных несколькими причудливо изогнутыми конусами".

Сидящий в первом ряду капитан Пирс кричит: "Да это же корова!"

"Конечно, корова", — подтверждает Грин. Затем он начинает размахивать руками, обзывая собравшихся "кучкой зануд, которые ни разу в жизни не посмотрели на мир, в котором существуют". После чего докладчик начинает петь хвалу женской красоте.

К этому моменту председательствующий заключает, что Грин сошел с ума. Профессора пытаются стащить со сцены, но его спасает капитан Пирс: он заявляет, что Грин — единственный нормальный человек в зале, и затем увозит его на своем аэроплане.

И наконец, вот вам результат моих отчаянных попыток хоть как-то изложить краткое содержание последних двух глав этой книги. Граф Иден становится премьер-министром. (Этот Иден не имеет никакого отношения к сэру Энтони Идену, возглавившему британское правительство много десятилетий спустя.) Енох Оутс начинает раздавать фермы фермерам, что порождает волну недовольства среди сельского населения Англии. Лорд Иден принимает решительные меры, дабы побороть эти настроения, и решает национализировать всю землю в стране. У богатых землевладельцев планируется конфисковать угодья — однако тут же передать обратно под их же собственное управление.

Национализация земли становится поводом для революции, которую, разумеется, возглавляют полковник Крейн и его друзья. Теперь они именуют себя "Охотничьей Лигой". На них работает гениальный ученый Белью Блейр. Это он некогда построил дирижабль-свинью и помогал Пирсу выручать из беды Оливера Грина.

Война сия завершается еще более нелепо, чем битвы в "Наполеоне Ноттингхилльском" и "Перелетном кабаке". Блейр создает исполинский дирижабль в виде за́мка. С него он как снег сбрасывает многочисленные письма и пропагандистские листовки на все окрестные земли. В перерывах огромный "воздушный замок" держат в подземной лаборатории, где Блейр изготавливает другие воздушные объекты, а также всевозможное причудливое оружие.

Крестьяне по всей Англии радостно присоединяются к восстанию. Под предводительством Охотников они быстро свергают невежественное и неумелое правительство, чтобы построить новую Англию — на идеях дистрибутизма! Автор намекает также, что астроном профессор Грин, влившийся в движение Охотников, теперь наслаждается романом с Марджери, дочерью фермера.

Чтобы хоть отчасти передать безумие этой аграрной революции, в рассказ введена сцена, где воины Охотников находят способ каким-то образом сгибать огромные деревья, превращая их в катапульты, посыпающие врага дождем стрел и камней. Вскользь упоминается даже, что Хейк (нехороший ученый из второй главы), по всей видимости,

изобрел некую бомбу страшной разрушительной силы. Он предлагает правительству "новое взрывчатое вещество, способное изменить геологическое строение Европы и утопить в Атлантическом океане наши острова". К счастью, "ни кебмен, ни клерки, как он их ни уговаривал, не помогли ему перенести это вещество из кеба в кабинет".

"Охотничьи рассказы" вышли в 1925 году; в Англии их опубликовало издательство "Cassell", а в Америке — "Dodd, Mead". Перед этим все восемь глав-рассказов напечатал журнал "Storyteller" ("Рассказчик") — в номерах с июня 1924-го по март 1925-го. Эта книга вошла в восьмой том "Собрания сочинений" Честертона, выпущенного издательством "Ignatius Press". Дональд Барр, издатель "Охотничьих рассказов", написал к ним предисловие и массу ценнейших примечаний.

Джон Петерсон сообщил мне в письме, что в 1908 году Честертон поместил в "Daily News" короткую историю под названием "Охотники". Она повествует о группе из четырех человек, решивших основать "Охотничью лигу" — в ознаменование "двойственности" Англии, где "традиции героических стрелков из лука" сплетаются с "невероятным легковерием ее жителей"*. История эта позже вошла в сборник Г.К.Ч. "Смятения и шатания" (1910) и в том 14-й "Собрания сочинений" Честертона (Сан-Франциско: "Ignatius Press", 1990).

* В буквальном переводе "Tales of the Long Bow" — "Рассказы Большого Лука".

Глава 18
"Когда ты была рыбкой, головастиком — я..."

Существуют бесчисленные примеры авторов, которых известный критик Бёртон Стивенсон окрестил "поэтами одного стихотворения". Это поэты, опубликовавшие множество произведений, из коих лишь одно стало знаменитым. В числе примеров — создатели "Кейси-отбивающего", "Ночи перед Рождеством", "Дома у дороги", "Где начинается Запад", "Последнего аккорда", "Старого дубового ведра" и массы других популярных творений, которые наверняка переживут всю обильнейшую продукцию Эзры Паунда.*

Лэнгдон Смит, автор поэмы под названием "Эволюция", представляет собой случай крайний. Насколько

* "Кейси-отбивающий" – бейсбольная баллада американского поэта и прозаика Эрнеста Тейера (1863–1940), см. о ней далее в этой же главе. "Ночь перед Рождеством" ("Рассказ о визите святого Николая") – стихотворение Клемента Мура (см. главу 16). "Дом у дороги" – стихотворение Уолтера Фосса (1858–1911), американского поэта и библиотекаря. "Где начинается Запад" (1917) – стихотворение американского поэта и журналиста Артура Чепмена (1873–1935), впоследствии положенное на музыку Эстеллой Филлео. "Последний аккорд" (1858) — стихотворение английской поэтессы и филантропа Аделаиды Анны Проктер (1825–1864), приобрело известность после того, как в 1877 году его положил на музыку английский композитор Артур Салливан (1842–1900). "Старое дубовое ведро" (1817) — сентиментальное стихотворение американского писателя, журналиста и издателя Сэмюэла Вудворта (1784–1842), посвященное одноименному кубку, традиционно разыгрываемому среди университетских футбольных команд штата Индиана.

известно специалистам, за всю жизнь он опубликовал лишь это стихотворное произведение!

Как ни странно, я стал, похоже, единственным человеком, который вообще счел нужным поинтересоваться, кто же такой был этот Лэнгдон Смит. Моя статья о нем, озаглавленная по первой строке его баллады, вышла в "Antioch Review" (осень 1962). Она воспроизводится здесь; к ней добавлен постскриптум, где сообщаются кое-какие дополнительные факты о Смите и его поэме, которые я с тех пор узнал. Честно обещаю выплатить триста долларов тому, кто пришлет мне напечатанную где бы то ни было поэму Смита "Бесси Мак-Колл из Суицид-Холла".

В 1941 году Т.С. Элиот поразил литературную общественность, составив антологию "Киплинг: избранные стихи". Студенты последних курсов, изучавшие английскую литературу и раньше стыдившиеся признаться, что могут цитировать наизусть большие куски из "Мандалая", "Сапог", "Гунги Дина" и "Дэнни Дивера", теперь вдруг расхрабрились и принялись извлекать киплинговские сборники из темных, недоступных углов своих шкафов, отважно переставляя книги Киплинга на те полки, где их могли увидеть гости.

Во введении к своей антологии Элиот проводит важное разграничение между "поэзией" и "стихами". У стихов, говорит он, простой метрический размер; они выражают ясные, недвусмысленные идеи. Форму и содержание можно полностью — или почти полностью — ухватить уже при первом чтении. Поэзия же от них в известной мере отличается. Ее стилистика и идеи тоньше, они не так прозрачны, и их труднее воспринять целиком, читая текст впер-

вые. С каждым перечитыванием в поэзии открываются новые смыслы.

Элиот вовсе не считал такое различие оскорбительным. Поэзия и стихи — разные вещи, и у них разные цели. Киплинг не *пытался* создавать поэзию. То, что он хотел делать, он делал, и притом замечательно. Когда он пишет (в "Джонни Дивере"): "Эй, что за всхлипы там, вверху?", Элиот хвалит его: слово "всхлип" — "совершенно точное". (Возможно, у Элиота вертелась в голове строчка из Киплинга, когда он использовал это слово сам, описывая конец мира в финале своих "Полых людей"*.)

Короче говоря, Элиот считал, что Киплинг сочинял великие стихи.

На мой взгляд, "Эволюция" Лэнгдона Смита — тоже великие стихи. Может, и не такие великие, как у Киплинга, но достаточно хорошие, чтобы заслужить внимание критиков. Что же касается их популярности, то в ней нет ни малейших сомнений. Поэму перепечатывали в десятках антологий "самых любимых" стихов, причем обычно с большими искажениями: такова судьба многих поэтических творений подобного рода. (Так, в сборнике "Самые любимые стихи американского народа", составленном Хейзел Феллеман, в поэму вкралось не менее шести вопиющих ошибок.) Трудно отыскать геолога или биолога, который бы никогда не читал эту поэму; более того, под ее обаяние склонны подпадать самые неожиданные люди. Как-то раз, много

* "Вот как кончится мир, / Не взрыв, но всхлип". (Перевод А. Сергеева.)

лет назад, я сидел за столиком чикагского ресторана "Томпсон" с группой фокусников, приехавших в город на свою профессиональную конференцию. Было три часа ночи. В разговоре каким-то образом всплыло слово "эволюция". Гарри Блэкстоун, один из величайших иллюзионистов в мире, в этот момент держал в руке колоду карт. Он положил ее на стол, прочистил горло и наизусть прочел поэму Лэнгдона Смита с начала и до конца. У него не было особых причин ее заучивать, просто она увлекла его еще в юности.

Литературные критики редко интересуются "стихами", разве что их автор — знаменитый писатель (скажем, Эдгар Аллан По), а потому вполне понятно, что им вообще не нашлось что сказать о Лэнгдоне Смите. Насколько мне удалось выяснить, никто из критиков не удостоил его даже крошечной заметки. Если уж говорить о Смите, то самое в нем примечательное — то, что о нем почти никогда ничего не говорили.

Он работал газетным репортером в херстовских газетах, выходивших в Нью-Йорке. Биографические сведения о нем можно почерпнуть из двух весьма скудных источников — коротенькой статьи в справочнике "Кто есть кто в Америке, 1906–1907" и некролога в "New York American" от 9 апреля 1908 года, страница 6.

Краткий очерк в "Кто есть кто" дразняще туманен. Сообщается, что Смит родился в штате Кентукки (город не указан) 4 января 1858 года, получил образование в средней школе Луисвилля (1864–1872), а 12 февраля 1894 года женился на Марии

Антуанетте Райт. (В его некрологе говорится, что она была родом из Луисвилля.) Подростком он участвовал в войнах с команчами и апачами, а позже работал военным корреспондентом во время боевых действий против индейцев-сиу. Затем "New York Herald" направила его на Кубу, а вскоре, в 1895 году, там вспыхнула война за независимость. Когда Соединенные Штаты объявили войну Испании, он работал на Кубе корреспондентом "New York Journal". Далее в очерке повествуется о том, что он присутствовал при обстрелах Сантьяго, стоял в Гуантанамо на одном холме с бойцами морской пехоты США и стал свидетелем сражений при Эль-Канее и Сан-Хуане. Завершается эта биографическая справка так: "Автор кн. "Житье попрошайки", рассказов. Адрес: Нью-Йорк, Нассау-стрит, 154".

Никакой книги под названием "Житье попрошайки" никогда не издавалось. Что это — неопубликованная рукопись? Художественный текст или документальный? Может быть, название — мистификация? А его рассказы когда-нибудь печатались? Я так и не сумел найти ответ ни на один из этих вопросов.

Помещенный в "New York American" некролог Смита мало что к этому прибавляет, за исключением фотографии да некоторых подробностей, касающихся его болезни и смерти. На снимке изображен привлекательный мужчина с черными усами. В печальном сообщении его называют "одним из самых известных газетных журналистов в стране". Он проработал в своей газете десять лет. Последними среди значимых статей, вышедших под его

именем, стали материалы о втором процессе Гарри К. Соу* и об отправке кораблей Военно-морского флота США в первое кругосветное плавание. Его интервью с тогдашним министром обороны Уильямом Говардом Тафтом вышло 23 марта 1908 года.

Детали биографии в этом некрологе явно скопированы из "Кто есть кто", хотя автор заметки кое-что расцветил. Например, так: "Самое известное его произведение носит заглавие "Житье попрошайки", однако он создал также множество коротких рассказов, которые приобрели значительную популярность". Кроме поэмы "Эволюция", Смит написал (как сказано в некрологе) "широко известную" поэму под названием "Бесси Мак-Колл". (В "Справочнике поэзии Грейнджера"** это произведение отсутствует. Мне так и не удалось обнаружить, когда и где его напечатали.) Друзья прозвали его Денвер Смит — намекая на его юные годы, когда он служил телеграфистом в Денвере. Умер он 8 апреля, у себя дома (Бруклин, Мидвуд-стрит, 148). Ему было пятьдесят лет. О его детях или каких-то других живущих родственниках не упоминается.

На следующий день после его смерти в "New York American", на странице для редакционных

* Гарри Кендалл Соу (1871–1947) — сын питсбургского угольного и железнодорожного магната, больше всего известен как убийца архитектора Стэнфорда Уайта, с которым у него были личные счеты. Громкое преступление повлекло за собой два скандальных процесса. Соу был признан невменяемым.

** "Справочник поэзии Грейнджера" регулярно издается Колумбийским университетом США и охватывает практически все стихотворения и поэмы, выходящие на английском языке.

комментариев, полностью перепечатали поэму "Эволюция", снабдив ее скорбной заметкой, посвященной Смиту: "В нем не было ни манерности, ни аффектации, ни сентиментальности. Он наслаждался жизнью от души, будь то на Великих Равнинах или в большом городе, и дарил радость и тем, кто был с ним знаком, и тем, кто его читал". О поэме в заметке говорилось: "Мистер Смит много раз ее переписывал, прежде чем его наконец удовлетворил результат".

Если пролистать вырезки, касающиеся Смита и хранящиеся в картотеке "New York Journal / New York American", там найдется не так уж много любопытного. В двух тощих папках, посвященных ему, содержится лишь его некролог да образчик спортивной колонки, которую он вел, а также заметка о нем, опубликованная Хайпом Игоу 21 апреля 1939 года. Мистер Игоу, лично знавший Смита, вспоминает яркий пассаж из некогда знаменитого отчета Смита о том, как Эвелин Соу выступала на суде, свидетельствуя в пользу своего мужа. Пишет он и о дружбе Смита с Джимом Корбеттом — в дни, когда Корбетту вот-вот предстояло одолеть Джона Л. Салливана в борьбе за титул чемпиона мира по боксу в тяжелом весе. Очевидно, какое-то время Смит возглавлял спортивный отдел газеты. Игоу упоминает и о другой поэме Смита, сообщая ее более полное название — "Бесси Мак-Колл из Суицид-Холла"; судя по нему, это творение Смита, возможно, забыто вполне заслуженно.

Впервые "Эволюцию" полностью опубликовали на странице платных объявлений в одной из утрен-

них газет Херста, называвшейся в то время "New York Journal and Advertiser". Точная дата неизвестна. Редакционная врезка в журнале "Scrap Book" ("Альбом газетных вырезок"), где была перепечатана поэма (см. номер за апрель 1906, с. 257–259), гласит:

> Как свидетельствует история, в 1895 году мистер Лэнгдон Смит, в то время сотрудничавший в воскресных выпусках "New York Herald", написал первые несколько строф нижеприведенной поэмы. Они были напечатаны в той же газете. Четыре года спустя, временно работая в "New York Journal", мистер Смит случайно обнаружил среди своих бумаг эти стихи, перечитал их, и у него возникло острое чувство незавершенности этого произведения.
>
> Он добавил одну-две строфы и отложил перо. Позже он приписал еще несколько строф и в конце концов, завершив поэму, отправил ее мистеру Артуру Брисбену, редактору "Evening Journal". Мистер Брисбен, не нашедший ей применения, передал ее мистеру С.Э. Расселу в "Morning Journal". Там она и появилась — посередине рекламной страницы "Куплю, ищу". Каким образом она оказалась погребена там — знает, вероятно, лишь безвестный наборщик, которому, по-видимому, явилось некое редакторское озарение, и он решил "оживить" скучную полосу.
>
> Но даже пестрящие вокруг нее "рекламки" не смогли замаскировать поэму. Мистер Смит получил массу восторженных писем со всех концов света, сопровождавшихся просьбами выслать поэму. С тех пор она пользуется неослабевающим спросом, и ее стало почти невозможно достать...

Два года спустя поэму перепечатывает ежеквартальный журнал "Speaker" (сентябрь 1908 г.). С тех пор она много раз выходила в бесчисленных антологиях. Первой такой антологией, насколько мне известно, стала двухтомная "Книга поэзии", составленная Эдвином Маркхемом. "Странно, — отмечает Маркхем, — насколько (мне) известно, это единственное сколько-нибудь значительное поэтическое произведение, которое он написал".

Не менее странно то, что у Маркхема приводятся четыре строки "Эволюции", отсутствующие во всех других публикациях поэмы, какие я видел. В этой антологии последняя строфа начинается так:

> Ведь дыханьем Господь наделяет плоть,
> размягчая всякую твердь;
> и мы знаем: любовь своей нежной рукой
> нас поманит сквозь тлен и смерть.

Едва ли Маркхем стал бы добавлять эти строки, чтобы уравнять по длине последнюю строфу с остальными. Скорее всего, они присутствовали в первой публикации. Остается лишь предполагать, что позже их вычеркнул сам автор.

"Эволюцию" издавали кни́жкой или брошюрой не менее четырех раз. Есть брошюрка, вышедшая без указания года или издательства и сделанная при помощи ручного набора, с рисунками пером, принадлежащими неизвестному художнику. Есть 51-страничная книга в твердой обложке, выпущенная в 1909 году фирмой "John W. Luce and Company", с предисловием Льюиса Аллена Брауна. (Браун

известен в основном как автор популярной книги о религии. Называется она "Мир, который верит".) Всевозможные геологические термины, упоминающиеся в поэме, разъясняются в параллельных примечаниях (их автор не указан). Из предисловия Брауна складывается впечатление, что он лично знал Смита, однако, по всей видимости, это не так. Приводимые им "факты", взятые из уже упомянутых источников, тоже особого интереса не представляют. В 1911 году "W.A. Wilde and Company" выпустила еще одно издание в твердой обложке; декоративное окаймление страниц делал Фред С. Берш. Эта книга, видимо, разошлась весьма широко, ибо до последних лет ее экземпляры частенько попадались во второразрядных книжных магазинах. Перевод на датский, выполненный Йенсом Христианом Беем и изданный за счет переводчика, вышел в 1930 году в датском городе Холстебро.

Как объяснить неувядаемое очарование этой поэмы? Во-первых, в ней есть четкий песенный ритм, благодаря которому текст легко запомнить, а его чтение наизусть столь эффектно. Ее строфы мастерски сделаны, и есть места (Элиот пишет то же самое о стихах Киплинга), по силе и глубине достигающие насыщенности истинной поэзии. Во-вторых, поэма, в сущности, излагает ту же идею, которую подразумевал Дарвин, когда писал в финале "Происхождения видов": "В этом пейзаже жизни есть величие". Смит сумел передать мощную волну эволюции, прокатывающую сквозь все эпохи, от скромного зарождения жизни в сумрачном море до мягкого света ресторана "Дельмонико", и пере-

дать так, как никто не смог это сделать в стихах ни до, ни после него.

И наконец, Смит придавал эволюции четкий религиозный оттенок. Верил ли он сам в переселение душ? Интересно было бы узнать. Образ влюбленных, воссоединяющихся друг с другом в череде реинкарнаций на протяжении долгой геологической истории Земли, в конце XIX века широко использовался в романах и повестях, относящихся к жанру популярной фантастики. Однако Смит подает эту тему довольно шутливо, и трудно сказать, где он говорит серьезно, а где — нет. Именно благодаря этому налету двусмысленности поэму с удовольствием читают все, независимо от того, верит ли читатель в бессмертие души. Так, Льюис Браун, натуралист и последовательнейший материалист, полагал, что в поэме слышится "голос истинного гения" и что ее "самое блистательное достоинство" — то, как Смит умело "вплел золотые нити романтики в свой шедевр, созданный воображением".

Завершая свое предисловие, Браун сообщает, что жена Смита ушла из жизни вскоре после кончины мужа, не прошло и пяти недель*: друзья посчитали это свидетельством тесной и прочной связи между ними. Мне это проверить не удалось. Возможно, это правда, а возможно, и миф, навеянный поэмой. Это одна из многих занимательных тайн, по-прежнему окутывающих поэму и ее автора.

Есть что-то печальное в судьбах "авторов одного стихотворения", они преследуют нас, точно призраки

* Впрочем, см. постскриптум к данной главе.

(по крайней мере, так мне кажется). Бёртон Стивенсон вводит термин "поэты одного стихотворения" в своей книге "Знаменитые одиночные стихотворения и поэмы", имея в виду людей, которые обрели бессмертие, написав лишь одно популярное поэтическое произведение — и больше ничего. И вот из-за этого "больше ничего" они и оказываются буквально вычеркнутыми из истории. "Кейси-отбивающий" впервые появился в "San Francisco Examiner" (кстати, эта газета тоже принадлежала Херсту) в 1888 году. Автор, Эрнест Лоуренс Тейер, — журналист, как и Смит. Это самое известное юмористическое стихотворение в Америке. Что за человек был Тейер? Что еще он написал? "Рассказ о визите святого Николая" — еще одно бессмертное стихотворение; в 1823 году его без подписи напечатала газета "Sentinel", выходившая в городке Троя, штат Нью-Йорк. Автор — Клемент Кларк Мур, преподаватель восточных языков в Теологической семинарии Нью-Йорка. В наши дни его помнят лишь благодаря тому, что как-то раз он наспех нацарапал эти строчки, чтобы прочесть их своим детям на Рождество. Он считал их настолько банальными, что в течение двадцати лет отказывался признавать, что это именно он их написал.

Роберт Грейвс, касаясь темы "авторов одного стихотворения" в своей книге "Об английской поэзии", подразделяет их на два типа: прирожденные поэты, которых настолько давила среда, что они лишь однажды в жизни сумели совершить прорыв и создать свой шедевр, — и те, кто вовсе не является поэтом, но "пишет, чтобы как-то выразить нестерпимый смутный шум, внезапно поднявшийся

в голове". Выплеснув его однажды, они больше не нуждаются в поэзии. Людей первого типа понять нетрудно. Сложнее понять людей второго типа (если такие вообще существуют). Надо полагать, здесь открывается целое поле для исследований, которыми могли бы заняться психологи, специализирующиеся на проблемах творчества.

Литературоведы уже проделали свою работу, узнав о Муре и Тейере все необходимые подробности (обоим уделено внимание в книге Стивенсона); между тем Смита по-прежнему окутывает туман незаслуженной безвестности и анонимности. Даже его фамилия — стёртая, как у анонима: Смит. Но слово "smith" означает также и "кузнец", так что клан ремесленников, породивший Лэнгдона, может гордиться им. Похоже, он избрал для себя яркую жизнь, и по меньшей мере один раз ему удалось выковать яркую балладу. Ее наверняка будут декламировать и спустя много лет после того, как многих современных поэтов, ныне пользующихся самой громкой славой, забудут все, кроме разве что историков литературы.

Лэнгдон Смит
Эволюция

I

Когда ты была рыбкой, головастиком — я,
там, в палеозойской мгле,
мы, рядом поплыв сквозь суровый отлив,
через слякоть и слизь — к земле,

хвостами били изо всех сил
в глубине кембрийских болот,
жизнь была молода, и уже тогда
я любил тебя, не зная забот.

II

Мы любили и жили без всяких тревог
и умерли без труда,
в щелях ордовикской коры до поры
дремали мы в толще льда.
Поднялись континенты, согрелся мир
по прошествии долгих лет,
и, припомнив свой пыл, из наших могил
мы выползли вновь на свет.

III

И вот мы амфибии, в чешуе и с хвостом,
и желты как смертный венок,
мы вились кольцом под каждым стволом,
мы ползли через грязь и песок.
Слепые, безгласные, трехпалыми лапами
чертили мы наугад,
в сплошной темноте, в тишине, в пустоте
путей не знали вперед и назад.

IV

Всё ж любили и жили мы без забот,
не была наша смерть горька,

сохранили наш след на тысячи лет
мезозойские берега.
Но прошла за эпохой эпоха, и вот
сон растаял, сгинула мгла,
и спешим мы встречать утро жизни опять,
и ночь смерти опять прошла.

V

И в джунглях мы средь лиан много дней
порхали, легки и сильны,
ароматы впитав деревьев и трав
даже ночью, не видя луны.
Эти годы прекрасны были, мой друг,
и сердца наши бились в такт,
мир был многолик, и придумать язык
мы пытались то так, то сяк.

VI

Жизнь и любовь, одну за другой
мы по странным кругам прошли,
были рядом всегда, через дни и года,
новый облик мы обрели.
Настало время, и жизни закон
пробудил в нас душу, как мог,
и исчезла тень, и забрезжил день,
и душе приоткрылся Бог.

VII

Я топтался, как тур, я ревел, как медведь,
и бродил, не ища наград,

и не было слёз, и волны волос
тебя укрывали до пят.
И в пещере нашей ни огонька,
ночь спутала все следы,
и краснеет луна, и река холодна,
и кости зверей тверды.

VIII

Взял обломок я камня и заточил,
нет инструмента грубей,
нашел берцовую кость и, лелея злость,
подогнал ее поточней,
и после спрятался в тростниках,
где у мамонтов водопой,
бугры мышц и жил мой камень пробил,
зверя я победил, и он — мой.

IX

Над долиной лунной разнесся крик,
звал я родичей и друзей,
и пришел весь наш мир на багряный пир,
племя наше, что всё смелей.
Над каждым куском, над каждый хрящом
мы дрались, а потом легли
и, щека к щеке, рыча на песке,
о чуде мы речь вели.

X

Я вырезал ту битву на лопатке оленьей
жестокой, мохнатой рукой,

и на пещерной стене, тебе и мне,
и всем, кто придет за мной.
Наш закон был — кровь, и сила, и мощь,
тогда, на рассвете дней,
и эпоха Греха была далека,
пока не стали клыки слабей.

XI

Было это всё миллион лет назад,
никто не помнит о том,
в мягком свете ламп так уютно нам,
и мы завтракаем вдвоем.
Твои глаза глубоки, как в девоне ручьи,
и волос черен, как смоль,
ты так юна и жизнью полна,
душа невинна твоя — но, позволь,

XII

в юрской глине таятся твои следы,
в эоценских плитах — твой взгляд,
и бронзовый век помнит наш бег,
наши кости в песчанике спят,
стара наша жизнь, и любовь стара,
смерть всегда нас готова взять,
но если и так, кто решится дать знак,
что не будем мы жить опять?

XIII

Ведь еще в тремадок Господь даровал
крылья душам, из рода в род,

он посеял нас в предрассветный час,
и я знаю — никто не умрет,
хоть растут города, где цвели луга
и сражались копьем и пращой,
и телеги скрипят, где века назад
мамонт спал во тьме ледяной.

XIV

И пока в "Дельмонико" мы сидим
среди всей этой красоты,
выпьем, радость моя, за года, когда я
головастиком был, а рыбкой — ты.

Постскриптум

Насколько я знаю, моя дань памяти Смиту осталась единственной статьей, когда-либо написанной о нем или о его поэме. Я планировал выпустить целый цикл очерков об "авторах одного стихотворения", а возможно, даже собрать их в отдельную книгу, но пока я сделал только три. Моя хвалебная песнь Эрнесту Тейеру и его "Кейси-отбивающему" впервые появилась в "Sports Illustrated", а позже расширенный ее вариант стал введением к моей книге "Аннотированный "Кейси-отбивающий" (1967). Историю рождественского стихотворения Клемента Мура можно найти в предисловии, написанном мною для сказки Л. Фрэнка Баума "Жизнь и приключения Санта-Клауса", которую переиздал "Dover" (см. главу 16 настоящей книги), а также во введении

к моей "Аннотированной "Ночи перед Рождеством" (Амхерст, штат Нью-Йорк: "Prometheus", 2003).

В тот период, когда Смит писал свою балладу, тема пар, которые вспоминают свою любовь в предыдущих воплощениях, была широко распространена и в поэзии, и в художественной прозе. Самый известный пример — "Осада Вальхаллы" Киплинга, у которой строфика точно такая же, как в балладе Смита*. В "Осаде" есть, например, такая строка: "Ибо я был богом инков тогда, а она — Королевой Морей". Поэму У.Э. Хенли "К У.А."**, завершающуюся словами "Когда я царем Вавилона был, а ты девой-рабыней была", также широко цитировали во времена Смита. Надо заметить, что среди бестселлеров начала 1890-х найдутся десятки романов, в которых так или иначе отражалась тема любви, проходящей череду реинкарнаций. Но лишь Смит придумал соединить идеи реинкарнации и эволюции. Если в английской художественной прозе или поэзии и существуют какие-то более ранние примеры такого сочетания, я с ними не сталкивался. Не знаю и о более поздних примерах, достойных хоть какого-то упоминания. Наверняка балладу Смита не раз пародировали, однако я знаю лишь средней руки пародию, вошедшую в книгу Грантленда Райса "Лишь самые отважные..." (1941).

Поначалу у меня возникло искушение откомментировать геологические термины, встречающи-

* В балладе Киплинга строки сдвоенные, так что строфа состоит из четырех строк, а не из восьми, как у Смита.

** Уильям Эрнест Хейли (1849–1903) — английский поэт, критик, издатель.

еся у Смита, но я решил, что это ничего не прибавит к его поэме. "Дельмонико" в строфе XIV — это, разумеется, знаменитый роскошный ресторан на Манхэттене. При Смите он располагался на углу Пятой авеню и Пятьдесят четвертой улицы, где и пребывал вплоть до 1923 года, когда заведение скончалось естественной смертью. В конце 60-х Лейтли Томас даже издал о нем целую книгу — "Дельмонико": сто лет великолепия".

Я в долгу перед Джанет Джарист — это она разыскала первую публикацию "Эволюции" — в "New York Herald" 22 сентября 1895 года. Текст разбит на четверостишия и проиллюстрирован пятью рисунками. Подписи нет! Несколько лет спустя Смит добавил еще семь катренов, и этот окончательный вариант вышел в "New York Morning Journal". Можно разделить приведенные выше строфы на четверостишия и пронумеровать их (от 1 до 27); в первой публикации отсутствовали катрены 15–19, 25 и 26.

В полных восьмистишиях (от I до XIII) по сравнению с первоначальным текстом были сделаны следующие изменения:

Строфа I, строка 3: *скользкий* заменено на *суровый*,
IV, 6: *минул* — на *растаял*,
V, 4: *под светом луны* — на *не видя луны*,
X, 8: *тупей* — на *слабей*,
XII, 8: *встретимся мы* — на *будем мы жить*.

Все пять исправлений явно пошли на пользу.

Google выдает множество постов, авторы которых сообщают о своей беспредельной любви к этой

поэме и о своих родственниках, которые знают ее наизусть, от начала до конца. Некоторые упоминают и о том, как Джин Шеферд читал "Эволюцию" в своей популярной радиопрограмме.

Смит умер 8 апреля 1908 года. Его сраженная горем вдова 11 июня покончила с собой, приняв яд. Это была ее вторая попытка самоубийства. Она умерла у себя дома, в нью-йоркском Флэтбуше*. Об этом было сообщено в "New York Times", 11 июня 1908 года.

* Флэтбуш — район Бруклина.

Часть VI
Религия

Глава 19
Занимательный случай Фрэнка Типлера

Трудно поверить, что Фрэнк Дженнингс Типлер действи тельно существует. Это весьма уважаемый физик, он работает в Университете Тулейна и является автором многих научных статей. Кроме того, он выпустил две книги, принадлежащие к числу самых необычных и дико винных текстов о религии, какие когда-либо появлялись на свет: "Физика бессмертия"* (1994)*" "Физика христи анства"* (2007).

Новообращенный католик, Типлер убежден, что все великие новозаветные чудеса объясняются с помощью законов физики! Христиане с давних пор верили, что чудеса — нарушение Богом законов природы; на самом же деле, говорит Типлер, Господь, являя чудо, использует эт законы. Моя рецензия на книгу Типлера 2007 *года вышла в "ВкерИсаППашгег" (март/'апрель* гоо8).

Физика христианства" Фрэнка Типлера, специалиста по математической физике из Университета Тулейна, явилась продолжением его же "Физики бессмертия", ставшей бестселлером в Германии еще до того, как в нашей стране ее в 1994 [г°]ДУ опубликовало издательство "БоиЫес1ау". В предыдущей книге Типлер утверждал: всякий, кто разбирается в современной физике, волей-неволей вынужден

Университет Тулейна располагается в Новом Орлеане.

поверить, что в некий момент отдаленного будущего (Типлер называет его "точкой Омега", заимствуя термин у палеонтолога-иезуита Тейяра де Шардена) Господь воскресит каждого человека, когда-либо жившего на земле, и даже всех, кто мог бы жить! Наш мозг будет сохраняться в виде неких компьютерных аналогов, и мы обретем новые духовные тела, чтобы во веки веков счастливо пребывать в раю, описанном в Новом Завете.

В новой же книге, изданной "Doubleday" в 2007 году, Типлер заходит гораздо дальше. Он заявляет, что современная физика способна еще и представить убедительные объяснения всех чудес, лежащих в основе христианской веры, подтвердив тем самым их историческую достоверность, а заодно и дать интерпретацию множества чудесных событий, которые якобы продолжают иметь место; особенно это касается явлений, связанных с католическими святыми. "С точки зрения новейших физических теорий, — пишет Типлер во введении, — христианство — не просто религия, но и экспериментально верифицируемая наука". Перевернитесь в гробу, Мэри Бейкер Эдди!

Неудивительно, что Типлер стал консервативным, ортодоксальным католиком. Свое религиозное обращение он объясняет влиянием Вольфхарта Панненберга[1]. "[Он] провел пятнадцать лет в неустанных попытках — и наконец сумел убедить американского физика (то есть меня) в том, что христианство, неразбавленное кристально-чистое христианство, на самом деле может быть истинным и наука способна это доказать".

Воспринимать чудеса, пишет Типлер, можно:

1) как сверхъестественные события (возможно, вымышленные), которые нарушают законы природы (на этом, как хорошо известно, настаивал Дэвид Юм);

2) как весьма неправдоподобные события, устроенные Богом и при этом не нарушающие никаких физических законов.

Вторая точка зрения и составляет суть новой книги Типлера.

Кто-нибудь мог бы счесть Типлера христианским аналогом Иммануила Великовского. Ортодоксальный иудей, ревностный верующий, Великовский объяснял великие чудеса Ветхого Завета, ссылаясь на законы физики (см. статью Стэнсфилда "Креационизм, катастрофизм и Великовский", "Skeptical Inquirer", январь—февраль 2008). Иисус Навин смог заставить Солнце и Луну замереть в небе, ибо как раз в этот момент Юпитер изверг гигантскую комету, которая прошла вблизи Земли и ненадолго остановила ее вращение. Она же стала причиной того, что Красное море расступилось в то самое мгновение, когда Моисей повелел ему это сделать. С кометы дождем посыпалась съедобная манна, а потом небесное тело успокоилось, превратившись в Венеру.

Великовского не занимали новозаветные чудеса — в отличие от Типлера, который обращается к чудесам Нового Завета, но ни слова не говорит о событиях Ветхого. А было бы любопытно узнать, что он думает о страшной судьбе Лотовой жены или о страданиях Ионы во чреве кита. У Типлера имеется "природное" объяснение для всех чудес хри-

стианства, включая не упоминающиеся в Библии и исключая одно чудо, неопровержимо подтвержденное Римом в 1950 году. Причина всех необычайных событий — Бог, однако при этом "решительно никогда" не отменяется действие каких бы то ни было физических законов.

Типлер посвящает шестую главу Вифлеемской звезде. Он никоим образом не подвергает сомнению точность рассказа Матфея. Появление звезды не было ни каким-то сверхъестественным событием, ни кажущимся сближением Юпитера и Сатурна — астрономическим явлением, о котором пишут некоторые комментаторы Библии. На самом деле, как уверяет нас Типлер, в галактике Андромеды просто взорвалась сверхновая. Бог мудро подгадал так, чтобы вспышка сверхновой сигнализировала о появлении в Вифлееме его единственного сына.

Глава седьмая впервые открывает нам темную тайну Девственного Рождения. Оказывается, оно являло собой редчайший случай партеногенеза! Этот научный термин обозначает размножение, при котором яйцеклетку в недостаточной степени оплодотворяют мужские половые клетки. Явление весьма распространено среди некоторых позвоночных — например, у змей, ящериц, акул, индюков. Типлер не видит причины, почему такое не может происходить у людей, и подозревает, что это действительно иногда случается. Он убежден, что с Марией вышло именно так. Более того, он полагает, что партеногенез Марии можно подтвердить, если тщательно проанализировать кровь Иисуса с Туринской плащаницы!

В подлинности плащаницы автор не сомневается. Представлены две микрофотографии взятых с нее образцов крови, и Типлер заявляет, что их ДНК подтверждает девственность Марии. Да, Святой Дух действительно играл некую загадочную роль в Девственном Рождении, однако само рождение не нарушало никаких законов биологии. В Библии, напоминает Типлер, косвенно намекается, что Иосиф не поверил своей молодой жене, когда она отрицала, что к ее беременности имеет отношение какой бы то ни было мужчина.

Все консервативные христиане верят, что Христос был свободен от первородного греха, ставшего результатом грехопадения и затем передающегося всем потомкам Адама и Евы. Католики полагают, что и Мария избежала первородного греха. (Для католиков непризнание идеи Непорочного зачатия — ересь.) Как Типлер объясняет, почему Иисус и Мария отличаются в этом смысле от всех других людей?

Он дает поистине великолепный ответ: должны существовать особые гены — носители первородного греха! Типлер пишет, что когда-нибудь это подтвердят, идентифицировав такой ген, и тогда он, Типлер (которому пока что-то не удалось обнаружить присутствие подобных генов на Туринской плащанице), объяснит безгрешность Иисуса, а заодно и его матери.

(Дорогой читатель, мне тоже нелегко сохранять серьезное выражение лица, когда я излагаю воззрения Типлера.)

В восьмой главе повествуется о Воскресении Христа. Здесь Типлер ныряет в заумные глубины

квантовой механики (КМ). Он твердо верит в так называемую "концепцию множественности миров", существующую в рамках КМ. Об этой фантастической гипотезе достаточно лишь сказать, что она предполагает реальное существование "мультиверса" — Мультивселенной, состоящей из бесконечного числа Вселенных, подобных нашей. Миллионы этих параллельных миров содержат наши с вами точные копии. Типлер цитирует Стивена Хокинга, который якобы сказал ему, что концепция множественности миров в КМ "истинна до тривиальности".

Если Хокинг действительно так выразился, я полагаю, что он имел в виду следующее: концепция параллельных миров — всего-навсего удобный язык для КМ, но ее бесконечные параллельные миры не "реальны" в том же смысле, в каком реальна наша Вселенная. Однако для Типлера они очень даже реальны, и отрицать существование Мультивселенной — это, как ему представляется, "равносильно отрицанию того, что $2 + 2 = 4$".

Вот вам характерная выдержка из Типлера. Она посвящена Воскресению Христа.

> Предполагаю, что Сингулярность-Сын и Сингулярность-Отец управляли функционированием миров мультиверса, чтобы сконцентрировать энергию частиц, составлявших Иисуса в нашей Вселенной, на теле Иисуса в нашей же Вселенной. В результате мертвое тело Иисуса, покоящееся в могиле, оказалось окутано сфалероновым полем. Это поле должно было дематериализовать тело Иисуса, в течение доли

> секунды трансформировав его в совокупность нейтрино и антинейтрино, после чего энергия, транслированная в наш мир, ретранслировалась обратно, в те миры, откуда ее направили. Обращение этого процесса (с помощью нейтрино и антинейтрино, материализованных в иное тело, хотя и почти наверняка не являвшихся теми же нейтрино и антинейтрино, которые возникли при дематериализации тела Христа) позволяет воссоздать воскресшее тело Иисуса.

Хотя Типлер не считает нужным сообщить что-либо о воскрешении Лазаря и других оживлениях мертвых, упоминаемых в Новом Завете, все они, как нетрудно догадаться, имеют сходное объяснение.

Кроме того, Типлер рассказывает нам (держитесь!), каким образом Иисус ходил по водам. Христос проделывал это великое волшебство, "направляя нейтринный пучок" себе под ноги. Такие же нейтринные пучки ответственны за его вознесение в облака, а также за дематериализацию и повторную материализацию его воскресшего тела. Успение Марии объясняется сходным образом: Типлер рекомендует проверить, не осталось ли в ее гробнице следов субатомных частиц, которые должны были возникнуть при ее взятии на небо. Очевидно, Типлер полагает, что ее труп взлетел на небеса прямо из гробницы, а не во время погребального шествия, как гласит одно из преданий.

В девятой главе автор показывает, как физика объясняет воплощение Бога во Христе, а также реальное присутствие тела и крови Господней в хлебе и вине католического причастия.

Избавлю читателя от изложения других воззрений Типлера, согласно которым в течение ближайших пятидесяти лет компьютеры превзойдут человека по интеллекту. Автор описывает, как мозг, дарованный нам природой, заменят компьютерные аналоги — по мере того как Вселенная будет с неизбежностью приближаться к точке Омега. Когда же эта точка окажется достигнута, непрерывно эволюционирующий Бог станет всеведущим, в том смысле, что теперь он будет знать всё, что можно узнать, — и всемогущим, в том смысле, что он обретет способность совершать всё, что может быть сделано. Как учит Фома Аквинский, есть вещи, которые Господь сделать не в силах — например создать мир, где существуют логически недопустимые объекты наподобие треугольника с четырьмя сторонами или существа, являющегося одновременно и полноценным человеком, и полноценной лошадью. Лучше всего, добавляет святой Фома, не говорить, что есть вещи, которые Бог совершить не способен: следует говорить, что есть вещи, которые сделать невозможно.

Но Типлер предостерегает нас: еще до того, как истекут запланированные пятьдесят лет, разразится Армагеддон, и в этой битве применят такое оружие, по сравнению с которым ядерные бомбы покажутся "шариками из жеваной бумаги". Иудеи в массовом порядке станут обращаться в христианство. Типлер и посвящает свою книгу "Богоизбранному народу — евреям, которые впервые за 2000 лет приблизились к христианской вере". После Армагеддона Иисус во славе своей вернется, дабы править новой землей.

Откуда всё это знает Типлер? Да об этом же сказано в библейском пророчестве! “Перед Вторым пришествием, — замечает он, — я ожидаю увидеть на Папском Престоле еврея”.

Дочитав “Физику христианства”, я какое-то время думал: а вдруг эта книга — тонкая, уморительно смешная мистификация? Но, увы, это не так.

Глава 20
Комический номер: падение Ричарда Робертса

Я родом из Талсы, я там вырос, и меня долго зачаровывали и забавляли ужимки Оурала Робертса и его милого сыночка-певчего по имени Ричард. Как и многие глашатаи пятидесятничества, Ричард пал жертвой собственной любви к показному транжирству. В 2008 году он оставил пост президента Университета Оурала Робертса после обвинений в растрате университетских фондов, пошедших на поддержание расточительной жизни — для него и для его семейства.*

В этой главе я рассказываю историю внезапного падения Ричарда. Впервые она вышла в журнале "Skeptical Inquirer" (март—апрель 2008).

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут.
Мф. 6: 19

В ноябре 2007 года Ричард, сын Оурала Робертса, 59-летний певчий храма пятидесятников, сложил с себя обязанности президента Университета Оурала Робертса в Талсе (УОР). Этот президент четырнадцать лет занимал свой пост — и столько же лет служил посмешищем для всей Талсы. И вот три

* Город в штате Оклахома.

бывших преподавателя университета предъявляют Ричарду и руководству УОР обвинение в том, что те незаконно расходовали университетские средства — они ушли на поддержание роскошного образа жизни Ричарда и его второй жены Линдси. Вскоре последовали три во многом сходных процесса, инициированных этими профессорами как частными лицами.

В День благодарения Ричард заявил, что, хоть он и совершенно невиновен по всем пунктам, Господь повелел ему оставить пост. Всем жителям Талсы хорошо известно: Господь частенько обращается непосредственно к Ричарду и его отцу. В своих телешоу Ричард вполне обыденным манером получает от Бога то, что пятидесятники именуют "словом знания". Ричард выражается так: 'Сейчас эту передачу смотрит женщина, медленно теряющая зрение из-за катаракты. Бог исцеляет твои глаза в это самое мгновение! Возблагодари же Господа!"

Еще в начале 60-х Господь повелел Оуралу: 'Построй мне университет". После того как возвели УОР, Бог обратился к нему снова: "Построй мне больницу". Пока сооружался медицинский центр, который Оурал именовал Градом Веры, Оуралу явилось видение девятисотфутового Иисуса. "Он воззрился на меня, не произнося ни слова. О, я никогда не забуду этих очей. Он простер руки, подхватил Град Веры и молвил мне: "Видишь, как легко мне поднять его!" Близ места, где случилось это видение, поставили щиты, предупреждавшие: "Въезд на Перекресток 900-футового Христа".

В чем Талса не нуждалась, так это еще в одной больнице. Много лет почти все палаты в Граде Веры пустовали, и в конце концов Оуралу пришлось обратить его в офисное здание. Очевидно, так ему порекомендовал Господь.

В университетском городке УОР высятся две гигантские руки из бронзы, воздетые в молении. Одна из лучших местных шуток — история о том, как эти руки однажды опрокинулись из-за небольшого землетрясения. Строители безуспешно пытались вновь поставить их вертикально, и тут к их бригадиру подошел некий человек и заявил: "Дайте мне четвертак, и я покажу вам, как поднять эти руки". Удивленный бригадир дал ему монетку. Тот бросил ее в сторону лежащих на земле бронзовых рук, и те тотчас же подскочили, чтобы ее схватить.

А в 1987 году Оурал снова замелькал в новостях. Господь сообщил ему, что призовет его к себе, если в самом скором времени тот не добудет несколько миллионов долларов, чтобы покрыть свой растущий долг. На всех окрестных машинах запестрели наклейки: "Отправим Оурала на небеса в 87-м". Разумеется, положение спас чек на щедрую сумму от одного флоридца, хозяина площадки для собачьих бегов.

Сейчас УОР бьется над тем, как погасить кредит в 50 миллионов. Несмотря на этот долг, Ричард, как заявляют его обвинители, годами тянул деньги из университетской кассы. Утверждается, что фонды этого учебного заведения пошли, в частности, на одиннадцать дорогостоящих перестроек его особ-

няка. Платяной шкаф Линдси — размером со среднюю спальню. Меньше чем за год она ухнула десятки тысяч долларов на свои туалеты — и это лишь те наряды, что были куплены в магазинах Талсы. Она ездит то на белом внедорожнике "лексус", то на красном "мерседесе" с откидным верхом, и оба они куплены, ремонтируются и заправляются за счет УОР, как уверяют нас недоброжелатели Робертсов. Частным реактивным самолетом, принадлежащим университету, пользуются исключительно Ричард, его семья и его друзья. Полагают также, что УОР заплатил 29 411 долларов за отдых дочери Ричарда и ее друзей в Орландо, штат Флорида, а также на Багамах. УОР приобрел и содержит конюшню, где стоят лошади трех дочерей Ричарда. Телефонные расходы семейства (их тоже, как полагают, оплачивает УОР) составляют в общей сложности до 800 долларов в месяц.

Судя по документу, представленному тремя истцами, "в 2003 году Ричард Робертс получил доходы по следующим статьям: 181 469 долларов — годовое жалованье от УОР; 100 000 долларов — выплаты как вице-президенту Городского центра; кроме того — дополнительные 41 530 долларов в год от Евангелической ассоциации Оурала Робертса". "Oklahoman" (номер от 21 октября 2007 года) сообщает, что в 2005 году Линдси, исполнительный вице-президент ассоциации, получила от нее 77 012 долларов плюс 119 800 — от ее дочерней компании "Trico Advertising". За 2006 год Оуралу Робертсу выплатили 83 505 долларов как попечителю ассоциации.

Патти, первая жена Ричарда, не оценила заверений мужа (которые он повторял вслед за отцом), что Господь ничего не имеет против колоссального богатства и демонстративных трат. Разве в 23-м псалме не сказано: "Не будет у меня нужды ни в чем"? Да-да. А вот в Евангелии рассказывается о том, как Иисус посоветовал богатому юноше продать свое имущество и раздать деньги бедным и тот же самый Иисус заметил, что легче канату (в арамейском, изобилующем созвучиями, слова "верблюд" и "канат" произносятся одинаково) пролезть в игольное ушко, нежели богачу попасть в рай. После того как Патти развелась с Ричардом, она написала книгу "Прах и злато", где мрачными красками изобразила Ричарда и их бурный брак.

Три профессора заявляют в своем иске, что существует двадцать девять фотографий, на которых Линдси запечатлена сидящей в своем спортивном автомобиле после полуночи вместе с каким-то шестнадцатилетним парнем; оба при этом курят. Некоторые лица называют этого парня "молодым человеком Линдси". В заявлении подчеркивается, что в Талсе подросткам запрещено появляться на улице после 22.00 без сопровождения родителей. Я понятия не имею, правда ли всё это, а если да, то что с этой правдой делать. "Обвинения против меня, которые предъявили в каком-то иске... ложны, — провозгласила Линдси. — Они отвратительны мне до глубины души".

Евангелист-пятидесятник Пат Робертсон, давний друг Оурала, открыто сделал пожертвование, чтобы помочь оплатить 50-миллионную задол-

женность УОР. Он предложил заплатить и больше, с условием чтобы УОР снял обвинение с Ричарда.

Трудно представить себе кого-нибудь менее подходящего для руководства университетом, чем Ричард Робертс. Ну да, у него имеется степень доктора философии. Какое же учебное заведение присвоило ее Ричарду? Да, вы правильно догадались: УОР. Подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава УОР ликует, наблюдая уход Ричарда. Похоже, Господь наконец-то дал ему хороший совет.

Глава 21
Почему я не атеист

В наши дни активно раскупается масса книг, рьяно защищающих атеизм; этот список возглавляет "Бог как иллюзия" Ричарда Докинза. Поэтому я поддался искушению и решил было написать книгу о философском теизме. Философский теист — человек, верящий в Бога, но не являющийся последователем какой-либо упорядоченной религии. Перечень таких мыслителей обширен и содержит немало достойных имен. Начинается он с Платона, включает в себя Канта, а из более недавних времен — Уильяма Джеймса, его друга Чарльза Пирса, испанского философа и романиста Мигеля де Унамуно и многих других.

Я все же раздумал писать такой том, поскольку до этого уже защищал философский теизм в двух своих книгах. Одна из них — программная, "Всевозможные "почему" философического писаки" (1983). Другая — безумный роман "Полет Питера Фромма" (1973).

Обе книги переиздаются до сих пор. Они изумили и смутили многих моих преданных читателей, полагавших, что раз я не верю в астрологию, или в гомеопатию, или в то, что Ури Геллер умеет сгибать ложки посредством психокинеза, и раз я один из основателей журнала "Skeptical Inquirer", то я просто обязан быть светским гуманистом!

Нижеследующий очерк — перепечатка главы 13 моих "Почему".

"Если ты прислушаешься к своему сердцу, — сказал Философ, — ты узнаешь все, что есть хорошего, ибо сердце — источник мудрости, из которого мысли бьют в ум, придающий им форму".
Джеймс Стивенс. *Кувшин золота**

Говоря о религиозной вере, я буду подразумевать под ней убежденность (не подкрепляемую логикой или наукой), что существует Бог и жизнь после смерти. Бертран Рассел в свое время определил ее шире — как "твердую уверенность в чем-то, для чего нет доказательств". Если под "доказательством" иметь в виду тот род поддержки, что оказывают нам разум и наука, тогда не существует доказательств бытия Божия и бессмертия, и потому дефиниция Рассела представляется мне замечательно четкой и лаконичной.

Столь чистую веру, не замутненную никакими доказательствами, легко окарикатурить. В своей "Воле к вере" Уильям Джеймс приводит замечание одного школьника: "Вера — это когда ты в чем-то таком убежден, но знаешь, что на самом-то деле это не так". Фидеисты, убежденные в том, что наука, в отличие от веры, не в состоянии познать истину, такую максиму не примут, но если изменить ее на "вера — убежденность в чем-то, истинность чего вам неизвестна", получится не самое плохое определение.

В христианской традиции понятие "вера" имеет два взаимосвязанных, но различных значения: иррациональная уверенность (в этом смысле здесь используется термин "вера") и доверие. Дове-

* Перевод С. Печкина.

рие Богу подразумевает и веру как уверенность. Нельзя доверять человеку, если вы не считаете, что он существует. В обоих библейских Заветах "вера" почти везде означает доверие. Часто отмечают, что в Библии нигде не приводится аргументов в пользу существования Бога. В Христовых проповедях вы их не отыщете. Реальность Бога принимается как должное, ее ни разу не подкрепляют доказательствами. Здесь я не буду рассматривать веру как доверие, а рассмотрю лишь веру как убежденность.

Автор Послания к Евреям начинает знаменитую 11-ю главу, посвященную вере, известным определением, которое Эдгар Дж. Годспид переводит так: "Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом". Для философского теиста это превосходная дефиниция веры как убежденности, хотя далее в этой главе перечисляются случаи веры, служащие примером скорее слепого доверия, нежели убежденности: эти случаи никакой теист-нехристианин не сможет принять как исторические свидетельства и даже как деяния, заслуживающие похвалы.

Так, я не верю, что Господь некогда утопил всех мужчин, женщин и детей на земле (не говоря уж о невинных животных), за исключением Ноя с семейством и других пассажиров его ковчега. Даже если признать, что это миф, нелегко восхищаться "верой" человека, способного представить Господа столь мстительным и немилосердным. Я не верю, что Бог повелел Аврааму убить единственного законного сына, принеся его в жертву. Я знаю, как оправдывают покорность Авраама, я читал книжку Кьеркегора "Страх и трепет", где об этом много

сказано, однако, в отличие от Кьеркегора и автора Послания к Евреям, я не чувствую себя обязанным отыскивать что-то прекрасное или глубокое в этой отвратительной истории. Перед теми, кто не принадлежит к иудеохристианской традиции, Авраам предстает не как человек веры, а как безумный фанатик. Лучше бы он предположил, что внимает голосу Сатаны[1].

Еще труднее восхищаться Иеффаем, который также упоминается в 11-й главе Послания к евреям как человек большой веры и праведности. Поскольку в наше время лишь ортодоксальные иудеи да протестантские фундаменталисты тщательно штудируют Ветхий Завет, позвольте мне призвать вас, если вы принадлежите к числу либеральных христиан, раскрыть Книгу Судей, тоже 11-ю главу, и посмотреть, какие выводы вам удастся сделать из этой кошмарной истории. Прочтите, как Иеффай дал опрометчивый обет, что если он одержит победу над аммонитянами, то по возвращении с битвы принесет в жертву Господу того, кто первым выйдет из его дома навстречу ему. А вышла дочь — его единственное дитя. Невинная девушка так любила отца, что встретила его, танцуя и гремя тимпанами. Прочтите, как бедняжка, движимая своей великой "верой", сама содействовала ополоумевшему судье и воителю. "О Иеффай, судья израильский, — восклицает Гамлет у Шекспира*, — какое у тебя было сокровище!"[2]

Ветхозаветный Бог, как и многие из тех, кто в него горячо "верит", изображается в Библии невероятно

[1] Перевод М. Лозинского.

жестоким монстром. Философский теист, находящийся за пределами какой бы то ни было религиозной традиции, способен выстроить модели Бога, которые будут куда лучше Иеговы. Но при всем при том в Послании к Евреям (11:1), особенно в знаменитых строках, представленных в Библии короля Иакова, великолепно передана мысль о том, что вера (в форме убежденности) отлична от надежды и знания.

Я говорил о Боге и бессмертии как о нераздельных предметах веры; позже я еще вернусь к их связи. Теперь же позвольте мне заметить лишь, что, используя слово "Бог", я подразумеваю Бога, позволяющего нам жить после смерти. И когда я использую слово "бессмертие", я имею в виду именно такое посмертное существование — каким бы его ни сделал для нас Господь. Следуя воззрениям таких фидеистов, как Иммануил Кант и Мигель де Унамуно, а также подавляющего большинства теистов прошлого и настоящего, я полагаю, что эти две убежденности идут рука об руку и укрепляют друг друга.

Не то чтобы их совсем нельзя было развести. Многие мыслители исповедуют веру в Бога, но отрицают посмертное существование, однако почти в каждом случае оказывается, что Бог у них — некое пантеистическое божество. Тому богу, что в известной мере синонимичен Бытию или Природе, явно незачем заботиться о том, будем ли мы, смертные, жить снова, но такой бог — это бог Спинозы или бесплотный Абсолют Гегеля и Ф.Г. Брэдли*, и соз-

* Фрэнсис Герберт Брэдли (1846–1924) — британский философ-идеалист.

дан он явно не по образу человека. Персонифицированный бог, не дающий бессмертия, куда менее справедлив и милосерден, чем вы или я. Смысл персонифицирования Бога — именно в том, чтобы облагородить человеческие качества, а не принизить их.

Возможно, легче надеяться на загробную жизнь или даже верить в нее, не веря при этом в персонифицированного Бога, а существование после смерти рассматривать просто как элемент природы вещей[3]. Подобную точку зрения часто перенимают атеисты и пантеисты, верящие в переселение душ. Среди современных философов Джон Эллис Мак-Таггарт (Кембриджский университет) и американец Курт Джон Дюкасс, француз по происхождению, особенно выделяются среди прочих тем, что сочетают неверие в Бога с верой в существование человеческой души до рождения и после смерти человека. Роберт Ингерсолл, прославленный американский атеист, всегда с готовностью отвергал любой вид божества, однако он, как ни странно, оказался неожиданно терпим к идее загробной жизни. Конечно, можно надеяться на бессмертие, понимая при этом, что шансы невысоки, — точно так же, как вы надеетесь выиграть в лотерею, по-настоящему не веря, что именно вам выпадет счастливый билет.

Хоть и возможно верить в персонифицированного Бога, не веря при этом в бессмертие (и наоборот), оба случая встречаются крайне редко; так или иначе, они не играют никакой роли в моих дальнейших рассуждениях. Я солидарен с Унамуно: почти для всех теистов Бог — это главным образом тот,

кто предоставляет бессмертие. Разве какой-нибудь из учителей веры подчеркивал это больше, чем Иисус? В первой главе своего труда "О трагическом чувстве жизни" Унамуно рассказывает, как он сказал одному крестьянину, что, может, и существует Бог, управляющий небесами и землей, но при этом не исключено, что мы не бессмертны в привычном смысле слова. Тогда крестьянин спросил: "А на что ж тогда Бог?"

Теперь рассмотрим истоки нашей веры. Что побуждает некоторых мужчин и женщин (в отличие от других) совершать это донкихотское душевное сальто, которое Кьеркегор именует "прыжком веры"? Что позволяет им переворачиваться вверх ногами (подобно Данте, достигшему центра Земли и начавшему карабкаться из Ада в Чистилище) и верить в Бога и бессмертие, хотя оба эти воззрения не подкрепляются ни разумом, ни наукой, более того — воззрения эти явно не выдерживают никакой критики?

Большинство людей вообще никогда не задумываются над тем, почему они верят в ту или иную религиозную догму. Они просто впитывают эти убеждения, часто противоречивые, перенимая их от родителей, близких, друзей, от тех культур, что их окружают. Но человек в какой-то степени всё же способен сам решить, верить ли ему в Бога и бессмертие, или, по крайней мере, он способен поразмыслить над таким решением. А тогда — что же можно сказать в оправдание этого прыжка?

Вероятно, в человеческую природу встроена естественная склонность к вере, в чем-то похожая

на естественное желание выпить воды, когда испытываешь жажду. Но "естественная склонность" — это, конечно, понятие устаревшее. Воспользуемся современной терминологией: существует ли генетическая база для веры? Некоторые социобиологи делают такое допущение. Не исключено, что ее уравновешивает наследственная предрасположенность к атеизму, и перед нами что-то вроде противодействия разнонаправленных генетических импульсов, толкающих индивида то к эгоизму, то к альтруизму. Возможно, относительная сила этих двух тенденций зависит от их конкретного носителя, а кроме того, у каждой культуры — свои среднестатистические показатели этой силы? Я не знаю ответов на эти вопросы.

Предположим, не существует генетической основы ни для атеизма, ни для альтруизма. Те же вопросы появятся тогда на уровне биологической и социальной среды. Вполне очевидно, что большинство цивилизаций и культур, описанных в истории человечества, находились под властью тех или иных религиозных систем. Можно ли сказать, что в сравнительно здоровом обществе, хорошо справляющемся со своей работой по удовлетворению людских нужд, наиболее здоровые члены этого общества совершают "прыжки веры"? Даже Фрейд, для которого религия была сродни неврозу, допускал возможность того, что всем культурам необходимы религиозные иллюзии — для того, чтобы поддерживать счастливую и безопасную жизнь.

Советская философия официально создавалась и развивалась как атеистическая, и на про-

тяжении многих десятилетий мы наблюдали в России необыкновенный религиозный эксперимент — попытку властей уничтожить веру в сознании всех граждан страны. Насколько это удалось? Если даже взять высших советских чиновников — кого среди них было больше, подлинных атеистов или же тайных верующих? Как повлияла на Россию атеистическая кампания советской власти — положительно или отрицательно? Существовала ли в России (да и где-либо еще, если уж на то пошло) прямая либо обратная зависимость между психическим здоровьем и верой? Я не знаю ответов и на эти вопросы.

Впрочем, есть один факт, с которым, пожалуй, согласится и атеист, и теист. У многих людей (возможно, у большинства) существует глубокое, неискоренимое желание жить, не умирать. Вероятно, именно это желание, этот страх упасть в "глухую черноту бездны" (слова лорда Дансени) — не более чем проявление генетических механизмов, помогающих избегать смерти. Или здесь нечто большее? Легко понять человека, представляющего себе смерть окончательным исходом, — всё в нашем опыте указывает на это, — однако я разделяю с Унамуно его сильнейшее недоверие к тем, кто кажется счастливым и хорошо приспособившимся к этой жизни, однако всерьез заявляет, что совершенно не хочет жизни следующей. Действительно ли такие люди имеют это в виду? Или же перед нами лишь маска, которую они считают респектабельной, а в глубине души, среди ночи или в какие-то мучительные мгновения они втайне надеются когда-нибудь

с удивлением обнаружить существование милосердного Бога?

То, что "прыжок веры" совершается от страстной надежды и жажды — или, что одно и то же, от глубокого отчаяния и страха, — с готовностью допускает большинство фидеистов; во всяком случае, это относится ко мне самому и к фидеистам, которых я почитаю. Вера — проявление эмоции, чувства, а не разума. Вы скажете: но разве это не принижает веру? Человек — единственное разумное животное, разве не так? Нет, не принижает. Чувство отличает нас от зверей больше, чем разум (по крайней мере — в той же степени, что и разум). Унамуно пишет в замечательной главе, которую я уже здесь цитировал: "Я чаще видел кошку, проявляющей разум, чем смеющейся или плачущей". Верно. То же самое относится к моему настольному калькулятору.

Фрейд полагал, что вера — немногим больше, чем стремление взрослого человека обрести защиту, тепло и уют, какими окружают ребенка любящие родители. Разумеется! Что же еще? Фридрих Шлейермахер* всё это уже высказал, когда вел речь о том, что вера коренится в нашей "тварности", при которой наше выживание зависит от помощи извне.

Истинный фидеист всё это примет. Он даже может (по-моему — должен) сделать еще один шаг, финальный шаг, который станет еще одной уступкой атеистам. Мало того что нет никаких неопровержимых доказательств существования Бога или загробной жизни, наш опыт упорно твердит нам, что

* Фридрих Шлейермахер (1768–1834) — немецкий теолог, философ, проповедник.

природе глубоко наплевать на судьбу всего человечества, что смерть погрузит каждого из нас обратно в "ничто", предшествовавшее нашему рождению. Надо ли растолковывать очевидное? При одном землетрясении погибают тысячи хороших людей. И где ваш Бог? Не только Бога нет, заметил Вуди Аллен, но даже и слесаря-то не дозовешься в выходные. Наше сознание настолько зависимо от физического, материального состояния мозга, что генетические нарушения, лекарства, травмы, болезни, операции и одряхление могут резко изменить нашу личность, способность нормально мыслить и действовать. Даже при обычном сне мы можем на время расстаться с сознанием. Если и имеется какая-то душа, умеющая существовать вне живой серой массы, содержащейся в нашем черепе, то эта душа скрыта от нас так же, как скрыт Бог.

Я согласен с Пьером Бейлем* и с Унамуно: если холодный рассудок созерцает мир, он видит не только отсутствие в нем Бога, но и веские причины заключить, что Бога нет вообще. И в этом "трагическом чувстве жизни" (термин Унамуно), в этом отчаянии приходит на помощь вера — не только как что-то внерациональное, но и как нечто по сути иррациональное. Для Унамуно великий символ верующего — Дон Кихот, его соотечественник. В вере действительно есть донкихотское начало. Давайте это признаем. Давайте допустим всё! Уму рациональному мир *представляется* миром без

* Пьер Бейль (1643–1706) — французский мыслитель, историософ, критик религиозных догм.

Бога, *представляется* миром, где нет надежды на иную жизнь. Считать иначе, верить вопреки очевидности, — это, конечно, род безумия. Атеист ясно видит, что на самом деле ветряные мельницы — это просто ветряные мельницы, что Дульсинея — бедная и невзрачная деревенская простушка, от которой неприятно пахнет. Атеист подобен Саре, которая вполне резонно насмехается над престарелым Авраамом, верящим, что Господь дарует им сына.

Что сказать в ответ? Как фидеисту признать, что ве́ра — разновидность помешательства, греза, питаемая страстным желанием, и при этом все-таки утверждать, что человеку не обязательно быть безумным, чтобы совершить этот прыжок?

Те, что обладают крепкой верой, часто заявляют, что наделены непосредственным осознанием Господа: философы именуют такое знание "прямым". Мистики провозглашают, что воспринимают Бога так же, как человек воспринимает солнце, глядя на него. Мы не станем останавливаться на этих утверждениях. Они не имеют никакого веса для тех, кому неведом подобный опыт. Нельзя экспериментально подтвердить, что некто, объявляющий о такого рода контактах с Богом, действительно поддерживает с ним связь. Во многих случаях есть масса доказательств того, что на самом деле такие видения оказываются попросту иллюзией, галлюцинациями.

Кант выдвинул более тонкое доказательство, оно всем известно. Чистый разум, заметил Кант, не может ни доказать существование Бога или бессмертия, ни показать, что их существование невоз-

можно. Однако живем мы не одним лишь чистым разумом, но и тем, что Кант назвал практическим разумом, а современные кантианцы именуют разумом прагматическим. У каждого, подчеркивает Кант, имеется чувство долга, самосознание (что-то вроде фрейдовского "сверх-Я", суперэго). Это чувство говорит нам, что есть различие между добром и злом и что наша обязанность — по мере сил быть как можно лучше и добрее, тем самым способствуя summum bonum, наивысшему благу человечества. Этот "нравственный закон" внутри нас является захватывающим, словно зрелище звездного неба[4], и настолько мощным, что мы не можем избавиться от убеждения: это "наивысшее благо" когда-нибудь всё же будет достигнуто.

Но оглянитесь вокруг. Без видимых причин страдают и умирают добродетельные люди, часто — дети. При этом люди порочные нередко живут долго и счастливо, ничем не болеют и мирно умирают от старости. Где же тут справедливость? Это может быть справедливо, замечает Кант, только если допустить существование иной жизни — жизни, в которой добродетель вознаграждается, а порок наказывается. Мало того, самосовершенствование в добродетели также требует от человека бесконечного времени, чтобы взращивать в себе нужные качества и с пользой применять собственный опыт. Наша жизнь обрывается, едва мы начинаем учиться жить. Если нет загробной жизни, если нет будущего, в котором окажется достигнута взаимосвязь между добродетелью и счастьем, тогда наше нравственное чувство ложно. Получается, что оно пробуж-

дает в нас страстную надежду, которой не суждено сбыться.

Кант не рассматривает эти аргументы как доказательства в том же смысле, в каком доказывают математические теоремы или с высокой степенью вероятности утверждают о существовании какого-то факта или физического закона. Мы не в состоянии "знать", есть ли жизнь после смерти. Кант настаивает лишь на следующем. Если мы всерьез примем надежду, что по отношению к нашей жизни поступят справедливо, мы обязаны постулировать: загробная жизнь есть. А если существует загробная жизнь, должен быть и Бог, достаточно добрый и могучий, чтобы ее нам обеспечить. Верить в Бога и бессмертие — это не *долг*. Наш долг — всего лишь быть добрыми, и многие атеисты (Кант исключает из их числа Спинозу) могут быть очень добрыми. Но если мы хотим, чтобы наши убеждения соответствовали требованиям нашей нравственной природы, мы вынуждены ввести понятия Бога и бессмертия. Если же у нас есть вера, мы не только признаём их как постулаты: мы верим, что они истинны.

Что из этого должен вывести современный фидеист? Думаю, в защиту кантовских аргументов можно сказать многое, и я еще к ним вернусь. Пока же хочу заметить, что согласен с Унамуно: за тяжеловесным языком "Критики практического разума" кроется простой факт, в котором сам Кант не до конца отдавал себе отчет. Как человек из плоти и крови (если использовать одно из любимых выражений Унамуно) Кант горячо жаждал Бога и бессмертия. Возможно, он и думал, что постулировал существование

Бога, чтобы уяснить смысл того, что человек смертен; на самом же деле он постулировал Бога, ибо ему *нужен был* Бог, чтобы жить. Впрочем, послушаем самого Унамуно. В первой главе своей книги "О трагическом чувстве жизни" он пишет о Канте так:

> Возьмем Канта, человека по имени Иммануил Кант, который родился и жил в Кенигсберге во второй половине XVIII века и в начале века XIX. В философии этот человек по имени Кант, человек, живущий головой и сердцем (то есть вполне человек), совершил неслыханное сальто, как выразился бы еще один (и какой!) человек, Кьеркегор; а именно — головокружительное сальто от "Критики чистого разума" к "Критике практического разума". В последней он восстанавливает то, что разрушил в первой, что бы там ни говорили те, кто не видит самого этого человека...
>
> Кант с помощью сердца воссоздает то, что до этого ниспроверг с помощью головы. А мы знаем из свидетельств тех, кто его знал, и из его собственных писем и частных заявлений, что человек по имени Кант, довольно эгоистичный закоренелый холостяк, преподававший философию в Кенигсберге на закате века энциклопедистов и богини Разума, — человек этот был весьма озабочен одной проблемой, я хочу сказать — единственной по-настоящему жизненно важной проблемой, той проблемой, что затрагивает самые корни нашего существования, проблемой нашей личной, индивидуальной судьбы, — проблемой бессмертия души. Человек по имени Кант отказывался умереть окончательно. И из-за того, что он не соглашался умирать окончательно, он и проделал

этот кувырок, этот смертельный номер с бессмертием, совершив сальто от одной "Критики" к другой.

Если прочесть "Критику практического разума" внимательно и без шор на глазах, всякий увидит, что в ней, собственно говоря, существование Бога напрямую выводится из бессмертия души, а не наоборот — бессмертие души из существования Бога. Категорический императив подводит нас к нравственной посылке, которая, в свою очередь, требует — телеологически или даже эсхатологически — бессмертия души, а для поддержания такого бессмертия как раз и вводится понятие Бога. Всё прочее — лишь жонглерские трюки философа-профессионала.

Кант заявлял, что необходимо ввести постулат Бога, дабы удовлетворить присущее всякому человеку желание нравственной справедливости. Унамуно с этим не спорит. Он лишь яснее Канта видит (или, может быть, сильнее Канта хочет это признать): стремление к моральной справедливости коренится в более глубинной страсти. Для Унамуно, для всех, кто не хочет умирать, кто не хочет, чтобы умирали те, кого они любят, Бог — необходимый постулат, позволяющий избавиться от этих невыносимых мучений. Легко произнести, что вот, мол, Бога не существует; но что на это скажет сердце? "Не верить в то, что Бог есть, или верить, что Бога нет, — это одно и то же, — пишет Унамуно. — А вот примиряться с мыслью, что Бога нет, — это уже совсем другое, такое примирение ужасно и отдает чем-то нечеловеческим. Нежелание, чтобы Бог был, превосходит самые чудовищные нравственные мерзо-

сти. Хотя, собственно говоря, те, кто отрицает Бога, отрицают его из-за того, что отчаялись Его найти"[5].

Унамуно любит напоминать читателям, что ведь в псалме 14 (стих 1) не говорится: "Сказал безумец в *голове* своей: нет Бога".

Есть и другой подход для того, чтобы попытаться оправдать веру. Я предпочитаю рассматривать его как обобщенный случай знаменитого "пари" Блеза Паскаля, но сначала давайте посмотрим, как это "пари" описывал сам Паскаль. Он принадлежал к Римско-католической церкви и, как все тогдашние католики, верил, что у каждой человеческой души — всего две возможных судьбы: либо вечное блаженство в раю, либо вечные муки в аду. Более того, он верил, что будущее состояние души зависит от того, принимает ли человек католические догматы. Таким образом, человек, знающий о доктринах Церкви, оказывается перед выбором — либо принять Церковь, либо отвергнуть ее. И в каждом случае доктрины Церкви могут оказаться истинными или ложными. Допустим, он принимает догматы. Выигрыш — неисчерпаемое блаженство (если Церковь права), если же она ошибается, то проигрыш — самый незначительный. Теперь допустим, что он отвергает католические доктрины. Выигрыш будет незаметен, если Церковь неправа, однако если она права, то его ждут вечные муки. Паскаль замечает: не правда ли, рассмотрев все эти возможные исходы, лучше сделать ставку на Церковь?[6]

Трудно представить себе, чтобы на читателя моей книги произвели впечатление эти Паскалевы

рассуждения. Как указывали их бесчисленные критики, даже во времена Паскаля мусульманская религия уже предлагала столь же устрашающую альтернативу своим потенциальным новообращенным. Но если вы поставите на бессмертие и исламский рай, тем самым вы рискуете попасть в христианский ад со всеми его муками. Кто сможет по-настоящему принять все религии, сулящие подобный же выбор? Тем не менее за Паскалевым пари стоит более широкая идея, которую можно применить к вере в Бога и бессмертие вне связи с конкретными догматами спасения, проповедуемыми какой бы то ни было организованной Церковью. Это обобщение встречается еще в Платоновом диалоге "Федон", где передаются слова Сократа, который перед тем, как выпить цикуту, говорит: пожалуй, всё же имеет смысл рискнуть и поверить в загробную жизнь, "ибо прекрасна награда и надежда велика"*. В более поздние времена классическим защитником этого "обобщенного пари" становится Уильямс Джеймс в своей "Воле к вере" — работе, к которой я сейчас и обращусь.

Джеймс аргументирует свою позицию гораздо аккуратнее, чем он, как считается, обычно это делает. Прежде всего он проводит различие (принципиально важное для понимания дальнейшего) между "живым выбором" и "мертвым (тривиальным) выбором". Живой выбор подразумевает две альтернативы, два пути, которые одновременно удовлетворяют трем условиям:

* Перевод С. Маркиша.

1. Обе альтернативы должны быть достаточно правдоподобны и реальны, чтобы вы по-настоящему могли избрать ту или другую. Во что поверить — что Земля круглая или что она плоская? Когда-то это был живой выбор. Теперь же он мертв, и это касается всех нас, кроме разве что кучки невежественных протестантских фундаменталистов. Верить ли, что преподобный Мун является новым Мессией? Для некоторых наивных молодых людей это живой выбор, но для большинства из нас — нет. Провести ли вам следующий отпуск в Индианаполисе? Этот выбор не является живым, если у вас нет причины или желания туда отправляться.

2. Выбор должен быть вынужденным и неизбежным. Он должен представлять собой явный случай "или — или" (по излюбленному выражению Кьеркегора). Джеймс приводит скромный контрпример: допустим, вы раздумываете, как вам выходить на улицу — с зонтом или без. Вы можете избежать выбора, попросту оставшись дома. Кем становиться — сайентологом или мунитом? Очевидно, что вы не обязаны непременно вступать в какую-то из этих сект. Но выбор между тем, голосовать за кандидата X или не голосовать за него, относится к категории "или — или".

3. Альтернативы должны касаться чего-то важного, а не тривиального. Следует ли вам съесть на завтрак яйцо? Первым двум критериям такой выбор удовлетворяет, но не является живым, так как обе альтернативы подразумевают чересчур незначительные действия. Следует ли вам вступать в брак с определенным человеком? Вот этот вопрос — уже не такой тривиальный.

Идею Джеймса можно изложить просто. Когда мы оказываемся перед живым выбором и когда у нас нет достаточных оснований принять рациональное решение, нам остается принять решение эмоционально — руководствуясь указаниями своей "чувственной природы", как называет это Джеймс. Кто станет отрицать, что, когда на нас обрушивается необходимость принять важное решение и голова этого сделать не может, в дело должно вступить сердце? Но Джеймс идет еще дальше. Он говорит, что, позволяя сердцу взять решение на себя, мы не совершаем ничего иррационального или абсурдного.

Вопрос "Существует ли Бог?" встает перед многими людьми (возможно, перед большинством) как выбор живой. И мы вынуждены этот выбор делать — в том смысле, что мы либо верим, либо нет, третьего не дано. Агностик может не настаивать на том, что Бога нет, но он все равно уже воспользовался своим правом выбора, остановившись на "не верить". Джеймс то и дело уподобляет агностика человеку, который отказывается воспрепятствовать убийству, которое совершают у него на глазах, или вычерпать воду из тонущего корабля, или спасти кому-то жизнь, перепрыгнув через расщелину. Метафоры чересчур мелодраматичны и уничижительны, однако главная мысль — вполне здравая. Если вы избегаете принимать эмоциональное решение по поводу какого-то живого выбора (когда для определенного вывода нет оснований), это само по себе является эмоциональным решением, которое может иметь серьезнейшие последствия. Подобно

Кьеркегору, Джеймс говорит о вере как о "прыжке во тьму". Это прыжок через пропасть, на свой страх и риск. Конечно, надо быть дураком, чтобы совершить такой прыжок без всяких на то причин, однако если причин нет, выбор не является живым. Джеймс подчеркивает: решая, верить или не верить в Бога, многие люди осуществляют живой выбор, поскольку этот выбор повлияет на то, как они потом будут себя чувствовать и жить.

Да, мы совершаем прыжок веры на свой страх и риск, однако то же самое касается и решения не прыгать. Джеймс выражает это на политеистический лад. Человек, который "сам себя запирает в ловушку логики" и требует: "Пусть боги сами добьются, чтобы человек их поневоле признал, иначе тот их не признает вовсе", может "лишиться своего единственного шанса познакомиться с богами".

Свой трактат Джеймс заключает следующей выдержкой из Фицджеймса Стивена:*

> Мы стоим на горном перевале, среди снежных вихрей и слепящего тумана, сквозь который время от времени проглядывают тропы, которые могут оказаться обманными. Если мы останемся неподвижны, то замерзнем и погибнем. Если мы изберем неверную дорогу, то упадем вниз и разобьемся. У нас нет уверенности, что среди этих путей имеется правильный. Что мы должны сделать? "Быть твердыми

* Фицджеймс Стивен (1829–1894) — английский юрист, философ консервативного толка.

и мужественными"*. Старайся ради лучшего, надейся на лучшее и принимай всё, что тебя ждет... Если всё это завершится смертью — что ж, мы не могли встретить смерть лучше.

Сходство с Паскалевым пари здесь очевидно, и в других своих текстах, особенно в трактате "Чувство рационального", Джеймс еще больше усиливает эту параллель. В сущности, он говорит следующее: вера в Бога и бессмертие не подкреплена логикой или наукой, но, поскольку она являет собой живой выбор, мы в данном случае не можем избегнуть эмоционального решения. Если "прыжок веры" делает вас счастливее, значит, для вас лучшая ставка в этом пари — вера. Вы много выиграете и мало потеряете. Вы имеете *право* на веру. (В более поздние годы Джеймс замечал, что ему следовало бы так и назвать свой трактат — "Право на веру".) Полагаю, Джеймсу бы понравилось, как формулирует идею такого же пари граф Мануэль в романе Джеймса Бранча Кэбелла** "Фигуры земли":

— Не исключено, сэр, что так и обстоит дело, однако с вашим убеждением куда удобнее жить, а ведь жизнь — это и есть мое нынешнее занятие. Смерть же я вынужден буду принять, когда настанет черед, и если выбирать между вашим убеждением и моим, то с моим умирать приятнее. Кроме того, если ваше утверждение верно, то я даже не смогу выяснить,

* "Будь тверд и мужествен" (Иис. Нав. 1: 9).

** Джеймс Кэбелл (1879–1958) — американский фантаст и беллетрист.

ошибочно ли мое. Таким образом, если я придерживаюсь глупой старой веры, которую передали мне предки, я выигрываю вчистую, получая по меньшей мере утешительные надежды, и ничего при этом не теряю, — заявил Мануэль со своей всегдашней твердостью[7].

Как мы уже видели в предыдущих главах, Джеймсу было свойственно время от времени впадать в риторику, из-за которой его взгляды так легко высмеивать. Приводимые им многочисленные примеры того, как "вера в факт помогает создать сам факт" (скажем, вера в чей-нибудь карьерный рост или в футбольную победу), явно не имеют никакого *отношения* к вере в Бога. Как будто вера в Бога может каким-то образом способствовать тому, что Бог станет реальностью! Джордж Сантаяна в своем блистательном очерке о Джеймсе[8] справедливо порицает того за эти излишества (которые, по-моему, являются плодом Джеймсова энтузиазма вкупе с его же путаной эпистемологией), однако нападки Бертрана Рассела (в его "Истории западной философии" есть глава, посвященная Джеймсу) бьют совершенно мимо цели — как и его критика Дьюи в следующей главе. Рассел всерьез предполагает, что с помощью системы аргументов Джеймса можно с одинаковой легкостью доказать и то, что "существует Бог", и то, что "существует Санта-Клаус", хотя Расселу следовало бы понять, что гипотеза Санта-Клауса не является живым выбором ни для кого, кроме разве что маленьких детей. Джеймс мог бы показать, что при определенных условиях

ребенок имеет основания поверить в Санта-Клауса, однако, как только он повзрослеет настолько, что сумеет воспринять доказательства, противоречащие этой гипотезе, его вера тотчас же сменит знак на противоположный.

С другой стороны, Рассел, я полагаю, был прав, утверждая, что Джеймс часто писал так, словно его заботили одни лишь практические следствия мышления и деятельности, протекающих в предположении, что Бог есть, а не вопрос о том, действительно ли Бог существует. На мой взгляд, Джеймс не рассматривал веру на столь сверхъестественном уровне. Во всяком случае, большинство фидеистов относятся к вере иначе.

Следует понимать, что каждый, кто совершает прыжок веры, не говорит себе при этом: "На самом-то деле я толком не знаю, существует Бог или нет, и не знаю, будет ли жизнь после смерти, но я считаю эти убеждения удобными, так что сделаю-ка я вид, будто они верны". Возможно, какие-то философы и способны на такой сумасбродный подход к вере (его можно назвать "если бы"), но я никогда не встречал теиста, который мыслил бы таким образом. Совсем наоборот! Верующий обычно больше убежден в реальности Бога, чем в истинности каких бы то ни было научных гипотез.

Это верно даже по отношению к Канту. Явной ошибкой будет обвинять Канта в этом извращенном "als ob"*, которое провозгласили некоторые

* Если бы *(нем.)*.

его немецкие последователи. Да, вера в Бога не является знанием, но Кант, и он признавал это сам, отверг знание, чтобы расчистить место для веры. Для него, как и для Платона, воспринимаемый чувствами феноменальный мир, фанерон, открыт для ученых изысканий, но менее реален, чем трансцендентный мир, для которого фанерон — лишь тень. И это именно наше трансцендентное Я, в данное мгновение оказавшееся в ловушке пространства-времени, посредством веры убеждается в существовании трансцендентного Бога. Кант не только избегает упоминать о Боге как о постулате, принадлежащем к классу "если бы" и менее реальном, нежели Вселенная: нет, он утверждает прямо противоположное.

Немного личного, с вашего позволения. Милостью Божьей я совершил этот прыжок в отрочестве. Когда-то вера для меня неразрывно связывалась с уродливым протестантским фундаментализмом. Постепенно я его перерос и в конце концов решил, что даже не буду называть себя христианином (разве только захочу использовать это слово, чтобы ввести кого-нибудь в заблуждение), но вера в Бога и в бессмертие никуда не делась. Эти мучительные перемены во многом отражены в моем романе "Полет Питера Фромма". Изначальный прыжок не стал каким-то мгновенным и резким переходом. Для большинства верующих никакого перехода и нет. Они просто вырастают, принимая религию родителей, какова бы она ни была. А на других, как все мы знаем, вера обрушивается внезапно, и это обращение ошеломляет, как взрыв, как нежданный удар грома.

Джеймс называет "чрезмерной" убежденность, питаемую лишь сердцем. Но это не значит, что такая вера не является истинной. Это лишь значит, что такие убеждения принадлежат к некой особой разновидности. Почему я верю в теорему Пифагора? Потому что могу проследить за дедуктивным доказательством, основанным на постулатах Евклидовой геометрии, и потому что теорема подтверждается опытным путем. Но этот выбор не относится к категории живых. В каком-то смысле вера в формальную истину, провозглашаемую той или иной теоремой, является тривиальной, пустой верой. Она говорит мне лишь о том, что если я приму определенные аксиомы, а также правила для манипулирования определенными символами, то я смогу создать цепочку таких символов, которую можно будет интерпретировать как Пифагорову теорему. Я верю в формальную истину этой теоремы во многом по тем же причинам, по каким я верю, что не существует женатых холостяков.

Математические теоремы полезны, так как они приложимы к материальному миру, однако эти приложения (как я уже говорил раньше) требуют того, что Рудольф Карнап назвал правилами соответствия: пример — отождествление числа 1 с камешком или звездой, а прямой линии — с лучом света. Переходя от чистой математики к прикладной, мы сразу же попадаем в царство, где гипотезы становятся шаткими, и самое лучшее, что мы можем для них сделать, — это оценить их по степени достоверности. Естественным образом мы сильнее всего верим в те положения науки, что кажутся нам

успешнее подтвержденными, но вера в Бога способна нести с собой убежденность, проистекающую из самого сердца, и она сильнее, чем любое мнение относительно мира. Мне легче поверить, что любой научный факт или закон — не более чем мимолетная иллюзия, навеянная Великим Фокусником и обреченная перемениться, когда Великий Фокусник решит исправить свое Правило, нежели поверить, что этого Великого Фокусника не существует[9]. Но это знание — явно не того же рода, что в математике или прочей науке. Вполне тривиальная истина: мы верим в то, о чем знаем (или думаем, что знаем). Но поверить в то, чего мы не знаем, на что мы лишь надеемся, но не можем увидеть, — вот самая сущность той веры, о которой я веду речь.

Я не без удовольствия готов вместе с Унамуно признаться в том, что у меня нет никаких оснований для веры в Бога, за исключением страстного желания, чтобы Бог существовал и чтобы я, как и другие, никогда не прекращал существовать сам. Поскольку я всем сердцем верю, что Господь поддерживает всё сущее, из этого следует, что мой прыжок веры (каким именно образом — это за пределами моего понимания) явился своего рода ответом на просьбу Бога, находящегося вне меня и пожелавшего, чтобы я поверил, — и Бог внутри меня откликнулся на этот призыв. Теисты заявляли то же самое тысячи раз. Давайте послушаем, как говорит об этом Унамуно[10]:

> Желая, чтобы Бог мог существовать, ведя себя так, чувствуя себя так, словно Он действительно существует, испытывая жажду существования Бога

и поступая в соответствии с этой жаждой, мы тем самым создаем Бога, то есть Бог создает Себя в нас, проявляет Себя в нас, открывается нам. Ибо Господь выходит к тому, кто ищет Его с любовью и движим любовью, но Он скрывается от того, кто ищет Его холодным рассудком, лишенным любви. Господь желает, чтобы обрело покой сердце, а не голова, хотя в материальной жизни происходит наоборот, и голова иногда спит и отдыхает, тогда как сердце бодрствует, неустанно работая. А следовательно, знание без любви уводит нас прочь от Бога, тогда как любовь, даже без знания (а возможно, даже и лучше, если без знания), приводит нас к Богу, а через Бога — к мудрости. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят![10]*

Добавить к этому нечего. Глубинная сущность прыжка веры остается смутной. Признаться, я понимаю ее не больше сущности фотона. Я перечислил несколько элементов, которые способны стать основанием для веры; многих я не назвал; и любой из них Господь может использовать, дабы подтолкнуть кого-то к такому скачку. Не знаю, не знаю! У истоков прыжка, да и у истоков всякого решения, лежит тайна свободной воли, тайна, неотделимая для меня от загадок времени или причинности, от тайны воли Господней.

* Мф. 5: 8.

Глава 22
"Разноцветные земли"

Гилберт Кийт Честертон (Г.К.Ч.) был довольно неплохим художником. Он проиллюстрировал собственный сборник рассказов "Клуб странных профессий" (издательство "Dover" в 1988 году переиздало его в мягкой обложке, воспроизведя все рисунки), а также шесть книг своего друга Хилейра Беллока. Неопубликованные иллюстрации Честертона к детективному роману Уилки Коллинза "Лунный камень" хранятся в Честертоновской коллекции Джона Шоу, принадлежащей ныне Университету Нотр-Дам.*

Насколько мне известно, "Разноцветные земли" — единственная книга, где рисунки Честертона помещены в полноцветном варианте. Далее следует предисловие, которое я написал для нового издания этой книги ("Dover", 2008).

"Самое удивительное во Вселенной, — заметил Честертон в своем эссе о чуде и деревянном столбике, — это то, что она существует". Самое удивительное в Г.К. Честертоне — то, что существовал он.

Если у вас, как и у меня, Честертон любимый герой, то вы сразу обнаружите, что "Разноцветные земли" насыщены его чудесными ранними текстами. Книгу составила Мейзи Уорд в 1938-м, спустя два года после смерти автора. Уорд была другом и биографом Г.К.Ч. Надо

* Университет Нотр-Дам — независимый католический университет в городе Нотр-Дам, штат Индиана.

заметить, что с тех пор вышли десятки его жизнеописаний, однако так и не появилось ничего лучше и точнее работы Уорд — 685-страничной книги "Гилберт Кийт Честертон".

Заглавный рассказ в "Разноцветных землях" повествует о чудаковатом молодом человеке, который дает мальчику Томми по очереди посмотреть сквозь четыре пары цветных очков, окрашивающих всё вокруг в синие, красные, желтые или зеленые тона. Юноша сообщает Томми, что в детстве его зачаровывали цветные очки, но вскоре он устал видеть мир однотонным. Он объясняет: в городе алом, как роза, не увидишь цвет розы, потому что там всё алое. По совету могущественного волшебника юноша пишет пейзаж по собственному хотению:

> И вот я уселся работать, со всевозможным старанием; вначале сделал фон, положив побольше голубого, потому что решил, что посажу в середину белый квадратик; затем я решил, что на верхушке этого белого пятна будет неплохо смотреться золотая каемка, а понизу разбрызгал немного зеленого. Что касается красного, то я к тому времени уже разгадал его секрет. Его требуется очень мало, чтобы оно производило сильное впечатление. Так что я всего-навсего поставил в ряд несколько капель ярко-красного — на белом, как раз над зеленым; и когда я начал прорабатывать детали, постепенно понял, что же я делаю; мало кому в мире удается совершить такое открытие. Мне стало ясно, что я переношу на холст, кусочек за кусочком, всё то, что сейчас перед нами, всю

эту картину. Оказалось, что я сделал белый домик с соломенной крышей, под голубым летним небом, с зеленой лужайкой внизу; с рядком красных цветов, в точности таких, как ты сейчас их видишь. Вот как они там оказались. Думаю, тебе будет интересно это узнать.

Насколько я знаю, Честертон не читал ни одной из четырнадцати книг Л. Фрэнка Баума о Стране Оз. Думаю, он бы изумился, узнав, что у каждой из пяти областей Страны Оз — свой цвет. Страна Жевунов — голубая, земля Мигунов — желтая, южная провинция Болтунов — красная, северная провинция Гилликинов — фиолетовая, а Изумрудный город — конечно же зеленый. Честертон любил каждый цвет. В одном из своих лучших эссе, "Сияние серого цвета"*, он превозносит могущество серого, оттеняющего другие цвета, которые на его фоне кажутся лишь ярче.

В своем весьма тонком предисловии к "Разноцветным землям" Мейзи Уорд напоминает нам о том, что Г.К.Ч. именовал "центральной идеей" собственной жизни, — о том, что людям следует учиться воспринимать всё, от подсолнуха до космоса, как чудо и вечно испытывать благодарность за эту привилегию — быть живыми. Ведь мироздание было бы куда проще и его было бы куда легче понять, если бы не существовало *ничего*, верно? Это ощущение восторженного трепета перед невероятной, устрашающей загадкой того, почему есть

* Перевод Н. Трауберг.

"что-то", а не "ничто" (или, как написал однажды Стивен Хокинг, почему Вселенная "дает себе труд существовать"), — ощущение это может вызвать чувства настолько близкие к сартровской "тошноте", или "головокружению метафизического удивления", как именовал его Уильям Джеймс, что, если бы оно возникало дольше, чем на несколько мгновений, мы бы сошли с ума. В "Разноцветных землях" это чувство пронизывает две миниатюры — эссе "Чудо деревянного столбика" и рассказ "Тоска по дому не выходя из дома".

Вот фрагмент "Чуда деревянного столбика":

> Когда мои мистики заявили, что хотели бы посмотреть на столб, они имели в виду, что предпочли бы его себе вообразить. Как поэты они были куда лучше меня, и они представили его себе, едва увидев. Но я-то мог бы увидеть столбик еще до того, как его себе представил — и, более того (как я уже сообщал), я мог бы почувствовать его до того, как увидел. Для меня этот столб чудесен уже потому, что он *там*; там — независимо от того, хочу я этого или нет. Я как дурак ударился о столб, но если бы в меня ударила молния и я ослеп, столб все равно оставался бы на своем месте — невидимой сущностью вещей. Ибо самое удивительное во Вселенной — то, что она существует, а не то, что мы способны обсуждать ее существование. Все настоящие духовные учения свидетельствуют об этом мире не меньше, чем о мире ином: да, говорят они, материальная Вселенная действительно существует. Космос по-прежнему дрожит до последней звездочки от того мощного пинка,

который доктор Джонсон дал своему камню, когда разгромил Беркли*. Этот пинок был не философией — он был религией.

"Тоска по дому не выходя из дома" предвосхищает давно забытый роман Честертона "Жив-человек"** (в 2000 году его снова издал "Dover", в мягкой обложке). В этом рассказе человек с невозможным именем Бел Ветр пускается в кругосветное путешествие, чтобы вновь обрести угасшее было чувство благодарности и восхищения своей женой и домом. В "Жив-человеке", одной из самых смешных фантазий Г.К.Ч., Бел Ветр заменен Инносентом ("Невинным") Смитом, который колесит по миру с той же целью, что и Ветр. Настоятельно рекомендую вам прочесть этот любопытнейший роман. Главу о нем можно найти в моей "Фантастике Гилберта Честертона".

Одно из прекраснейших стихотворений Честертона, "Второе детство", посвящено знакомому многим чувству изумления перед Вселенной, которая для атеиста является, как заметил Честертон в эссе о Шелли, "самым изысканным и сложным из шедевров, когда-либо созданных анонимным "никем"". Мне кажется, "Детство" — в ряду величайших религиозных стихотворений всех времен и народов. Позвольте мне привести его целиком:

* Прогуливаясь со своим биографом Босуэллом и беседуя о философии Беркли, Сэмюэл Джонсон пнул придорожный камень, воскликнув: "Вот чем я его опровергаю!"

** Перевод К. Чуковского.

Когда склонятся дни мои
к закату, милый друг,
мне все-таки достанет сил,
чтобы глядеть вокруг,
как в детстве я глядел на сад
и на зеленый луг.

Господню милость вижу я
ко всем грехам моим.
Он знает: трепет от дерев
всегда неотделим.
Сияют камни вдоль дорог,
хоть ты не веришь им.

Став слишком старым для любви
и даже для вина,
сияньем всё же неземным
я наслажусь сполна.
Пыль в моей комнате — как снег,
да комната ль она?

Растает благость прежних лет,
но давних ряд чудес
пребудет, хоть не смел просить
такого у Небес.
Привычна радость и печаль,
а дни — как темный лес.

Став слишком старым для любви
и даже для вранья,
я все-таки увижу сам,
как всходит ночь моя,

больших исполнена очей,
страшна, как полынья.

Дай сам я развяжу шнурки
и башмаки сниму,
и прах я с ног своих стряхну,
и всё, что ждет, приму.
Земля тверда, но вечен мир
совсем не потому.

Для обрученья слишком стар,
и брак — удел не мой;
очнувшись, вдруг увижу я:
вверху, над головой,
плывут огромные плоты,
а значит, я живой.

Бьет гром в небесной вышине,
чернеют тучи там,
но все-таки я удивлен
негаданным дождям.
Гордыня, страсти — всё пройдет,
иное нужно нам.

Ковры веселые травы,
небесных окон свет:
нежданна милость и странна,
грехов же словно нет,
и новым станет мир, хоть я
умру на склоне лет.

Глава 23
Цена, которую мы платим

Доброе мы будем принимать от Бога, а злого
не будем принимать?
Иов. 2: 10

Нижеследующее эссе, замаскированное под рецензию, вышло в "New Criterion" (ноябрь 2008).

Барт Д. Эрман. Проблема Бога: как Библия пасует перед ответом на самый важный наш вопрос — почему мы страдаем. "Harperone", 304 с. $25,95.

Я только что дочитал "Проблему Бога", книгу Барта Д. Эрмана, профессора религиозных наук Университета Северной Каролины, в Чепер-Хилле. Его предыдущее творение, "Перевранные цитаты из Иисуса", попало в список бестселлеров "New York Times". Бывший христианский фундаменталист, Эрман окончил чикагский Библейский институт Муди, написал диплом в Уитон-колледже и получил докторскую степень в Принстонской теологической семинарии. С годами он постепенно утратил христианскую веру и в своей новой книге объясняет почему. Она являет собой самое недавнее произведение в удивительно обильном потоке изданий, защищающих атеизм. Подзаголовок гласит: "Как

Библия пасует перед ответом на самый важный наш вопрос — почему мы страдаем".

Подобно всем авторам, пишущим на эту тему (будь то теисты, атеисты или пантеисты), Эрман различает в так называемой проблеме зла два аспекта:

1. Зло, причина которого — человеческое поведение. Сумасшедший расстреливает толпу из автомата. Жизнь убитых оканчивается иррационально — как если бы их унесло землетрясение. Гитлер уничтожил миллионы евреев. Сталин уничтожил огромное количество людей, независимо от их расы, национальности или вероисповедания.

2. Зло, причина которого — природа.

Христианские теологи со времен святого Августина (да и с более ранних времен) доказывали, что Господь не желает предотвращать такие злодеяния, ибо тогда пришлось бы ограничить свободу воли, которую он нам даровал. А если бы нам не хватало свободы воли, любил повторять Гилберт Честертон, незачем было бы говорить "спасибо", когда за столом нам передают горчицу. Свобода воли — сердцевина человеческого самосознания. Одно неотделимо от другого. Мы — не роботы, исполняющие предписанное программой благодаря наследственности и приобретенному опыту. Но, продолжают теологи, если мы вольны выбирать, творить добро или зло, уже сама наша свобода делает возможными дурные поступки. Будь иначе, землю населяли бы не люди, а двуногие беспёрые роботы, подобные социальным насекомым — пчелам, осам, термитам. Это убеди-

тельный аргумент, и Эрман честно его представляет, хотя он-то не собирается попадаться на удочку.

Почему Господь допускает природное зло, объяснить непросто. Одно землетрясение способно оборвать тысячи жизней. Миллионы жителей Африки умирают от голода. В Книге Бытия мы читаем о потопе, уничтожившем почти все человечество, в том числе и младенцев. В этом случае убийцей стала не природа, а сам Господь. Однажды я обедал с адвентистом седьмого дня, настоящим религиозным фундаменталистом. Когда я поинтересовался, как он оправдывает это потопление невинных детей, он поразил меня, заявив, что Бог предвидел будущее и знал, что из всех этих младенцев вырастут дурные мужчины и женщины! Меня так и подмывало вскочить и воскликнуть: "Touché!"* Такая мысль никогда не приходила мне в голову.

Почему Господь допускает страдания множества людей? Есть старый аргумент, он восходит к древним грекам: Бог либо не способен отменить природное зло (в таком случае он не всемогущ), либо способен, но не хочет (в таком случае он не добр). Как теисту проскользнуть между рогами этой устрашающей дилеммы?

Для атеиста это, разумеется, не представляет сложности. Так уж устроен мир, что в нем совершаются всякие злодеяния. Но для теиста проблема может оказаться мучительной. Собственно, потому-то большинство атеистов, вероятно, и являются атеи-

* *Здесь:* "Попал!" *(фр.)* (фехтовальный термин).

стами. Ответ есть, хоть он и вряд ли убедит кого-либо из атеистов. Как ни удивительно, Эрман упоминает о нем лишь бегло — в связи с нашумевшей в свое время книгой раввина Гарольда Кюхнера "Почему плохое случается с хорошими людьми" (1981).

В основе аргументации Кюхнера — убеждение многих теистов прошлого и настоящего, что у всякого бога имеются жесткие пределы могущества. Фома Аквинский пишет где-то, что существует множество вещей, которые Бог совершить не в состоянии. Во-первых, он не может изменять прошлое. Сомневаюсь, чтобы в наши дни кто-нибудь полагал, что Господь мог бы, скажем, вымарать Гитлера из истории человечества. Во-вторых, Бог не способен совершать вещи логически невозможные. Святой приводит такой пример: Господу не создать полноценного человека, который одновременно являлся бы полноценной лошадью. А математик добавит, что Бог не сумеет построить треугольник с четырьмя сторонами или сделать так, чтобы два плюс два равнялось, скажем, семи.

От логических противоречий должна быть свободна не только чистая математика, но и прикладная. Если объекты окружающего нас мира сохраняют свою сущность, то два яблока плюс два яблока всегда составят четыре яблока и никакое другое количество. То же самое верно для коров, звезд и всех других предметов, служащих представлением для числа 1. Следуя Фоме Аквинскому, лучше не говорить, что есть вещи, которые Господь совершить не в состоянии, а говорить, что есть вещи, сделать которые невозможно.

Посмотрим теперь, как применить эти рассуждения к природному злу. Когда Бог сотворил Вселенную, или, как скажет теист, *начал* процесс творения, он не только ограничил этот процесс миром, свободным от логических противоречий: мир к тому же должен был следовать неизменным и неизменяемым законам. Так, планета не может вращаться вокруг Солнца одновременно и по эллиптической, и по квадратной орбите. Кроме того, необходимо, чтобы сила тяжести работала постоянно. Жизнь не возникла бы, если бы гравитация действовала импульсами, то и дело запуская всевозможные объекты в глубины пространства. Столь же катастрофическим был бы результат внезапной остановки вращения Земли (такое чудо, судя по Библии, однажды совершил Иисус Навин). Если бы законы природы утратили нерушимость, мир стал бы слишком хаотичен, чтобы в нем могла существовать жизнь.

Тот факт, что стабильные законы необходимы для любой представимой Вселенной с разумной жизнью, сразу же делает неизбежным природное зло. Если кто-нибудь, беспечно оступившись на краю пропасти, рухнет вниз, нельзя рассчитывать, чтобы Господь приостановил действие гравитации, позволив бедняге плавно спланировать на землю. Если тяжеленный кусок плиты сорвется с верхушки высокого здания и станет падать на голову прохожему, нельзя ожидать, что Бог изменит траекторию объекта или превратит его в ком перьев.

Предположим, какой-то человек мчится на машине по автостраде и засыпает за рулем. Машина пересекает разделительную полосу и вре-

зается в другой автомобиль, убивая едущую в нем женщину и троих ее детей. Подобные трагедии — страшная цена, которую мы платим за то, чтобы во Вселенной действовали неизменяемые законы скоростей и моментов сил. Если бы Господь должен был предотвращать все несчастные случаи, которые убивают или калечат, ему пришлось бы постоянно встревать в миллионы событий, происходящих в мире. Наша история обратилась бы в хаос, в мешанину непрерывных чудес.

Необходимостью того, чтобы во Вселенной сохранялся определенный порядок, можно объяснить и то, почему Господь не предотвращает ужасные болезни. Возьмем "черную смерть", чуму, которая выкосила в свое время треть населения Европы. Почему Бог не вмешался тогда и не предотвратил эту страшную эпидемию? Возможный ответ (пусть он и покажется кому-то неубедительным) таков: смертоносные микробы — неизбежное следствие биологических законов, необходимых для эволюции разумных существ. С этой точки зрения эволюция — вероятно, единственный способ, каким Господь смог сделать таких невероятных животных, как вы или я. Иррациональная смерть от болезней и других биологических причин (например, от рака) — цена, которую мы платим за эволюцию, за то, что мы живем, ведь сама жизнь — чудо.

Легко видеть, что подобные же рассуждения применимы к стихийным бедствиям, таким как землетрясения, цунами, извержения вулканов, молнии, становящиеся причиной гибельных пожаров, и к другим видам природного зла. Очевидно, что законы физики

приложимы к движениям земной коры, вызывающим сейсмические толчки. Законы, управляющие грозой и молнией, делают неизбежными лесные пожары, вспыхивающие время от времени. Смерть от землетрясений и молний — та цена, которую мы платим за физические законы, без которых не могла бы существовать Вселенная. *Знаю* ли я, что Господь именно поэтому допускает такие катастрофы? Нет, не знаю. Я лишь предлагаю объяснение (оно восходит к Маймониду* и даже к еще более давним временам) как наиболее удачное из всех, какие я встречал в обширнейшей литературе по данному вопросу.

Самой знаменитой работой, где защищается это объяснение, стала "Теодицея" великого немецкого математика и философа Готфрида Вильгельма Лейбница. Он ввел для Вселенной, свободной от логических противоречий, но управляемой неизменными законами, термин "совозможный". Лейбниц полагал, что Бог рассматривает все совозможные Вселенные, в каждой из которых действует свой уникальный набор законов. Многие сегодняшние физики, особенно те, что работают в области теории суперструн, не только всерьез относятся к нарисованной Лейбницем картине "мультиверса", содержащего, вероятно, бесконечное число совозможных Вселенных, но и считают, что такая "мультивселенная" действительно существует!

Далее Лейбниц предположил, что Бог избрал для творения ту Вселенную, где имелось наимень-

* Моисей Маймонид (1135–1204) — еврейский философ, теолог, врач.

шее количество неизбежных человеческих бедствий. Мысль о том, что Лейбниц в своей наивности не подозревал о чудовищном обилии страданий в нашем мире, выставляет его идиотом, каковым он, разумеется, не был. В конце концов, он — параллельно Ньютону — изобрел дифференциальное и интегральное исчисление! Превозносимый на все лады сатирический образ доктора Панглосса, созданный Вольтером, упускает самую суть "Теодицеи"*. Для Лейбница страдание — это цена, которую мы платим за возможность существования Вселенной.

Лейбниц знал и то, что человечество способно уничтожить наиболее иррациональные страдания. Мы в состоянии придумать, как строить здания, которые сумеют выдержать землетрясение, и как предотвращать гибель людей от наводнений. Наука умеет создать лекарства и для тела, и для души. Сегодня у нас есть вакцины, предохраняющие от полиомиелита и оспы. Развитие слепоты можно предупредить, удалив катаракту. Не исключено, что в один прекрасный день мы найдем способы побеждать голод и научимся избавлять мир от эпидемий и войн.

Представление Лейбница можно облечь в современную форму. После того, как Бог избрал лучшую из совозможных Вселенных (ту, где имелось наименьшее количество необходимого страдания), он остановился на определенном способе творения, который, вероятно, был единственно возможным

* Вольтеровский Панглосс (в философском романе "Кандид") в любых обстоятельствах неустанно повторяет: "Всё к лучшему в этом лучшем из миров".

для создания такой Вселенной. Где-то в глубинах пространства он породил квантовую флуктуацию, которая послужила толчком для того, что астроном Фред Хойл не без иронии назвал Большим взрывом*. Этот взрыв, в свою очередь, создал набор основополагающих частиц, полей и законов — фантастическую смесь, где мы с вами уже существовали in potentia**. Эти частицы и поля, а также набор законов, управляющих ими, оказались как раз таковы, чтобы спустя миллиарды лет гравитационные силы сформировали галактики, солнца и планеты, в том числе — по меньшей мере одну небольшую планетку, где могла бы зародиться жизнь, в конце концов путем эволюции породив таких нелепых созданий, как вы и я. История начинала свой долгий и мучительный путь к утопическому миру, где страдания будут сведены к минимуму. Рано или поздно (как об этом написал Г.Дж. Уэллс в своих "Очерках истории цивилизации") люди будут стоять на Земле как на скамеечке для ног, дотягиваясь при этом руками до самых звезд. Вы найдете схожие мысли в текстах выдающихся теологов всех возможных конфессий и вер, а также во многих светских писаниях, где Богу вообще не отводится никакой роли.

Но пока развивается этот план (Божий или чей-то еще), никто не станет отрицать, что человеческую историю, точно призрак, преследует колоссальное

* Большой взрыв — устоявшееся в русскоязычной научной литературе название этого явления. Особой иронии в нем не чувствуется. Но английское "Big Bang" Хойла можно перевести и как "Большой Бац".

** Потенциально, как возможность *(лат.)*.

зло и неизбежные несправедливости. Миллионы по-прежнему гибнут и испытывают бессмысленные страдания — при землетрясениях, несчастных случаях, болезнях и т.п. Хорошие люди умирают молодыми, а плохие преспокойно доживают до старости. Может ли Бог, заботящийся о нас и приглядывающий за судьбами человечества, избавить людей от столь очевидных несправедливостей, есть ли такой способ? Единственный путь, какой можно себе представить, — это устройство для нас какого-то загробного существования. А тогда перед каждым теистом встает следующий тройственный выбор:

1. Бог не способен предоставить нам будущую жизнь; в этом случае его могущество кажется необоснованно ограниченным.

2. Бог способен дать нам будущую жизнь, но предпочитает этого не делать; в таком случае это бросает тень на его доброту.

3. Бог и может, и желает даровать нам будущую жизнь.

Третью позицию горячо отстаивает Кант в своей "Критике практического разума", которую не читало большинство нынешних философов, да и большинство теологов. Конечно, можно назвать умных людей, не настаивавших, что они хотят жить снова, — например Г.Дж. Уэллса или Айзека Азимова. Но я думаю, что они лгали. Карл Саган, еще один атеист, оказался честнее, признавшись, что было бы замечательно жить после смерти, но он не видит доказательств, которые подкрепили бы

такую надежду. Вуди Аллен недавно отметил, что не хотел бы после смерти продолжать жить в собственных фильмах: "Я просто не хочу умирать". Босуэлл в своем жизнеописании Сэмюэла Джонсона сообщает, как рассказывал Джонсону о своей беседе с Дэвидом Юмом. "Юм сказал, что не испытывает желания после смерти жить снова. Он лжет, возразил Джонсон, и в этом легко убедиться, приставив к его груди пистолет". Великий испанский поэт, романист и философ Мигель де Унамуно как-то раз спросил у одного крестьянина, возможно ли, чтобы Бог был, а загробной жизни не было. Простодушный селянин ответил: "На что ж тогда Бог?"

И тут возникает странный вопрос: если загробная жизнь есть, то будет ли она протекать в мире, где есть свобода воли и наука и где, таким образом, допустимо существование обеих разновидностей зла? Индуист почти наверняка ответит: да. А я не имею об этом ни малейшего понятия. Да и откуда мне знать?

Но вернемся к "Проблеме Бога" — книге, которая навела меня на все эти затянувшиеся рассуждения. Трудно себе вообразить работу, где убедительнее бы растолковывалось, почему иррациональное зло подразумевает атеизм. Если вы прочтете посвященную данной теме книгу ортодоксального христианина, скажем, "Проблему страдания" Клайва С. Льюиса или его же "Наблюдение горя", где описана смерть от рака его жены Джой, вы ощутите мучения Льюиса, пытающегося поверить собственным аргументам. Льюиса терзает не только его собственная боль, но и осозна-

ние громадного количества страданий, которые продолжают преследовать человечество. А вот в книге Эрмана мучений почти не чувствуется. Она передает лишь сильнейшее облегчение автора — после того, как он наконец отбросил юношеский теизм.

Риторика Эрмана, красноречивая и впечатляющая, отличается от риторики других книг по проблеме зла, поскольку эрмановский центральный тезис таков: нигде в Библии не дается удовлетворительного ответа на вопрос, отчего всеблагой Бог допускает столь неисчислимые бедствия. Указатель в конце книги дает ссылки почти на две сотни стихов Ветхого Завета и более чем на сто стихов Нового.

В центре эрмановского исследования — детальный анализ Книги Иова. Эрман ясно дает понять, что это гибрид двух слепленных вместе документов, принадлежащих перу двух различных авторов. В первой описываются сцены из жизни земли Уц, перемежающиеся эпизодами, где Бог и Сатана спорят на небесах о вере Иова. Вторая же — поэтическая и куда более длинная. Богатый Иов переносит невероятные бедствия, которые ниспосылает ему Господь, в том числе гибель семи дочерей и трех сыновей, и при этом вера Иова в любовь Господа не колеблется ни на мгновение.

У этой столь восхищающей многих истории есть простая мораль. Иррациональное страдание — непроницаемая тайна. "Бог знает нечто такое, чего не знаете вы". Я слышал, как Оурал Робертс однажды сказал это на похоронах в Талсе. Бог кричит Иову из вихря: "Да кто ты такой, чтобы спрашивать о причинах, управляющих действиями создателя Вселенной?"

Часть VII
Политика

Глава 24
"Социализм" — бранное слово?

Уже давно я с большим удовольствием пишу письма в редакции, хоть и знаю, что из них мало что опубликуют. Вот почему я обрадовался, когда одна утренняя газета оклахомского городка Норман, где я живу, напечатала (в номере от 28 октября 2008 года) нижеследующее письмо. Через неделю предстояло избрание Обамы — без сомнения, поворотный момент в американской истории.

Письмо в редакцию "Norman Transcript":

Есть два типа социализма. При демократическом социализме существует то, что экономисты называют "смешанной экономикой", где мощные рычаги власти сочетаются с демократией и свободным рынком. Термин похитили в свое время русские марксисты, а позже Гитлер и Муссолини; все они использовали его, строя свои тирании.

Милтон Фридман, самый знаменитый наш консервативный экономист, в своей книге "Свобода выбирать" полагает, что Америка еще со времен Рузвельта была страной демократического социализма, хотя в ней он проявлялся слабее, чем в тех странах Европы, где он также существовал. Недавно Маккейн и его сторонники заклеймили Обаму, назвав

его социалистом, так как он хочет "тонким слоем размазать богатство". Конечно же Маккейн отлично осведомлен о том, что цель нашего прогрессивного подоходного налога — именно перераспределение богатства.

В приложении к "Свободе выбирать" Фридман, вспомнив, как Норман Томас, главный социалист в нашей стране, в последний раз баллотировался в президенты, перечисляет пункты его предвыборной программы. Каждое из этих положений сейчас разделяют почти все республиканцы. Томас любил повторять: "Большинство американцев не видят разницы между социализмом, коммунизмом и ревматизмом".

Мартин Гарднер

11 ноября газета опубликовала возражение одного из местных читателей:

28 октября у вас напечатали письмо Мартина Гарднера "Социализм" — бранное слово?" Советую всякому, у кого есть вопросы насчет социализма, почитать "Дорогу к рабству" Ф.А. Хайека*.

Социализм со временем стал означать самое широкое перераспределение доходов — через налогообложение и государственные институты социальной помощи. Это попросту государственная система, управляющая рабством. Она использует свою власть, чтобы заставить одного человека работать на дру-

* Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) — австрийский и британский экономист и философ, сторонник либерализма и свободного капиталистического рынка.

гого, не позволяя этим двум людям вступать между собой в общение или налаживать друг с другом связи. При социализме вашей жизнью управляет государство. Это прямой путь к тоталитарной власти.

Милтон Фридман пишет: "Битву за свободу надо выигрывать снова и снова". Социалистов в нашей стране нужно переубедить или разгромить, если мы вместе с ними хотим оставаться свободными людьми.

На самом-то деле фраза "Большинство американцев не видят разницы между социализмом, коммунизмом и ревматизмом" выражает недостаток образования и представляет большую угрозу для нашей личной свободы. Посмотрите на Венесуэлу.

Американские избиратели проголосовали за тоталитарное правительство.

Сидни Т. Ханна
г. Норман

17 ноября я ответил:

Сидни Т. Ханна в своем послании, ставшем реакцией на мое письмо ""Социализм" — бранное слово?", рекомендует всем, кто хочет понять социализм, прочесть книгу Хайека "Дорога к рабству". Нельзя выбрать менее подходящую книгу. Хайека преследует навязчивая идея: он убежден, что всякое движение к усилению федерального регулирования свободного рынка неизбежно приведет к рабовладельческому государству.

Один простой факт полностью опровергает это пророчество. В индустриальных странах, принявших у себя те или иные разновидности демократического

социализма (особенно в этом смысле известны Дания и Швеция), демократия развита сильнее, нежели в США. У нас голосуют лишь около половины обладающих избирательным правом, а в Швеции и Дании этот показатель близок к 90%. В Англии, Франции и Германии федеральная власть крепче нашей, однако во всех трех странах нет и намека на рабство. Как я указывал в предыдущем письме, Милтон Фридман, ведущий американский экономист консервативного направления, признавал, что даже США стали при Рузвельте государством демократического социализма.

Ханна ставит в пример Венесуэлу — социалистическую страну, утратившую свободы. Но в Венесуэле нет демократического социализма, там диктатура кубинского типа. А книга Хайека, хотя она и остается библией для ультраконсерваторов, так и не выучивших разницу между социализмом и коммунизмом, уже давно безнадежно устарела, и в ней множество неточностей. Лишь у нас в Америке слово "социализм" отчего-то стало ругательным.

Мартин Гарднер

Конечно же "социализм" — понятие необычайно расплывчатое. Если понимать под ним демократическую власть, вынужденную перераспределять богатство, чтобы оплачивать то, что приходится делать правительству и чего не может делать частный предприниматель, тогда все политики, называющие себя либералами или прогрессистами, автоматически становятся социалистами. Но, в отличие от европейских политических лидеров, они не

могут себя таковыми назвать (причины объясняются выше — в язвительном замечании Томаса по поводу ревматизма).

Но я не политик, а всего лишь журналист, поэтому не боюсь сказать, что я — демократический социалист. Русскому марксизму (особенно той его форме, которую он обрел при Сталине, уничтожившем больше собственных граждан, чем даже Гитлер) никто не противостоял яростнее демократических социалистов, в России и за ее пределами. У демократического социализма — безупречная и почтенная история. И он никоим образом не является "дорогой к рабству".

Обаме придется нелегко. У себя в стране он вынужден будет иметь дело с рецессией, которая грозит обернуться депрессией, а за границей — с фанатичным Ираном, вооруженным ядерным оружием и страстной ненавистью к Израилю и Соединенным Штатам. Слава богу, у нас сейчас нет президента-путаника и вице-президента — пятидесятницы, сомневающейся в эволюции, признающей исцеление верой и не так давно посещавшей пастора, который в моменты религиозного экстаза начинает вещать на неизвестных языках. Может быть, какой-нибудь репортер наберется храбрости и спросит Сару Пэйлин, когда же она ожидает Второго пришествия Христа, дабы тот установил Царствие Небесное на земле?

Нетрудно понять, что случилось с нашей экономикой в 2008 году. Даже Алан Гринспен закончил свою невразумительную речь, обращенную к Конгрессу, признанием, что он совершил в свое время

непростительную ошибку, переоценив способность свободного рынка справляться с экономическим спадом. Страна качнулась назад, к временам Герберта Гувера, который говаривал, что правительство может справиться с депрессией, лишь "дав ей выдохнуться". Алан Гринспен обратился в Алчного Гринспена. Перед тем как уйти в отставку, руководители корпораций отхватывали или пытались отхватить прощальные премии в десятки миллионов долларов на каждого.

Однажды на манхэттенском симпозиуме я стал свидетелем выступления постаревшего Нормана Томаса. Голос его по-прежнему оставался ясным и сильным, но ходил он уже с большим трудом. Медленно карабкаясь на сцену, он произнес два слова, вызвавшие в зале бурю хохота: "Ползучий социализм". Осенью 2008 года это ползание стало прыжком. По иронии судьбы прыжок организовали не либералы из демократической партии, а консервативные экономические советники Джорджа Буша! Много ли экстренных рычагов регулирования, введенных правительством, сохранится, когда кризис минует? Гринспен этого не знает — как и мы с вами.

Примечания

Глава 6. Почему я не сторонник паранормального

1. Трудно поверить, но именно такой хаос рекомендовал Пол Карл Фейерабенд, уроженец Вены, философ науки, преподававший в Калифорнийском университете в Беркли. Фейерабенд полагал, что никакого научного метода не существует (в том смысле, что нет правил, которых нельзя было бы нарушить) и что соперничающие теории так же несопоставимы, как различные культуры. Поскольку он рекомендовал позволить государственным школам обучать детей всему, что пожелают налогоплательщики (будь то астрология, парапсихология, космология индейцев хопи, креационизм, вудуизм или обрядовые пляски вызывания дождя), он стал любимым философом для сторонников паранормального, читающих и понимающих его. Мое мнение об "эпистемологическом анархизме" Фейерабенда см. в статье 1982 г. "Наука и Фейерабенд", переизданной в моей книге "Порядок и неожиданность" (1983).

2. Samuel Goudsmit, *ALSOS (1947)*.

3. Социологи Уильям Симс Бейнбридж и Родни Старк в статье "Предрассудки старые и новые" ("Skeptical Inquirer", лето 1980) сообщают о своих исследованиях, в ходе которых они выясняли, как распространенные ныне оккультные мании соотносятся с религиозной верой. Выяснилось, что люди, не исповедующие никакую религию, более прочих подвержены вере в экстрасенсорное восприятие и НЛО. Паранормальные секты оказались сильнее в тех регионах, где слабее роль традиционной Церкви.

4. *Fads and Fallacies in the Name of Science* ("Причуды и заблуждения во имя науки") (1952).

5. *Science: Good, Bad and Bogus* ("Наука хорошая, плохая и фальшивая") (1981).

6. Книги и статьи, посвященные лженауке, сейчас чересчур многочисленны, чтобы все их здесь назвать. Желающим быть в курсе новейших псевдонаучных течений настоятельно рекомендую подписаться на журнал "Skeptical Inquirer" (главный редактор — Кендрик Фрейзер) и на журнал "Skeptic" (главный редактор — Майкл Шермер).

7. "Причуды и заблуждения" (см. выше примеч. 4).

8. Joseph Banks Rhine, *The Reach of the Mind* (Winchester, MA: William Sloane Associates, 1947), глава 11.

9. Опыт Шмидта с тараканами описан в статье "Телекинетические эксперименты над животными" ("Journal of Parapsychology", 34, 1970). Ради не планировавшегося авторами веселья рекомендую заглянуть в отчеты о Шмидтовых опытах по телекинезу (ТК) у животных в работе Луизы Э. Райн "Парапсихологические явления — что это?" ("Harper & Row", 1971) и в главу "ЭСВ и животные" книги Марка Эбона "Что нового в ЭСВ" ("Pyramid Books", 1976).

Когда Уолтер Дж. Леви-младший работал у Райна, он обнаружил, что живые куриные яйца способны воздействовать на рэндомайзер (генератор случайных чисел или импульсов), чтобы он создавал им больше тепла, нежели позволяет случай. Ранее Шмидт сообщал о похожих экспериментах, проведенных с его кошкой. О работах Леви с оплодотворенными яйцами см. статью Леви и Э. Андре "Возможно, невылупившиеся цыплята применяют ТК, чтобы получить тепло" ("Journal of Parapsychology", 34, 1970, с. 303). Так как позже Леви поймали на фальсификациях при изучении способности крыс влиять на поведение рэндомайзера (см. ниже примеч. 13), цитаты на его пионерскую работу в области "яичного ТК" исчезли из литературы по парапсихологии.

10. Цитата из статьи Флю "Возвращение к парапсихологии" ("Humanist", май 1976).

11. Эти заявления экстрасенса-сайентолога Инго Свана "подтверждали" Гарольд Путхофф и Рассел Тарг в ходе экспериментов, о которых сообщается во второй главе их книги "Возможности сознания" ("Delacorte Press", 1977).

12. Этот чудесный метод выигрыша в рулетку путем усиления предсказательной способности группы игроков разъясняли Путхофф и Тарг в переплетенных гранках "Возможностей сознания", разосланных рецензентам сотрудницей "Delacorte Press" Элеанор Фрид. После сообщения о феерическом успехе своего метода авторы добавляли:

> Подобные игровые достижения выдержали научную проверку, и их результаты опубликованы в ряде статей. Для интересующихся мы помещаем здесь описание апробированной и опубликованной стратегии. Она несколько сложна, однако позволила некоторым известным нам людям преуспеть при игре в казино и уйти оттуда с деньгами в карманах, что стало зримым доказательством их парапсихологического мастерства.

Мои комментарии по поводу этой системы изложены в рецензии на "Возможности сознания", позже вошедшей в книгу "Наука хорошая, плохая и фальшивая" (1981). К моему удивлению, когда "Возможности сознания" вышли в свет, страницы, посвященные рулеточной системе, из нее исчезли. Подробности см. в моей книге.

13. О скандале с Леви сообщил Бойс Ренсбергер в "New York Times" (20 августа 1974). Другие сообщения появились в "Time" (26 августа 1974) и "APA Monitor" (ноябрь 1974). Сам Райн также обсуждает эту историю (не упоминая имени Леви) в статье "Еще один случай недобросовестности экспериментатора", опубликованной в его "Journal of Parapsychology" (июнь 1974).

14. Несмотря на многочисленные обвинения в мошенничестве, выдвигавшиеся Ч.Э.М. Хэнселом и другими скептиками, ведущие парапсихологи отказывались поверить в эти утверждения, пока Бетти Марквик не опубликовала свои сенсационные находки в "Proceedings of the Society for Psychical Research" (56, май 1978). Краткое изложение приведенных ею доказательств, а также великолепное осмысление их Дж.Г. Праттом см. в главе 19 моей "Науки хорошей, плохой и фальшивой". Заявление Райна по поводу Соула приведено в главе 10 Райновых "Пределов досягаемости сознания" (1947).

Глава 10. Ряд Фибоначчи

1. M. Gardner, *Penrose Tiles to Trapdoor Ciphers* (New York: *vv.* H. Freeman, 1989).

2. A. Horadam, "Fibonacci Number Triples", in *American Mathematical Monthly* 68: 751–753, 1961.

3. V. Schlegel, *Zeitschrift fur Mathematik und Physik* 24: 123, 1879.

4. E.B. Escott, *Open Court* 21: 502, 1907.

5. W. Weaver, "Lewis Caroll and a Geometrical Paradox", *American Mathematical Monthly* 45: 234, 1938.

6. T. de Moulidars, *Grande Encyclopedie des Jeux,* p. 459 (Paris, 1888).

7. M. Gardner, *Mathematics, Magic, and Mystery* (New York: Dover, 1956).

8. N. Pandita, *Ganita Kaumudi* (Lotus Delight of Calculation), p. 1356:

9. D. Knuth, *Art of Computer Programming,* vol. 4 (Reading, MA: Addison-Wesley, 2006).

10. M. Feinberg, *Fibonacci Quarterly,* October 1963.

11. O. O'Shea, *The Magic Numbers of the Professor* (Washington, D.C.: Mathematical Association of America, 2007).

12. J. Smoak and T. J. Osler, "A Magic Trick from Fibonacci", *College of Mathematics Journal* 34: 58–60, January 2003.

13. R. Graham, D. Knuth, and O. Patashnik, "Exercise *G43*", *Concrete Mathematics* (Reading, MA: Addison-Wesley, 1994).

14. Brooke and Wall, *The Fibonacci Quarterly* 1: 80,1963.

15. M. Gardner, *Mathematical Circus* (New York: Knopf, 1979).

Глава 11. Покрытие изуродованных шахматных досок с помощью L-тримино

1. M. Gardner, "The Eight Queens and Chessboard Divisions", in *The Unexpected Hanging and Other Mathematical Diversions* (Chicago: University of Chicago Press, 1991).

2. S.W. Golomb, "Checker boards and polyominoes", *American Mathematical Monthly* 61: 675–682, 1954.

3. S.W. Golomb, *Polyominoes* (New York: Scribner, 1965).

4. R.Nelsen, *Proofs Without Words II: More Exercises in Visual Thinking* (Washington, D.C.: Mathematical Association of America, 2000).

5. I.P. Chu and R. Johnsonbaugh, "Tiling deficient boards with trominoes", *Mathematics Magazine* 59: 34–40, 1986.

6. K. Jones, Vee-21 available at www.gamepuzzles.com/polycub2.htm#V21.

Глава 12. Ау, мистер Херш, вы "здесь"?

Инструкции, объясняющие, как сделать бутылку Клейна из конверта, см. в главе 2 моей книги *Sixth Book of Mathematical Games from Scientific American* (New York: W. H. Freeman, 1971).

Глава 19. Занимательный случай Фрэнка Типлера

1. Панненберг родился в 1928 году на территории нынешней Польши. Самые известные его труды — "Иисус: Бог и человек" (1968) и "Систематическая теология" (1994); оба

написаны под большим влиянием Карла Барта*, который в шестнадцать лет испытал переживание, сходное с обращением Савла (будущего апостола Павла) по дороге в Дамаск.

Глава 21. Почему я не атеист

1. Полагаю, рано или поздно кто-нибудь неизбежно должен был применить современную теорию игр, с ее платежными матрицами, к многообразным встречам Бога и человека, описанным в Ветхом Завете. Стивен Дж. Брамс, профессор политологии из Нью-Йоркского университета, уже это проделал. Его книга "Библейские игры: стратегический анализ сказаний Ветхого Завета" была издана "MIT Press" (Кембридж, штат Массачусетс) в 1980 году. В главе 2, "Что означает вера", как раз и рассматриваются стратегии парных взаимодействий в историях о жертвоприношениях Авраама и Иеффая.

2. У жертвоприношения дочери Иеффая имеются две яркие параллели в древнегреческой мифологии: намеренное принесение в жертву дочери Агамемнона и жертва, совершенная Идоменеем. Агамемнон дает обет Артемиде, что если она подарит ему ребенка, то он пожертвует ей самое дорогое, что появится у него в течение года. Самым дорогим оказывается его новорожденная дочь Ифигения. Но Агамемнон, что вполне понятно, отказывается выполнять свою глупую клятву. Несколько лет спустя он отправляется на битву с троянцами, и его флот замирает в море из-за того, что стихает ветер. Оракул убеждает царя, что это проявление гнева Артемиды и что корабли двинутся вновь, если он принесет в жертву Ифигению.

Агамемнон посылает за дочерью — под предлогом, что хочет выдать ее замуж за Ахиллеса. Узнав страшную правду,

* Карл Барт (1886–1968) — швейцарский теолог-кальвинист, один из основоположников диалектической теологии.

она, подобно дочери Иеффая, соглашается стать жертвой из глубокой любви к своему отцу, к своим богам и своей стране. Но за мгновение до того, как опустился роковой нож, Артемида сжалилась над девушкой и унесла ее прочь, оставив взамен ее на алтаре дикую козу. Эта легенда отражена в двух дошедших до нас трагедиях Еврипида, а также в двух операх Глюка и пьесах Гете, Расина и других авторов.

Вторая легенда повествует об Идоменее, царе Критском. Он дает обет Посейдону, что если благополучно вернется домой из Трои, то принесет в жертву первое живое существо, какое встретит по возвращении. Этим существом оказывается его сын. Идоменей совершает убийство, однако боги карают Крит ужасной моровой язвой, и его соотечественники изгоняют его.

Оба мифа кажутся мне все-таки не такими кощунственными, как легенда о дочери Иеффая. Артемида оказалась милосерднее Иеговы, а критяне — милосерднее народа израильского. Следует отметить, что в традиционном иудаизме Иеффай подвергается суровому осуждению, и в иудейских преданиях говорится, что он был наказан ужасной смертью. В пятой песни Дантова "Рая" Беатриче уподобляет преступление Иеффая деянию Агамемнона и порицает их обоих. Подобные же мнения высказываются в многочисленных трагедиях, основой для которых стала история Иеффая, а также в опере Генделя. На полотне Джона Милле, викторианского живописца, Иеффай изображен погруженным в глубокие раздумья, а простодушная дочь его утешает. Мне кажется, эта картина столь же нелепа, как стихотворение Байрона "Дочь Иеффая", в финале которого девушка говорит: "Вспоминай иногда, мой отец, / Что с улыбкой мной встречен конец!"*

Остается лишь поражаться умонастроениям тех христианских комментаторов, которые превозносили "веру"

* Перевод П. Козлова.

Иеффая, как будто его безумное доверие Иегове отчего-то больше заслуживает восхищения, чем доверие Агамемнона и Идоменея своим богам. Некоторые толкователи даже считают Иеффая и его дочь, как и Авраама с Исааком, своего рода провозвестниками Искупления Христова, особо подчеркивая, что в Молитве Иисусовой есть слова: "Не Моя воля, но Твоя да будет".

3. Джозеф Батлер* в своих "Основаниях религии" пишет:

> На самом же деле никакое, пусть даже самое недвусмысленное, доказательство будущей жизни не может явиться доказательством религиозным. Ибо то, что нам предстоит жить и после смерти, столь же согласуется с построениями атеизма и столь же удовлетворительно может быть ими истолковано, как и то, что мы живы сейчас; а следовательно, нельзя представить себе ничего нелепее, чем попытки вывести из этих построений невозможность будущего существования.

4. Знаменитое высказывание Канта о том, что его больше всего наполняют восторгом и трепетом звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас, пришло мне в голову, когда я наткнулся во втором томе автобиографии Бертрана Рассела на абзац, который сам Кант наверняка счел бы загадочным. Оканчивая "Теорию и практику большевизма" (1920), Рассел пытается решить, стоит ли ему публиковать эту книгу:

> Высказаться в пользу большевизма означало бы, конечно, сыграть на руку реакции, и большинство моих друзей считали, что о России следует говорить лишь положительно. Однако в войну я остался глух к подобной

* Джозеф Батлер (1692–1752) — английский философ-моралист, теолог. Служил пресвитерианским епископом.

же аргументации патриотов, поэтому теперь я счел, что в долгосрочной перспективе не будет никакой пользы, если кто бы то ни было станет держать язык за зубами. Всё еще больше запуталось из-за моих личных отношений с Дорой. Однажды летней ночью, после того как она отправилась спать, я вышел на наш балкон и уселся там, созерцая звезды. Я пытался обдумать вопрос, уйдя от жара политических страстей, и представил, будто веду беседу с Кассиопеей. И мне показалось, что взаимная гармония, царящая между мною и звездами, лишь окрепнет, если я опубликую свои мысли о большевизме. Так что я продолжил работу — и как-то вечером, накануне нашего отъезда в Марсель, завершил книгу.

5. Мигель де Унамуно. О трагическом чувстве жизни. Глава 8 (М., Символ, 1997).

6. По-видимому, основные положения аргументации, приведенной в Паскалевом пари, впервые открыто выразил Арнобий — христианский теолог, живший в Африке приблизительно в начале IV в. н.э.:

Однако верно и то, что сам Христос не доказывает своих обещаний. Ибо, как я уже сказал, не может быть абсолютного доказательства будущих событий. Но, если будущие события таковы, что их невозможно охватить никакими усилиями наших предвосхищений и ожиданий, не разумнее ли, выбирая между двумя путями, оба из которых зыбки и зависят от сомнительных предположений, отдать предпочтение тому, что питает нас хотя бы некоторой надеждой, нежели тому, который таковой надежды не дает вовсе? Ибо в первом случае не произойдет никакой беды, если наша надежда, как сказано, обернется пустотою; во втором же случае опасность весьма велика: мы лишимся спасения, о чем суждено нам будет узнать, лишь когда настанут времена, которые откроют, что все эти обещания отнюдь не были ложными.

Цит. по "Копилке парадоксов" Августа де Моргана*, где в подстрочном примечании дается перевод латинского пассажа, цитируемого де Морганом, в свою очередь, по Пьеру Бейлю, французскому протестанту XVII века, радикальному фидеисту. "Похоже, Арнобий извлекает из этой идеи не меньше, чем он извлек бы четырнадцать столетий спустя, когда к его услугам была бы арифметика вероятностей", — замечает де Морган.

7. Замечания графа Мануэля, по сути, перефразируют следующий пассаж из трактата Цицерона "О старости":

> Если я здесь заблуждаюсь, веря в бессмертие человеческой души, то заблуждаюсь я охотно и не хочу, чтобы меня лишали этого заблуждения, услаждающего меня, покуда я жив. Пока же меня утешает мысль, что если я, будучи мертв, ничего чувствовать не буду, как думают некие неважные философы, то незачем мне страшиться, что эти мудрецы станут насмехаться над этим моим заблуждением, ибо ни меня, ни их не будет больше**.

8. George Santayana, *Character and Opinion in the United States (1920)*.

9. Реймонд Смаллиан, математик и фокусник, в своем эксцентричном очерке об астрологии, вошедшем в его книгу "Дао молчаливо" (1977), замечает по поводу науки и магии:

> Если же говорить о магии, то я скорее допущу возможность того, что Вселенной в конечном счете управляет волшебство, чем поверю, что ею движут научные законы. Кто знает, быть может, Вселенная — это вели-

* Август де Морган (1806–1871) — шотландский математик и логик.

** Использован и дополнен перевод В. Гореншейна.

чайший фокусник, который не хочет, чтобы мы узнали о его волшебной силе, и потому устраивает так, чтобы большинство явлений происходили научно и упорядоченно, дурачит нас, дабы мы не догадались о его существовании! Да, это вполне вероятно, и чем больше я об этом думаю, тем больше мне нравится такая идея!

Предположение Смаллиана, само собой разумеется, не так уж далеко от индуистской доктрины, согласно которой весь мир — иллюзия. Хотя средневековые схоласты и полагали, что Вселенная в достаточной степени реальна, многие из них (особенно известны в этом смысле воззрения Уильяма Оккама) заявляли, что Богу вполне по силам дематериализовать, скажем, кресло или звезду, заменив их иллюзией кресла или звезды, которые мы не в состоянии будем отличить от настоящих.

10. Мигель де Унамуно. О трагическом чувстве жизни. Глава 10 (М., Символ, 1997).

Серия GALILEO

Мартин Гарднер

"Когда ты была рыбкой, головастиком — я..."

и другие размышления о всякой всячине

Главный редактор издательства "КоЛибри"
О.Морозова
Редактор И.Опимах
Художник А.Бондаренко
Технический редактор Л.Синицына
Корректоры Т.Дмитриева, Т.Филиппова
Компьютерная верстка Т.Коровенкова

ООО "Издательская Группа Аттикус" —
обладатель товарного знака "Издательство КоЛибри"
119991, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Наш адрес в Интернете: www.atticus-group.ru

Подписано в печать 31.05.2010. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура "Octava OSC".
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 3500 экз. N-МК-5008-01-R Заказ № 7414

Отпечатано в ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, Тверь, проспект Ленина, 5

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАТЬСЯ:

В Москве: ООО "Издательская Группа Аттикус"
тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
e-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге: "Аттикус-СПб"
тел./факс (812) 783-52-84
e-mail: machaon-spb@mail.ru

В Киеве: "Махаон-Украина"
тел. (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

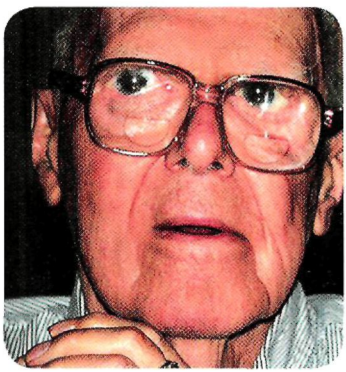
GALILEO

Мартин Гарднер

“Когда ты была рыбкой, головастиком – я...”

и другие размышления о всякой всячине

9 785389 009714 01



Американец Мартин Гарднер известен во всем мире. На его книгах учится мыслить и постигать математику уже не одно поколение. Профессор Стэнфордского университета Перси Диаконис называет его “волшебником, открывающим нам глаза на безумный мир, в котором мы все живем”. Гарднер далеко не молод, но можно только позавидовать живости ума, парадоксальности мысли и потрясающей эрудиции этого человека. За свою долгую жизнь он написал более 70 книг.

Гарднер занимает особое место в современной науке. Неудивительно, что его много раз награждали разными премиями, от которых он, однако, всегда отказывался. “Я журналист, писатель, а вовсе не математик”, — заявляет он.

“Когда ты была рыбкой...” — сборник эссе на самые разные темы. Тут и математика, и дарвинизм, и паранаука, и гибель “Титаника”, и история Санта-Клауса...

КоЛибри

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ,
САМОЕ НОВОЕ, САМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ
О НАУКЕ И ЕЕ ГЕРОЯХ